
Voennyi Sbornik

Has been issued since 1858.
ISSN 2309-6322.
2013. Vol.(2). № 2. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Cherkasov Aleksandr – Sochi State University, Sochi, Russia (Editor-in-Chief)
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Mamadaliev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia
PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia

EDITORIAL BOARD

Anca Alejandro – Ministry of Defence of Spain, Spain
Crawford Kent – Gunnery Fire Control Group, USA
Krinko Evgenii – Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia
Myagkov Mikhail – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Rzheshevskii Oleg – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Sarychev Gennadii – Moscow Department of the Russian Ministry of Interior, Moscow, Russia
Sergeev Evgenii – Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Senyavskaya Elena – Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Šmigel' Michal – Matej Bel University, Banská Bystrica, Slovakia

The journal is registered by Federal Service for Supervision of Mass Media, Communications and Protection of Cultural Heritage (Russia). Registration Certificate ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013.

Journal is indexed by: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (UK), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Open Academic Journals Index** (Russia), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russia

Website: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.12.13.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 2.

Voennyi Sbornik

2013

№

2

Издается с 1858 г. ISSN 2309-6322.
2013. № 2 (2). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Черкасов Александр – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
(Гл. редактор)
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Анка Алехандро – Министерство обороны Испании, Испания
Крауфорд Кент – Группа управления артиллерийским огнем, США
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Мягков Михаил – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Ржешевский Олег – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Сарычев Геннадий – ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия
Сенявская Елена – Институт российской истории РАН, Москва, Россия
Сергеев Евгений – Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Шмигель Михал – Университет Матей Бэла, Банска Быстрица, Словакия

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (Российская Федерация). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 - 55398 от 17.09.2013 г.

Журнал индексируется в: **CiteFactor** (США), **CrossRef** (Соединенное королевство), **Global Impact Factor** (Австралия), **Научная электронная библиотека** (Россия), **Open Academic Journals Index** (Россия), **Sherpa Romeo** (Испания), **ULRICH's WEB** (США), **Universal Impact Factor** (Австралия).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal6.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Подписано в печать 16.12.13.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 2.

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

C O N T E N T S

Vladimir I. Afanasenko “Cadres Decide Everything!” (on the Issue of the Quality of the High Command of the WPRA (Workers and Peasants' Red Army) and Wermacht in the Battles in the Big Bend of the River Don in 1942-1943)	64
Aleksandr A. Cherkasov, Michal Šmigel The Civil War in Kuban and the Black Sea Region (1917-1922): A Historiographic Overview	74
Kent R. Crawford, Nicholas W. Mitiukov The British – Italian Performance in the Mediterranean From the Artillery Perspective	95
Aleksandr V. Glushko, Natal'ya I. Shilo “Clear the Woods the Thugs are Hiding in With Poisonous, Asphyxiating, Gases ...”: Myths and Facts about the Tambov Uprising	103
Il'ya A. Kovalev Junior Members of the House of Romanov at the Fronts of World War I	126
Evgeny F. Krinko Seizure of Maikop by the Wehrmacht (August 9–10, 1942)	134
Roman V. Lapshin The Death of an Old Enemy. Cruiser "Niitaka" End	146
Irina G. Tazhidinova The Features of Family Relations in Terms of the Great Patriotic War of 1941-1945	151
Amiran T. Urushadze The Caucasian War in the Writings of D.A. Milyutin	163

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94 (47)

“Cadres Decide Everything!” (on the Issue of the Quality of the High Command of the WPRO (Workers and Peasants' Red Army) and Wermacht in the Battles in the Big Bend of the River Don in 1942-1943)*

Vladimir I. Afanasenko

Institute of Socio-Economic and Humanities Research Southern Scientific Center, RAS, Russian Federation
Research Associate

Abstract. In 1942-1943, the southern wing of the Soviet-German front saw frequent changes in front and army commanders. Over a hundred displacements, appointments, and transfers within a few months. What were the causes behind this commander “leapfrog”? This article examines the operative-strategic level issues related to the quality of WPRO generalship. Through the biographies of 43 WPRO generals who were in command of the armies and fronts in the battles in the big bend of the River Don in 1942-1943, their professional education, combat experience from World War I (1914-1918) and the Civil War (1917-1921), the article investigates the issues related to the formation of Soviet generalship in the most critical, turning-point period of the Great Patriotic War in the most important sector of the Soviet-German front. For comparison, the author also furnishes data on their opponents – German generals and field-m Marshals – in this very sector of their uncompromising showdown.

Keywords: Great Patriotic War; big bend of the River Don; Soviet commanders.

Введение. В большой излучине Дона в июне 1942 г. – августе 1943 г. боевыми действиями руководили управления 7 фронтов, 25 общевойсковых, 4 танковых и 5 воздушных армий. Только в июле-октябре 1942 г. 21 раз менялись командующие фронтами (на Брянском и Воронежском – четырежды, на Сталинградском – трижды). Командование армиями менялось 67 раз, причем в 9, 18, 21, 24, 62, 1-й гвардейской – четырежды, в 40, 51, 57, 2-й гвардейской – трижды. Такой «чехарды» командующих на стратегическом и оперативном уровне не было ни до, ни после сражений в большой излучине Дона в 1942–1943 гг. Перемещения командующих решениями Ставки ВГК проводились как «по горизонтали», с армии - на армию, с фронта – на фронт, так и «по вертикали» - с дивизии или корпуса – на армию, с армии – на фронт, редко из-за гибели или ранения военачальника. Произошел жесткий отбор полководцев РККА на «профессиональную пригодность».

Таблица 1.

Командующие фронтами южного направления в 1942 г. [1]

ФИО командующего	Наименование фронта	Периоды командования
Буденный С.М.	Северо-Кавказский	20.05–03.09.1942

* Статья подготовлена в рамках проекта «Великая Отечественная война в исторической памяти Юга России» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

Ватутин Н.Ф.	Воронежский Юго-Западный	14.07–22.10.1942 25.10.1942–27.03.1943
Голиков Ф.И.	Брянский (II) Воронежский Воронежский	2.04–07.07.1942 09.07–14.07.1942 22.10.1942–28.03.1943
Гордов В.Н.	Сталинградский	23.07–12.08.1942
Еременко А.И.	Сталинградский (I) Юго-Восточный Сталинградский (II)	13.08–30.09.1942 07.08–30.09.1942 30.09–31.12.1942
Костенко Ф.Я	Юго-Западный (I)	18.12.1941–08.04.1942
Малиновский Р.Я.	Южный (I)	24.12.1941–28.07.1942
Рейтер М.А.	Брянский (II)	28.09.1942–12.03.1943
Рокоссовский К.К.	Брянский (II) Донской	14.07–27.09.1942 28.09.1942–12.03.1943
Тимошенко С.К.	Юго-Западный (I) Сталинградский (I)	08.04–12.07.1942 12.07–23.07.1942
Чибисов Н.Е.	Брянский (II)	07.07–13.07.1942

Аналогичный отбор в это же время (лето-осень 1942 г.) провел Гитлер, отправивший в отставку командующих группами армий и армий фельдмаршалов Ф. фон Бока, В. Листа, М.фон Вейхса, начальника генштаба ОКХ генерал-полковника Ф. Гальдера. [2].

Анализ боевых действий в оборонительных и наступательных операциях лета и осени 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта приводит к выводу о невысоком качестве командного состава РККА на оперативно-стратегическом уровне – уровне командующих армиями и фронтами. Наиболее показательные недостатки советских полководцев этого периода проявились в неумении поддерживать непрерывную связь с войсками на передовой, с резервами и вышестоящими штабами; в отсутствии систематической разведки всех видов, и как следствие, в незнании сил и средств противника, его планов дальнейших действий; в неумении организовать тесное взаимодействие родов войск на поле боя (пехоты, артиллерии, танков, авиации, инженерно-саперных частей); в слабом маневрировании резервами, направленном на опережение действий противника; в неспособности организовать своевременное обеспечение вверенных войск всем необходимым для боя и поддержания высокой боеспособности соединений и частей (боеприпасы, продовольствие, ГСМ, медико-санитарная помощь, пополнение личного состава, смена войск на передовой и т.п.). Самым характерным недостатком советских полководцев в летне-осенних сражениях 1942 г. на юге СССР оказалось неумение организовать и провести самый сложный вид боевых действий – отступление. Казалось бы, что опыт первого года войны, с его многодневными отходами на сотни километров, с многочисленными большими и малыми окружениями должен послужить уроком как для войск, так и, в первую очередь, для командующих армиями и фронтами. Но этого не произошло. Харьковский «котел», окружения под Купянском, у Старого Оскола, Горшечного, Миллерово, севернее Калача-на-Дону и Сальска, огромные потери личного состава и материальной части при отступлении армий Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов в июле 1942 г. – яркое свидетельство неусвоенного опыта 1941 г. Масштабы потерь в личном составе и вооружении в Воронежско-Ворошиловградской и Сталинградской стратегических оборонительных операциях свидетельствуют о невысоком уровне советского генералитета на южном стратегическом направлении [3].

Материалы и методы. В данной статье рассматривается проблема кадров высшего состава РККА в сражениях в большой излучине Дона в 1942-1943 гг. Источниковая база данного исследования включает сборники документов, военно-биографические словари, справочники, журнальные публикации [1-10].

Обсуждение. Изучение вопроса о формировании советского генералитета в межвоенный период (1921–1941 г.г.) дает достаточно ясное представление о том, как и из кого, формировался высший состав Рабоче-Крестьянской Красной армии [4]. «Кузницей кадров» будущих полководцев СССР стала Первая мировая война (1914–1918 гг.), получившая в советский период название «Империалистической», а в памяти народов России оставшаяся как «Вторая Отечественная».

После неудачной для Российской империи русско-японской войны были сделаны выводы и предприняты усилия для качественной подготовки командного состава всех уровней. Академия Генерального штаба, военные академии родов войск, военные училища готовили квалифицированный офицерский состав для русской императорской армии. Учитывался передовой мировой опыт, научно-технические достижения, внедрение новых технических средств вооружений в войска (скорострельное стрелковое и минометно-артиллерийское оружие, бронев автомобили и автомобили, бронепоезда, авиация, телефонная и радиосвязь, боевые химические вещества и т.п.). Изменялась структура частей и соединений, отрабатывались на командно-штабных и полевых учениях навыки ведения боя и операций. Менее чем за десятилетие был подготовлен достаточно квалифицированный командный состав тактического и оперативно-стратегического уровня.

Первая мировая война провела «естественный отбор». Кадровый офицерский корпус русской императорской армии, получивший систематическое военное образование, был почти полностью выбит за три военных года. К осени 1917 г. офицеры с военным образованием, полученным до войны, составляли 4 %, остальные 96 % были офицерами военного времени. При этом дворяне среди офицеров военного времени составляли 5 %, выходцы из крестьян – 80 % [5]. К концу 1917 г. основу офицерского корпуса русской армии составляли выпускники школ прапорщиков, которые создавались с осени 1914 г. по осень 1916 г. и имели 3 – 4-месячный курс обучения. С осени 1916 г. в школы прапорщиков принимали и с начальным образованием, а солдат-фронтовиков – хотя бы просто грамотных. Выпускники этих школ считались офицерами военного времени и не могли производиться в чины выше штабс-капитана, а после окончания войны подлежали немедленному увольнению в запас [6]. На практике этот запрет часто не соблюдался и многие из выпускников школ прапорщиков 1914–1916 гг. к концу 1917 г. имели чины капитана или даже подполковника. Всего в 1914–1917 гг. из школ прапорщиков было выпущено 81 426 прапорщиков, на ускоренных курсах при военных училищах и Пажемском корпусе – 63785 прапорщиков. Произведено в прапорщики на фронте за боевые отличия 11494 солдата и унтер-офицера. Общее количество произведенных в прапорщики в 1914–1917 гг. составило 220 тыс. чел. [7]. Становится понятным, почему большинство офицеров русской армии вступили в РККА. Сознательно или бессознательно, они понимали, что в случае победы режима, реставрации дореволюционных порядков, дальнейшая служба в армии для них будет закрыта, и после увольнения с военной службы они в лучшем случае пополнят собой слои сельской интеллигенции и чиновничества, а в худшем – снова будут пахать землю. Именно эта категория унтер-офицеров и офицеров военного времени, 1890 – 1896 гг. рождения, выходцев из среды среднего крестьянства, с начальным и изредка неполным средним образованием, в 1920–1930-е гг. составила основную часть командного состава РККА, а с июня 1940 г. составляла и основную массу ее генералов [8]. Чисто мужицкая цепкость и неумное стремление пробиться наверх, не считаясь с количеством чужих отдаленных ступней, сочетались у них с присущим русскому зажиточному крестьянству подострастием к начальству и презрением к низестоящим. Все это, вкупе с низким уровнем общего и военного образования и фельдфебельско-унтерским типом личности, делало их малоспособными к самостоятельному повышению своего общеобразовательного и военно-профессионального уровня. Их основные интересы лежали за пределами воинской службы, сводясь к самоутверждению посредством внешних признаков власти.

Таблица 2.

Командующие фронтами и армиями РККА на южном крыле советско-германского фронта летом и осенью 1942 г.

ФИО, национальность, происхождение	Звание в 1914–1917 гг.	Служба и должность в РККА в 1918–1920 гг.	Военное образование	Воинское звание и должность в 1942 г.
Буденный Семен Михайлович (1888–1983), русский, из крестьян	старший унтер-офицер	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командующий 1-й Конной армией	ВАФ (1932 г.)	Маршал Советского Союза (1935), 05–08.1942 – командующий Северо-Кавказским фронтом

Ватутин Николай Федорович (1901–1944), русский, из крестьян	не служил	В РККА с 1920 г., в Гражданскую войну – командир взвода, в ВКП(б) с 1921 г.	ВАФ (1924), ВА ГШ (1937)	генерал-лейтенант, командующий Брянским и Юго-Западным фронтами
Голиков Филипп Иванович (1900–1980), русский, из крестьян	не служил	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – инструктор политотдела, в ВКП(б) с 1918 г.	ККУКС (1933)	генерал-лейтенант, командующий Брянским и Воронежским фронтами
Гордов Василий Николаевич (1896–1951), русский, из крестьян	старший унтер-офицер	В РККА с 1917 г., в Гражданскую войну – командир полка, в ВКП(б) с 1918 г.	ВАФ (1932)	генерал-лейтенант, командующий Сталинградским фронтом, 21, 1-й гв. армиями
Ерёменко Андрей Иванович (1892–1970), украинец, из крестьян	унтер-офицер	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – начальник штаба полка, в ВКП(б) с 1918 г.	ВАФ (1935)	генерал-полковник, командующий Сталинградским и Юго-Восточным фронтами
Малиновский Родион Яковлевич (1897–1967), украинец, из крестьян	ефрейтор	В РККА с 1919 г., в Гражданскую войну – начальник пулеметной команды, в ВКП(б) с 1926 г.	ВАФ (1930)	генерал-лейтенант, командующий Южным фронтом, 66, 2-й гвардейской армиями
Рейтер Мартиныш (Макс) Андреевич (1886–1950), латыш, из крестьян	полковник	В РККА с 1919 г., в Гражданскую войну – командир полка, в ВКП(б) с 1922 г.	ВАФ (1935)	генерал-лейтенант, командующий Брянским фронтом
Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968), поляк, из рабочих	унтер-офицер	В РККА с 1917 г. в Гражданскую войну – командир полка, в ВКП(б) с 1919 г.	ВАК (1929)	генерал-лейтенант, командующий Брянским и Донским фронтами
Рябышев Дмитрий Иванович (1894–1985), русский, из крестьян	рядовой	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир бригады, в ВКП(б) с 1917 г.	ВАФ (1935)	генерал-лейтенант, командующий 28-й армией, представитель Ставки ВГК под Сталинградом
Тимошенко Семен Константинович (1895–1970), русский, из крестьян	рядовой	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир дивизии, в ВКП(б) с 1919 г.	ВАК (1930)	Маршал Советского Союза, командующий Юго-Западным и Сталинградским фронтами
Толбухин Федор Иванович (1894–1949), русский, из служащих	штабс-капитан	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – начальник опер. отдела штаба армии, в ВКП(б) с 1938 г.	ВАФ (1934)	генерал-майор, начальник штаба Северо-Кавказского фронта, командующий 57-й армией

Черняховский Иван Данилович (1906–1945), украинец, из рабочих	не служил	В РККА с 1924 г., в ВКП(б) с 1939 г.	ВАММ в (1936)	генерал-майор, командир 18-го танкового корпуса, командующий 60-й армией
Чибисов Никандр Евлампиевич (1892–1959), русский, из рабочих	штабс-капитан	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир бригады, в ВКП(б) с 1939 г.	ВАФ в (1935)	генерал-лейтенант, командующий Брянским фронтом
Парсегов Михаил Артемьевич (1899–1964), армянин, из крестьян	старший фейерверкер	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир батареи, в ВКП(б) с 1918 г.	ВАФ (1936)	генерал-майор артиллерии, командующий 40-й армией
Пухов Николай Павлович (1895–1958), русский, из крестьян	прапорщик	В РККА с 1918 – начальник штаба бригады, дивизии	Военно-хозяйственная академия (1932)	генерал-майор, командующий 13-й армией
Данилов Алексей Ильич (1897–1981), русский, из крестьян	прапорщик	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир роты	ВАФ (1931)	генерал-майор, командующий 21-й армией
Москаленко (Москалев) Кирилл Семенович (1902–1985), украинец, из крестьян	не служил	В РККА с августа 1920 г. – рядовой	Артиллерийская академия им. Ф.Э. Дзержинского (1934)	генерал-майор артиллерии, командующий 38-й, 1-й танковой, 40-й армиями
Крюченкин Василий Дмитриевич, (1894–1976), русский, из крестьян	младший унтер-офицер	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир кавалерийского полка	ускоренные курсы ВАФ (1943)	генерал-майор, командующий 28, 4-й танковой армиями
Лопатин Антон Иванович, (1897–1965), русский, рабочий	Рядовой	В РККА с 1919 г., в Гражданскую войну – командир эскадрона	ККУКС (1927), ВАК (1930)	генерал-майор, командующий 9-й и 62-й армиями
Никишев Дмитрий Никитич (1898–1973), русский, из крестьян	рядовой	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – политбоек, военком полка	ВАФ (1927)	генерал-майор, 26.06–24.07.1942 – и.д. командарма 57-й армией, 24.07–09.09.1942 – начальник штаба Сталинградского фронта
Смирнов Илья Корнилович (1887–1964), русский, из крестьян	старший унтер-офицер	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир полка	ВАФ (1934)	генерал-лейтенант, с 05.1942 – командующий 24-й армией Южного фронта. Снят в 07.1942

Лизюков Александр Ильич, (1900–1942), белорус, из крестьян	не служил	В РККА с 1918, в Гражданскую войну – начальник артиллерии бронепоезда	ВАФ (1938)	генерал-майор, командующий 5-й танковой армией. Погиб в бою 25.07.1942
Бруд Яков Исаакович, (1900–1942), еврей	рядовой	в РККА с 1918, в Гражданскую войну – курсант, командир взвода	Арт. академия им. Ф.Э. Дзержинского (1929)	генерал-майор артиллерии, 17–27.07.1942 – и.о. командующего 24-й армией. Погиб 27.07. 1942
Камков Федор Васильевич (1898–1951), русский, из рабочих	рядовой	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир эскадрона 1-й Конной армии	ККУКС (1934)	генерал-лейтенант, командующий 18-й армией
Козлов Петр Михайлович (1893–1944), белорус, из крестьян	не служил	в РККА с 1918 г.	ВАФ (1926)	генерал-майор, командующий 37-й армией
Коломиец Трофим Калинович (1894–1971), украинец	унтер-офицер	В РККА с 1919 г., в Гражданскую войну – комиссар стрелкового полка	ВАФ (1934)	генерал-майор, командующий 51-й армией
Колпакчи Владимир Николаевич (1899–1961), крымчак	младший унтер-офицер	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир стрелкового полка	ВАФ (1928)	генерал-майор, командующий 62-й армией
Кузнецов Василий Иванович, (1894–1964), русский, из крестьян	подпоручик	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир стрелкового полка, в ВКП(б) с 1928 г.	ВАФ (1936)	генерал-лейтенант, командующий 63, 1-й гв. армиями
Марцинкевич Владимир Николаевич (1896–1944), белорус, из рабочих	не служил	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир полка	высшая повторная школа комсостав а (1923)	генерал-майор, командующий 24, 9-й армиями
Пархоменко Феофан Агапович (1893–1962), украинец, из крестьян	прапорщик	РККА - с 1918 г., в Гражданской войне - командир 21-го кавполка 1-й конной армии	ККУКС (1929), ВАК при ВАФ (1930)	генерал-майор, 15.06–15.07.1942 – командир 5-го кавкорпуса, с 16.07 – и.д. командующего 9-й армии
Попов Маркиан Михайлович (1902–1965), из донских казаков	не служил	В РККА с 08.1920, в Гражданскую войну – рядовой	ВАФ (1936)	генерал-лейтенант, командующий 48-й и 40-й армиями Брянского фронта
Рыжов Александр Иванович	прапорщик	В РККА с 1918 г., В Гражданскую	ВАККС (1924),	генерал-майор, командующий

(1895–1950), русский, из крестьян		войну – помощник командира стрелкового полка	ВА ГШ (1940)	56-й армией
Гречко Андрей Антонович, (1903–1976), украинец, из крестьян	не служил	В РККА с 1919 г., в Гражданскую войну – рядовой	ВАФ (1936), ВА ГШ (1941)	генерал-майор, с 04.1942 – командующий 12-й армией
Лелюшенко Дмитрий Данилович (1901–1987), украинец, из крестьян	не служил	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир взвода	ВАФ (1933)	генерал-майор, командующий 30, 3-й гв. армиями
Батов Павел Иванович (1897–1985), русский, из крестьян	младший унтер- офицер	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир роты	КУКС «Выстрел » (1927)	генерал-лейтенант, командующий 4-й танковой, 65-й армиями
Коротеев Константин Аполлонович (1901– 1953), русский	рядовой	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир роты	КУКС «Выстрел » в 1926 г.	генерал-майор, заместитель командующего Южным фронтом; с 02.08.1942 – командир 11-го гв. стрелкового корпуса, командующий 9-й армией
Антонюк Максим Антонович (1895– 1961), белорус, из крестьян	поручик	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир бригады и Мозырьской группы войск	Военная академия РККА (1924)	генерал-лейтенант, в 06–09.1942 – командующий 60-й армией
Романенко Прокофий Логвинович (1897–1949), украинец	прапорщик, Георгиевск ий кавалер	В РККА с 1918 г., в Гражданскую войну – командир кавалерийского полка 1-й Конной армии	Военная академия РККА (1925)	генерал-лейтенант, в 05–09.1942 – командующий 3-й танковой армией, в 09–11.1942 – зам. командующего Брянским фронтом, в 11–12.1942 – командующий 5-й танковой армией

Всего служили в Русской императорской армии на должностях:

- обер-офицеры – 5 чел. (Антонюк, Кузнецов, Рейтер, Толбухин, Чибисов);
- прапорщики – 5 чел. (Данилов, Пархоменко, Пухов, Романенко, Рыжов);
- унтер-офицеры – 12 чел. (Батов, Буденный, Гордов, Еременко, Козлов, Колпакчи, Коломиец, Крюченкин, Малиновский, Парсегов, Рокоссовский, Смирнов);
- рядовые – 7 чел. (Броуд, Камков, Коротеев, Лопатин, Никишев, Рябышев, Тимошенко);
- не служили – 14 чел. (Ватутин, Галанин, Герасименко, Голиков, Гречко, Жидов, Лелюшенко, Лизюков, Марцинкевич, Масленников, Москаленко, Попов, Черняховский,

Харитонов). Всего из вышеуказанных 43 генералов 29 (67%) служили в русской императорской армии, из них 17 (40 %) были прапорщиками и унтер-офицерами.

Для сравнения целесообразно привести краткие биографические данные немецких генералов, воевавших на южном крыле советско-германского фронта в 1942–1943 гг.:

1. Генерал-фельдмаршал Федор фон Бок, 1880–1945, из потомственной военной семьи, сын прусского генерала. Окончил Военную академию в 1912 г. Участник Первой мировой войны на командных должностях. В 1942 г. – командующий группой армий «Юг». Снят с должности 13.07.1942.

2. Генерал-фельдмаршал Зигмунд Вильгельм Лист, 1880–1971, из семьи военного врача. Окончил Военную академию, участник Первой мировой войны, майор Генштаба в Баварии. С 26.06.1942 – командующий группой армий «А». Снят с должности 09.09.1942.

3. Генерал-фельдмаршал, барон Максимилиан фон Вейхс, 1881–1954, из аристократической военной семьи. Окончил Военную академию в 1912 г. Участник Первой мировой войны – начальник штаба пехотного корпуса. В 1942 г. – командующий группой армий «Б». Снят с должности 10.07.1943.

4. Генерал-фельдмаршал Фриц Эрих фон Левински, (Эрих фон Манштейн), 1887–1973, из аристократической военной семьи, сын генерала. Окончил Военную академию в 1914 г. Участник Первой мировой войны, капитан Генштаба, начальник штаба пехотной дивизии. В 1942 г. – командующий 11-й полевой армией. С 25.11.1942 – командующий группой армий «Дон», с 04.1943 г. – командующий группой армий «Юг».

5. Генерал-полковник Фридрих Вильгельм Паулос, 1890–1957, из семьи служащих. Участник Первой мировой войны, капитан. Окончил академию Генерального штаба в 1924 г. Разработчик плана «Барбаросса». В 1942 г. – командующий 6-й полевой армией. Генерал-фельдмаршал с 31.01.1943. В тот же день сдался в плен в Сталинграде.

6. Генерал-фельдмаршал барон Эвальд фон Клейст, 1881–1954, из семьи прусских фельдмаршалов. Окончил Военную академию в 1912 г. Участник Первой мировой войны, ротмистр, начальник штаба пехотной дивизии. В 1942 г. – командующий 1-й танковой армией, с 21.11.1942 – командующий группой армий «А».

7. Генерал-полковник Рихард Руофф, 1883–1967, офицер Генерального штаба. Участник Первой мировой войны. В 1942 г. – командующий 4-й танковой армией, с 01.06.1942 г. – командующий 17-й полевой армией. Снят с должности 01.07.1943 после сдачи станицы Крымской (рубеж «Готенкопф»).

8. Генерал-полковник Герман Гот, 1880–1971, из военной семьи. Окончил Военную академию в 1914 г. Участник Первой мировой войны, капитан Генерального штаба, начальник штаба пехотной дивизии. С 01.06.1942 – командующий 4-й танковой армией. С 26.11.1943 г. в отставке.

9. Генерал-полковник Ганс фон Зальмут, 1888–1962 г.г. Участник Первой мировой войны, капитан гвардейского полка. С 15.07.1942 – командующий 2-й полевой армией (до 03.02.1943). С 01.08.1943 – командующий 15-й полевой армией.

10. Генерал танковых войск, барон Эберхард фон Макензен, 1889–1969, из семьи фельдмаршалов. Окончил Военную академию. Участник Первой мировой войны на командных должностях. В 1942 г. – командир 3-го танкового корпуса, с 21.11.1942 – командующий 1-й танковой армией.

11. Генерал танковых войск, барон Гейр фон Швеппенбург, 1886–1974, из военной аристократии Баварии. Окончил Военную академию, участник Первой мировой войны. В 1942 г. – командир 40-го танкового корпуса.

12. Генерал танковых войск Фридрих Кирхнер, 1885–1960, из военной семьи. Участник Первой мировой войны на командных должностях, офицер. В 1942 г. – командир 57-го танкового корпуса.

13. Генерал пехоты, барон Густав фон Виттерсгейм, 1884–1974, из военной семьи. Имел высшее военное образование, участник Первой мировой войны. В 1942 г. – командир 14-го танкового корпуса (до 14.09.1942).[9]

Общим для всех генералов вермахта является происхождение из военной семьи, наличие высшего военного образования, все являлись участникам Первой мировой войны на командных должностях, срок военной службы составлял не менее 40 лет. Все имели большой практический опыт ведения боевых действий.

Выводы. Победы РККА стали возможны только тогда, когда в 1941–1942 гг. под влиянием военных неудач, потерь и поражений существенно обновился ее генеральский корпус. Когда генеральские звания и должности стали получать родившиеся в 1901–1910 гг. полковники, которые поступили на службу в Красную армию рядовыми красноармейцами в годы Гражданской войны или в начале 1920-х гг. Наиболее известным из этого «военного» поколения генералов РККА является Иван Дмитриевич Черняховский, который начал в июне 1941 г. войну полковником, а погиб в феврале 1945 г. в звании генерала армии, в должности командующего 3-м Белорусским фронтом. Генералы, которые начинали свою военную карьеру красноармейцами в годы Гражданской войны или в 1920-е гг., относились к подчиненным без фельдфебельско-унтерского хамства и гораздо лучше воевали.

Командный состав должен умело управлять войсками, как в мирное, так и в военное время. Военачальник – обобщающее понятие, включающее полководцев и флотоводцев. Военачальники занимают высшие командные и штабные должности: командующие войсками фронтов, военных округов, командующие армиями и начальники штабов этих объединений. Военачальник – главный организатор и руководитель боя, операции, сражения. Победа в бою, операции, сражении достигается лишь в том случае, если во главе войск стоят волевые, мужественные, руководители, обладающие профессиональными знаниями, интуицией, способностью быстро анализировать изменяющуюся обстановку, принимать верные решения и неуклонно проводить их в жизнь.

В годы Великой Отечественной войны выдвинулся и закалился в боях высший командный состав Красной армии – советский генералитет, под руководством которого была одержана победа над очень сильным врагом – немецкой армией. К началу войны имели место серьезные кадровые просчеты. Так, при назначении генералов на командные должности большое внимание уделялось анкетным данным: социальному происхождению, партийному стажу, поведению во время внутрипартийных дискуссий 1920-х гг., наличию репрессированных родственников или связей с заграницей, службе в белой армии и т.п. В первый период Великой Отечественной войны имела место частая и неоправданная смена командующих фронтами и армиями. Так, к осени 1942 г., за 14 месяцев войны, на должностях командующих фронтами побывало 36 чел., а за последующие 32 месяца войны – только 7 новых генералов.[10] Таким образом, на стабилизацию группы командующих фронтами ушло более года. К концу 1942 г. сложился основной костяк полководцев Великой Отечественной войны. Ими стали сравнительно молодые (по возрасту) генералы, но уже имевшие солидный командный опыт и достаточную теоретическую подготовку. А главным критерием при назначении стали личные качества военачальника: профессиональная подготовка, наличие современного боевого опыта, способность успешно командовать войсками и добиваться победы над противником.

Примечания:

1. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1942 г. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 16 (5–2). 624 с.
2. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 г. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 16 (5–3). 360 с.
3. Энциклопедия Третьего рейха. 2-е изд. М.: Локид-Пресс; РИПОЛ Классик. 2004. С. 1-479.
4. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М.: Вече, 2010. С. 106, 109.
5. Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940-1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий: Документы и материалы / Под ред. В. Н. Кузеленкова. М. СПб.: Летний сад, 2005. С. 1– 272.
6. В.Свиридов «Время. Деньги. Знания». Журнал Армейский сборник» №2. 2000. С.66.
7. Там же, С.65.
8. Там же, С.66.
9. Коллектив авторов. Великая Отечественная. Командармы. Военный биографический словарь / Под общей ред. М.Г. Вожакина. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 1-408.
10. Залесский К. «Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование». М.: Яуза. Эксмо. 2005. С. 55-56, 81-83, 100, 151-153, 199-200, 238-242, 273-275, 281-282, 284-287, 325-327, 374-375, 496-497.
10. Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. Справочное пособие / Автор-составитель И.И. Максимов. М.: ДИК, 2005. С. 5-401.

References:

1. Russian Archives: The Great Patriotic War. Stavka ВГК. Documents and materials. 1942 г. М.: TERRA, 1996. Volume. 16 (5–2). 624 p.
Russian Archives: The Great Patriotic War. Stavka ВГК. Documents and materials. 1943 г. М.: TERRA, 1999. Volume. 16 (5–3). 360 p.
2. Encyclopedia of the Third Reich. 2nd edition. М.: Lokid-press; RIPOL Classic. 2004. Pp.1-479.
3. Great Patriotic nonclassified. Book losses. The latest reference book. М.: Veche, 2010. Pp. 106, 109, 346.
4. Officers and officers of the Red Army in 1940-1941.: Structure and staffing of the central apparatus of the NKO, military districts and the combined armies: Documents and Materials/ edited by V.N. Kuzelenkova. – Moscow-St.: Summer Garden, 2005. Pp. 1 - 272.
5. V. Sviridov "Time. Money. Of knowledge. "Journal compilation Army» № 2. 2000. P.66.
6. Ibid, P.65.
7. Ibid, P.66.
8. The authors. Great Patriotic War. Army commanders. Military Biographical Dictionary /, ed. MG Vozhakina. М.; Zhukovsky: Kuchkovo field in 2005. Pp. 1-408.
9. K. Zaleski "Wehrmacht. Land Forces and the High Command. "М. Yauza. Eksmo. 2005. Pp.55-56, 81-83, 100, 151-153, 199-200, 238-242, 273-275, 281-282, 284-287, 325-327, 374-375, 496-497.
10. The Great Patriotic War., 1941-1945. Handbook / author-composer II Maximov. М. Dick, 2005. Pp. 5-401.

УДК 94 (47)

**«Кадры решают все!» (к вопросу о качестве высшего комсостава РККА
и вермахта в сражениях в большой излучине Дона в 1942-1943 гг.)**

Владимир Иванович Афанасенко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
научный сотрудник лаборатории истории и этнографии

Аннотация. В 1942–1943 гг. на южном крыле советско-германского фронта происходила частая смена командующих фронтами и армиями. Более ста снятий, назначений и переводов за несколько месяцев. Чем была вызвана такая «чехарда» полководцев? В статье рассматриваются вопросы качества генералитета РККА оперативно-стратегического уровня. На биографиях 43 генералов РККА, командующих армиями и фронтами в сражениях в большой излучине Дона в 1942–1943 гг., их профессиональном образовании, боевом опыте 1-й Мировой (1914–1918) и Гражданской (1917–1921) войн, исследуются вопросы формирования советского генералитета в самый кризисный, переломный период Великой Отечественной войны на самом важном участке советско-германского фронта. Для сравнения приведены такие же данные об их противниках – немецких генералах и фельдмаршалах на этом же участке бескомпромиссного противоборства.

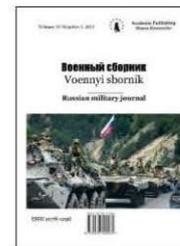
Ключевые слова. Великая Отечественная война; большая излучина Дона; советские полководцы.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94

The Civil War in Kuban and the Black Sea Region (1917-1922): A Historiographic Overview

¹ Aleksandr A. Cherkasov

² Michal Šmigel

¹ Tomsk State University, Russian Federation

² Matej Bel University, Slovakia

Abstract. This article presents a historiographic overview of a civil war in the South of Russia, more specifically in the territory of Kuban and the Black Sea region. The authors argue for an expanded periodization of this civil war – from 1917 to 1922, i.e. from the October coup of 1917 to the calling off of the state of siege by the Bolsheviks in December 1922. The authors mark a periodization of research into the civil war starting from 1920 to the present day.

Keywords: Civil war; Kuban and the Black Sea region; historiographic overview.

Введение. История России на протяжении всего ее тысячелетнего пути имела свою особую драматургию, определившуюся завоевательными войнами и вражескими нашествиями, периодами смут и восстаний, временем экономического роста и застоя, духовными исканиями и реакцией. Не преувеличим, если выделим в этом ряду XX в. как один из наиболее ярких и трагичных, когда многие потери и приобретения сошлись на ограниченном историческом пространстве.

Этот век вместил ряд экономических скачков, три революции, разные типы политического устройства, ряд крупных поражений и убедительных военных побед, а также, пожалуй, самую кровавую в мировой истории Гражданскую войну в России в 1917–1922 гг. Именно в Гражданской войне наиболее ярко проявилось российское общество. В ходе противостояния в бескомпромиссной схватке столкнулись теоретические концепции общественного развития и политические программы, различные модели переустройства российского и мирового сообщества, партии и общественные движения.

С момента окончания Гражданской войны темой ее изучения занималось ни одно поколение историков. Продвигаясь вперед, обобщая пройденные исторические ступени, историки вынуждены были отступать перед очередным, кажущимся неожиданным поворотом. Насколько российская история XX в. была богата переменами, настолько историография, посвященная Гражданской войне, была изменчива. Пишется это не в укор прошлым и настоящим поколениям историков, а с целью напомнить об особой общественной функции этой отрасли знаний, откуда каждое новое поколение граждан страны почему-то очень избирательно черпает так называемый «исторический опыт», предъявляя свой социальный заказ исследователям.

Именно поэтому тема Гражданской войны сегодня привлекает внимание многочисленных историков и публицистов. Несмотря на то, что тема стала изучаться еще в 1920-е гг., многие аспекты проблемы, находящиеся вне социального заказа, не стали предметом исторического осмысления. Лишь со второй половины 1980-х гг. начался новый этап исследования гражданского противостояния в России.

История Гражданской войны на Кубани и Черноморье уникальна. Она наложила отпечаток на все многочисленные события и изменения политического строя Кубано-Черноморского региона, в котором власть переходила от одной силы к другой несколько раз. Так, например, Сочинским и Туапсинским округами Черноморской губернии в 1917—1920 гг. владели (в хронологическом порядке) большевики, грузинские меньшевики, белогвардейцы, зеленоармейцы и вновь большевики. На протяжении этого периода времени гражданское противостояние здесь проявилось во всем своем многообразии от пассивного сопротивления до захвата городов. Необходимо отметить также, что именно в Кубано-Черноморском регионе весной 1918 г. происходила консолидация разрозненных очагов белогвардейского движения на юге России. Именно эти события послужили мощным стимулом к эскалации Гражданской войны в России.

Актуальной является и практически не изученная тема крестьянского движения на территории Черноморья в годы Гражданской войны. На протяжении всего периода Гражданской войны крестьянское движение играло значительную роль в борьбе различных противоборствующих сил, существенно ослабляя политических соперников. Именно здесь, на Черноморье, в январе 1920 г. крестьяне сумели создать свое государство — Комитет освобождения Черноморской губернии (КОЧГ). Комитету освобождения было суждено стать единственным примером крестьянского самоуправления в годы Гражданской войны на территории России, имеющего тенденцию обрести подобие государственного суверенитета. В связи с этим его внутри- и внешнеполитическая деятельность вызывает значительный интерес. В середине марта 1920 г. КОЧГ распространил свое влияние не только почти на всю Черноморскую губернию (кроме г. Новороссийска), но даже на значительные территории южных отделов Кубанской области.

С 1920 по 1922 г. на территории Кубани вспыхивает так называемое бело-зеленое движение. Эскалация насилия в это время достигает своей кульминации. Против политической оппозиции большевики используют накопленный за годы Гражданской войны потенциал и опыт. Именно Кубань становится ареной широкомасштабной повстанческой войны, что было связано с близостью Черного моря, а значит, с возможной помощью извне. Достаточно вспомнить, как в 1921 г. в Кубано-Черноморском регионе муссировались слухи об ожидающейся высадке десанта Врангеля. Такого рода слухи, а также нередко не учитывающая локальную специфику деятельность большевиков на местах стимулировали пожар повстанческой войны на Кубани и Черноморье.

Способствовала повстанческому движению на территории Кубани и Черноморья и сам природный ландшафт. Наличие многочисленных гор, болот и плавней адаптировали указанный регион для любых форм повстанческой деятельности. В результате в 1920—1922 гг. не менее 50 тыс. человек, жителей Кубани и Черноморья, примут участие в повстанческой войне против большевиков. Этот регион станет основным очагом сопротивления советской власти на юге России, поэтому именно сюда в 1921 г. для подавления сопротивления приедет командарм 1-й конной армии С.М. Буденный.

Теперь, на рубеже веков, Россия вновь переживает исторический перелом, связанный с переходом ее из старого в новое социально-политическое качество. Это усиливает актуализацию опыта борьбы, выживания и созидания в обществе, охваченном всеобщим кризисом, пониженными темпами производства, падением жизненного уровня большей части населения страны, усилившимися политическими катаклизмами, обостренным чувством тревоги. Россия по необходимости оказалась перед выбором варианта общественного развития и необходимостью переосмысления основных положений, связанных с пониманием тенденций и характером развития общества. Проблема взаимоотношений власти с различными социальными группами остро стоит и в настоящее время.

Историография проблемы. Историография по истории Гражданской войны в России обширна. Только за первые 50 лет после установления советской власти было опубликовано более 12 тыс. книг и статей [1]. С учетом позднее изданных работ можно со всей очевидностью утверждать, что историография Гражданской войны на сегодняшний день насчитывает не менее 20 тыс. произведений.

В развитии историографии проблемы можно выделить несколько периодов: 1920-е гг., 1930 — начало 1950-х гг., середина 1950-х — середина 1980-х гг., 1985 г. — до настоящего времени. Каждый из них отличался от остальных качеством и количеством опубликованных

работ, и был обусловлен существовавшими общественно-политическими условиями.

Первый период — 1920-е гг. Именно тогда произошло накопление материала по проблеме, а также была относительно достоверно изложена очередность событий Гражданской войны на территории Кубани и Черноморья. Поскольку большинство авторов являлись непосредственными участниками данных исторических событий, их работы характеризует сочетание субъективного подхода с идеализацией борьбы за власть Советов.

Отдельные вопросы темы были освещены в ряде исторических очерков и монографий уже в первое десятилетие после окончания Гражданской войны и восстановления советской власти в Кубано-Черноморском регионе.

Некоторые авторы (Я. Шафир, В. Василенко, Н. Батулин, Голубев, М.С. Свечников, В.А. Антонова-Овсеенко и др.) [2-7] отразили лишь отдельные события и факты революционной истории Гражданской войны на Кубани и Черноморье; другие (Г. Ладоха, Н. Янчевский, Б. Городецкий, А. Платонов и др.) осветили их в целом, не претендуя на полноту изложения. Наиболее значительными работами этого периода являются труды Г. Ладохи и Н. Янчевского, положившие начало систематическому исследованию истории революции и Гражданской войны на Северном Кавказе, Кубани и в Черноморье. Эти работы ценны тем, что их авторы хоть и в общих чертах, но в хронологической последовательности осветили некоторые стороны борьбы части трудящихся Кубани и Черноморья за власть Советов в период революции и Гражданской войны.

Помимо этого, Г. Ладоха, Н. Янчевский, И. Гольдентул [8-12] и др. первыми проанализировали в своих трудах проблемы, связанные с увеличением числа иногородних на казачьих территориях, что в свою очередь привело к углублению социального разделения населения на политические блоки во время Гражданской войны на Кубани и Черноморье. В это же время были изданы труды С.А. Скворцова, П.Н. Ражаева, а также фундаментальная работа под редакцией П.И. Неволлина и В.М. Четыркина [13-16]. В этих трудах можно выявить анализ некоторых причин недовольства части населения существующими порядками в городах, деревнях, станицах накануне Февральской революции.

Несмотря на имеющиеся существенные ошибки, иногда поверхностное, а чаще эпизодическое освещение революции и гражданского противостояния на Кубани и Черноморье, названные работы весьма значимы для современного исследователя даже субъективизмом подходов и точек зрения, выражающим социально-психологические настроения отдельных социальных слоев в эпоху 1910—1920-х гг.

В этом плане фундаментальностью и информативностью, на наш взгляд, отличаются работы лидеров белого движения, изданные в эмиграции и являющиеся мемуарными источниками. Среди них можно назвать А. Деникина, А. Лукомского, Г. Покровского, П. Врангеля [17-21]. Пожалуй, главной работой белой эмиграции, претендующей на создание целостной истории гражданского противостояния на юге России, стало сочинение А.И. Деникина «Очерки русской смуты». В ней автор рассматривает военно-политическую, социально-экономическую и другие сферы деятельности белогвардейцев, не обделены вниманием большевики и представители третьей силы в Гражданской войне — зеленоармейцы.

Значительный вклад в понимание причин зарождения, деятельности и поражения крестьянского движения на территории Черноморья и южных отделов Кубанской области внес труд бывшего главнокомандующего Крестьянского ополчения Комитета освобождения Черноморской губернии Н.В. Вороновича [22-24].

В это же время началось изучение и темы красного террора как явления в годы Гражданской войны. Первым наиболее серьезным произведением в этом направлении стал труд С.П. Мельгунова «Красный террор в России». В этой работе не только свидетельства очевидца, но и попытка проанализировать публикации той поры. Первое издание книги С.П. Мельгунова вышло в Берлине в 1923 г., в ней автор отмечал: «Я не могу взять ответственности за каждый факт, мною приводимый. Но я повсюду указывал источник, откуда он заимствован» [25]. Этим источником для него стала, главным образом, большевистская и эмигрантская пресса.

В это же время начинают изучаться причины крестьянского и казачьего недовольства, неэффективности управления различных государственных структур на территории Кубани и

Черноморья. Такого рода материал представлен в фундаментальной работе под редакцией П.И. Неволина и В.М. Четыркина, а также в труде А.А. Пономарева [26-27].

Второй период (1930 — начало 1950-х гг.) ознаменовался утверждением в СССР сталинского тоталитарного бюрократического режима, поставившего историческую науку, как и все другие сферы общественной жизни, в жестко ограниченные идеологические рамки. Методологической основой всех исследований по отечественной истории становится «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», согласно которому в годы Гражданской войны существовал нерушимый союз между промышленным пролетариатом и крестьянством при руководящей роли большевистской партии.

В эти годы была издана двухтомная «История Гражданской войны в СССР» [28], в работе над которой приняли участие такие ведущие историки страны, как И.И. Минц, Э.Б. Генкина, Е.Н. Городецкий и др. Авторы дали свою, характерную для тех лет, оценку революционной ситуации в России. Так, например, начало Гражданской войны в России они связали с подавлением корниловского мятежа, июльское вооруженное восстание в Петрограде назвали июльской демонстрацией и т.д. Иными словами, данная работа написана с ярко выраженными проявлениями сложившейся в то время в стране политико-идеологической конъюнктуры. В коллективной монографии заметен курс на «отбеливание» большевиков и идеализацию их действий, в то же время на повсеместную дискредитацию политических оппонентов.

В это время появились новые издания, в которых получили дальнейшее развитие вопросы истории революции, поднятые предыдущими авторами. Здесь нашли отражение другие стороны борьбы за советскую власть, впервые была сделана попытка систематизации, анализа и обобщения революционного опыта в данном регионе, а также рассмотрены социально-экономические и политические предпосылки и условия, при которых совершалась революция и шла Гражданская война. Речь идет о работах И.М. Разгона и Я.Н. Раенко [29-34]. В то же время и они далеко не исчерпали задачи исследования истории революции и Гражданской войны на Кубани и Черноморье.

Во-первых, ни в одной из работ названных авторов не ставилась цель специального исследования революции и Гражданской войны на Кубани и в Черноморье. Революционные события здесь являются лишь эпизодами опять-таки на фоне истории революции и Гражданской войны в Кубанской области или в целом на Северном Кавказе.

Во-вторых, работы обоих авторов были написаны в условиях культа личности (1930—1950-е гг.) и испытали на себе его отрицательное влияние. В силу этого указанным трудам свойственно искажение событий революции и Гражданской войны; многие видные участники событий были опорочены и репрессированы, а их имена вычеркнуты из списков борцов за советскую власть.

В качестве цели белого движения советская историография указывала ликвидацию «завоеваний Октября» с реставрацией дореволюционных «помещичье-буржуазных отношений». В связи с этим «антинародный» характер этого движения объявлялся причиной сопротивления ему значительных категорий населения.

В это время вышло в свет и несколько работ российских авторов за рубежом. Так, например, зарождению белого движения на юге России посвятили свои труды Н.Н. Головин и А.А. Зайцов [35-36]. Они рассмотрели 1-й Кубанский поход, главным образом, с точки зрения его военных итогов, поэтому их выводы, по нашему мнению, носят ограниченный характер. В то же время работу крупнейшего военного специалиста русского зарубежья генерала Н.Н. Головина отличает ряд неординарных оценок, несвободных, впрочем, от личных пристрастий автора. Тем не менее Н.Н. Головин, так же как и основная масса белогвардейских идеологов, обозначая причину зарождения Белого движения, отмечал, что она заключалась во всемерном противостоянии узурпировавшим госвласть большевикам.

Третий период (1955 — начало 1980-х гг.) характеризуется широким размахом исследований самых разных направлений. Исследователи привлекают новые источники, делая акцент на местных архивах. В этих работах прослеживается тенденция к освобождению от ряда догматизированных оценок, к объективным суждениям о роли участников Гражданской войны, репрессированных в 30-е гг.

В годы «оттепели», после открытия доступа в архивы появился ряд новых работ,

посвященных дальнейшему углубленному изучению различных вопросов и периодов революционной эпохи. Различен научный уровень этих работ, постановка вопросов для исследования, подход к их освещению. Важность и значимость появления новых работ бесспорны: в них рассматривались вопросы, остававшиеся длительное время вне поля зрения ученых, были открыты новые горизонты для исследований.

Среди работ по истории революции и Гражданской войны в Черноморье, написанных в эти годы, значительное место занимают труды Г.Е. Улько и А.И. Козлова [37-39]. А.И. Козлов фактически первым из ростовских историков начал исследовать революционное движение в Черноморской губернии, что в известной мере предопределило успех последующих работ в этой области.

В трудах Г.Е. Улько и А.И. Козлова успешно решена задача глубокого и всестороннего рассмотрения социально-экономических предпосылок и условий победы революции в Черноморской губернии; в основном отражены вопросы расстановки классовых сил в революции; разносторонне проанализирована роль черноморского пролетариата в завоевании им политической власти в губернии и в проведении социальных преобразований в Черноморской республике; широко освещена помощь революционного Черноморья трудящимся Кубанской области, а также ряд важных вопросов начального периода Гражданской войны в Черноморье (в частности, о контрреволюционной политике меньшевистского правительства Грузии в Черноморье, о некоторых причинах временной утраты Советской власти в Черноморье). Автор предпринял попытки охарактеризовать крестьянское движение Черноморья. Позднее А.И. Козлов осветил и социально-экономическое положение черноморского пролетариата накануне 1917 г. [40]

Значительный интерес представляет работа И.П. Осадчего [41-43], в которой автор постарался рассмотреть события Гражданской войны на территории Кубанской области. Последняя его работа была написана уже в период перестройки, но все равно избежать известной политизированности она не смогла. И.П. Осадчий определил хронологические рамки своего исследования как 1917—1920 гг. (с периода Октябрьской революции до весны 1920 г.). Автор попытался рассмотреть движущие силы Гражданской войны, роль рабочего класса, казачества и крестьянства в борьбе за власть Советов.

За годы, прошедшие после XX съезда КПСС, появился еще ряд исторических работ, авторы которых не ставили своей целью исследовать Гражданскую войну на территории Черноморья как самостоятельную тему, но в той или иной мере осветили некоторые стороны истории борьбы трудящихся масс этого района за власть Советов против внешней и внутренней контрреволюции (К.К. Красильникова, А. Кондаков, Т. Волошко, Н.Г. Спиридонов, Г. Дзидзария и др. [44-49]).

Со второй половины 1960-х гг. до середины 1980-х в исторических исследованиях прослеживается возврат к господству официальной идеологии. Тем не менее продолжает расширяться проблематика исследований по Гражданской войне на Кубани и Черноморье.

Легендарному походу Таманской армии, являющемуся важной страницей в истории борьбы за власть Советов в Черноморье в 1918 г., посвятили свои исследования В.П. Горлов, Н.А. Ефимов и др. [50-52].

Важнейшую роль в деле защиты завоеваний революции на Северном Кавказе сыграла 11-я армия — Северо-Кавказская Красная армия. Ценою огромных лишений и потери большей половины личного состава армии удалось пробиться в Астрахань. Некоторые части 11-й армии во главе с Г.К. Орджоникидзе отступили в горы, где впоследствии были интернированы меньшевистским правительством Грузии. Многие бывшие красноармейцы 11-й армии со временем пробрались в Черноморье и составили основу будущей повстанческой армии, действовавшей в белогвардейском тылу и сыгравшей немалую роль в разрушении вражеского тыла и в разгроме Деникина. В работах В.Т. Сухорукова и М.Б. Траскунова освещена история 11-й армии в тесной связи с социально-политическими и военными событиями Гражданской войны в различных районах Северного Кавказа, в т.ч. и в Черноморье [53].

Роль партизан Черноморья в разгроме Деникина в общем плане отражена в трудах Н.Ф. Кузьмина, А.П. Алексашенко, В.С. Владимирцева, В.А. Занина и др. [54-63]

Многоликая тематика истории Гражданской войны на Кубани и Черноморье эпизодично отражена и в академических трудах, например, таких как «Гражданская война и

военная интервенция в СССР» и «Из истории Гражданской войны в СССР» [65]. Авторы рассмотрели ход боевых действий Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) против Вооруженных сил Юга России, соотношение сторон, основные движущие силы гражданского противостояния.

В то же время значительное внимание уделяется изучению формирования и деятельности органов контрразведки, ВЧК, ОГПУ на территории Европейской части России и Северном Кавказе. Данные силовые структуры принимали самое активное участие в подавлении казачьих и крестьянских мятежей на территории Кубани и Черноморья. Этой теме посвящены труды А.С. Велидова, Б.Н. Венедиктова, В.Д. Поликарпова, Ю.Б. Долгополова, И.А. Дорошенко, К.К. Звонарева и др. [66-72]

Проблеме становления советской власти на Кубани и в Черноморье (1917—1918 гг.) посвятил свою работу А.А. Сенцов [73]. Автор наглядно показал закономерности перехода власти к Советам рабочих и крестьян и создания социалистического государства в России. Преимущественное внимание было уделено созданию местных советских представительных и отраслевых государственных органов Кубано-Черноморской республики, их структурной организации и деятельности. Тему послевоенного становления советской власти продолжил кубанский историк В.Е. Щетнев [74], который рассмотрел жизнь кубанской станицы в период новой экономической политики.

В это же время выходит ряд исторических работ, из которых можно вычленить некоторые причины казачьего и крестьянского недовольства на территории Кубани и Черноморья накануне Гражданской войны. К этим произведениям относятся труды И.Н. Розина, Б.А. Калоева и др. [75-76].

И.Н. Розин посвятил свою работу вопросам колонизации, переселения, специфике сельского хозяйства, проблемам борьбы с малярией на территории Черноморья. Работа построена по описательному принципу и дает представление о причинах достижения некоторыми национальными группами экономической стабильности и сравнительно высокого жизненного уровня на территории Сочинского округа в период до 1917 г.

Из историографических работ, посвященных Гражданской войне в России, в т.ч. на территории Кубани и Черноморья, можно назвать труд В.П. Наумова [77]. Издавались произведения, посвященные Гражданской войне в России и за рубежом, например, Л.А. Фостер, Дж. Эриксон, А.Г. Мазур [78-80]. Л.А. Фостер посвятил свой труд библиографии русской зарубежной литературы за 50-летний период — с 1918 по 1968 г. Дж. Эриксон являлся одним из тех зарубежных авторов, которые с научной точки зрения обосновывали расширенную периодизацию Гражданской войны в России — 1917—1922 гг. Материалы о Гражданской войне на территории Кубани и Черноморье имеются и у другого зарубежного историка А.Г. Мазура в работе «Писатели-историки в Советском Союзе».

Четвертый период историографии — с 1985 г. по настоящее время. В научный оборот вводятся ранее неизвестные архивные материалы, а также дневники, письма, мемуары и другие источники личного характера участников противоборствующих сторон. В начале 90-х гг. произошло выделение истории белого движения в самостоятельный предмет изучения. В это же время начинается активное изучение темы крестьянского движения в различных районах России.

В начале 1990-х гг., в связи с развалом СССР и обостренным восприятием российским обществом пагубной роли КПСС, историческая наука впала в полосу крайностей, выплеснув на поверхность весь массив негативных документов о деятельности советской власти. Позднее, в середине 1990-х гг., отечественная историческая наука отходит от публицистического жанра, и в ней обозначилось стремление к более объективным и взвешенным оценкам. Это способствовало появлению свободных от политизированности трудов с фундаментальной источниковой базой и независимой авторской позицией.

В это же время приобрела актуальность тема контрреволюционных антибольшевистских движений на территории Кубани и Черноморья. Ей посвящены работы В.П. Федюк, А.Г. Бурмагина, А.В. Иванова и диссертация А.А. Зайцева [81-88]. Исследование темы Гражданской войны продолжил В.Д. Поликарпов, который сумел обнаружить очевидную преемственность между Белым движением и антидемократической оппозицией офицерства и генералитета в 1917 г. [89].

Более углубленно, с проявлением интереса к несветским структурам власти, подошли

к проблеме исследователи истории казачества — В.П. Трут, А.В. Венков, В.Н. Сергеев [90-92]. В их работах была сделана попытка разобраться в степени социальной дифференциации в казачьей и крестьянской среде, выяснить соотношение отдельных укладов в жизни казаков и горцев, проанализировать влияние различных идеологических течений и политических партий на казачество. Однако процесс становления новых государственных образований на юге России указанными авторами затрагивался мимоходом и определялся как «сепаратизм казачьей контрреволюции» [93].

Истории 1-го Кубанского похода и его роли в Гражданской войне посвящена диссертация И.Н. Гребенкина [94]. Рассматривая процессы начального периода Гражданской войны, автор пришел к выводу, что события 1-го Кубанского похода, являясь по форме региональным вооруженным конфликтом, оказали значительное влияние на ход Гражданской войны. В итоге антисоветские добровольческие формирования на юге России из разрозненных частей превратились в организованную силу, способную воздействовать на развитие событий в общероссийских масштабах. Белое добровольчество из стихийного контрреволюционного протеста части интеллигенции и офицерства стало заметным общественно-политическим явлением, определившим сущность наиболее последовательного и непримиримого элемента в лагере антибольшевистской борьбы.

В данный период значительное внимание уделяется анализу роли офицерского корпуса в становлении Белого движения и, вообще, судьбе офицерства в годы революции и Гражданской войны [95]. Большой фактический материал собран в трудах С.В. Волкова, признанного специалиста в области истории российского офицерского корпуса. Вопросы социального состава Добровольческой армии в начальный период ее существования затрагивалась В.Ж. Цветковым в книге, посвященной проблеме комплектования Белых армий юга России [96]. Оба исследователя считают себя наследниками традиций Белого движения, трактуя участие офицерства в Гражданской войне как пример патриотического служения.

Иной концепции придерживается Р.М. Абинякин, исследующий социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства. Он доказывает, что в условиях Гражданской войны произошло быстрое вырождение этой группы в специфическое маргинальное сообщество [97-98].

В то же время серьезное внимание продолжает уделяться силовым органам молодого советского государства (ВЧК—ОГПУ). В частности, этой теме посвящена монография А.А. Здановича [99]. Помимо авторских трудов, вышли и коллективные работы по данной теме, например, «Красная книга ВЧК», изданная, правда, в период перестройки [100].

Немаловажными исследованиями в понимании государственного строительства белогвардейцев, в т.ч. на юге России, являются труды Г.А. Трукана, А.Я. Бутакова, С.В. Карпенко [101-103]. Важное значение приобрела тема белого и красного террора в Гражданской войне, ей посвящена монография А.Л. Литвина [104]. Это исследование основано на неизвестных ранее материалах из архивов бывшего КГБ СССР, а также документах из других, прежде закрытых архивохранилищ.

Из научных работ этого периода необходимо назвать «Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.» (под редакцией профессора В.Н. Ратушняка [105]). В данном издании представлен пласт ранее не использованных архивных источников. Большую ценность в работе представляют топографические карты боевых действий меньшевистской Грузии, Вооруженных сил Юга России, десантов «Армии возрождения России» и полковника Кучук-Улагая.

В последние годы интерес историков к проблемам Гражданской войны на территории Северного Кавказа, Кубани и Адыгеи увеличивается. В 2004 г. была защищена докторская диссертация Н.И. Сухановой «Гражданская война 1917—1920 гг. на Северном Кавказе: социально-политический аспект». В 2006 г. защищена еще одна докторская диссертация Н.А. Почешхова на тему: «Социально-экономические и военно-политические проблемы в северо-западных районах Юга европейской России в период Гражданской войны (1917—1921 гг.)».

Из зарубежных работ по истории Гражданской войны в России, в которых рассматривается гражданское противостояние на Кубани и Черноморье, необходимо назвать труды Е. Майдслея, В. Линкольна [106]. Авторы небезуспешно занялись поиском причин Гражданской войны в России и обнаружили их в незавершенности и нерешенности

основных вопросов социального развития общества — рабочего и крестьянского вопросов. Из событий на территории Кубани и Черноморья они акцентировали внимание на деятельности Кубанской краевой рады, которой придавали исключительное значение, как республиканско-демократической модели российского общества, способной примирить классовые противоречия и сгладить остроту социальных конфликтов между различными слоями населения с помощью выработки стратегий компромиссов и диалогов между властью и народом. Вопросы истории белогвардейцев и большевиков в период 1917—1920 гг. в меньшей степени получили свое отражение на страницах указанных монографий.

Тема причин гражданской оппозиционности на территории Кубани и Черноморья затрагивается в трудах кубанского историка, специалиста в области сельского хозяйства В.Н. Ратушняка [107-108].

Работы В.Н. Ратушняка посвящены исследованию закономерностей и особенностей развития сельскохозяйственного производства на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX в. — одном из крупнейших аграрных районов страны. Показаны крестьянская колонизация края, ее влияние на процесс распространения капитализма вширь, трансформация земельного фонда, частного землевладения и землепользования в ходе социально-экономической эволюции Северо-Кавказского региона. Особое внимание автор уделил специфике развития зернового производства, животноводства, таким специализированным и отличающимся товарным характером отраслям земледелия, как табаководство, бахчеводство, виноградарство и др. На большом статистическом материале освещено развитие капиталистического сельскохозяйственного производства Северного Кавказа, рост его производительных сил, формирование материально-производственной базы основных категорий сельского населения края, а также результаты влияния Первой мировой войны на местную экономику.

В этот же период началось изучение темы крестьянского движения в России. Основные события, характерные для положения крестьянства во всей России, были аналогичны явлениям, свойственным территории Сочинского округа Черноморской губернии. Тем не менее существовали и качественные отличия Черноморского крестьянского движения от движений других регионов страны. Например, попытка создания автономного крестьянского государства, самостоятельно проводящего внешнеполитическую и внутривнутриполитическую деятельность.

Своеобразие аграрно-крестьянского вопроса в России в его национально-региональном ракурсе в годы Гражданской войны, взаимоотношения крестьянства в целом и в отдельных регионах, в частности, с советскими и антисоветскими государственными институтами, а также внутрикрестьянская борьба — эта тема, имеющая давнюю историографическую традицию, остается чрезвычайно значимой для дальнейшей научной разработки. И она требует рассмотрения основных вопросов в более широком проблемно-хронологическом контексте. Поэтому заслуживает внимания международный научно-исследовательский проект «Крестьянская революция в России. 1902—1922», осуществляемый под руководством известного ученого В.П. Данилова и его британского коллеги Т. Шанина. По их убеждению, «глубинной основой социальных, политических и экономических потрясений в России была именно крестьянская революция» [109].

Крестьянская революция 1917 г. выливалась по мере реализации ее основных требований во внутрикрестьянскую борьбу и свойственное крестьянству некоторых регионов стремление обособиться от государства в рамках локальных крестьянских миров. «Сельская община представляла собой некое подобие государства в государстве, — писал Д.И. Люкшин. — Это был мир цельный и самодостаточный. Каждый, кто не являлся членом данного сообщества, воспринимался как чужак, то есть враг, и вполне мог быть подвергнут репрессиям» [110]. Сельский мир, в принципе, мог обеспечить собственное существование, тогда как города и органы новой государственной власти не могли выжить без продовольствия. Весной — летом 1918 г. большевики и советское правительство приступили к осуществлению комплекса чрезвычайных мер в отношении деревни и крестьянства. Вводя продовольственную диктатуру и направляя продотряды в сельскую местность, они объясняли это тяжелым продовольственным положением в городах и хлебным саботажем кулачества в деревне. Обе стороны (большевики и крестьяне) демонстрировали неконструктивность позиций, нежелание идти на диалог и компромиссы, нарастающую нетерпимость. Добавим, что

за влияние на крестьянство вели между собой борьбу различные политические силы и, прежде всего, социалистические партии [111-112]. Но крестьянство не было пассивным объектом борьбы различных политических партий, а активно отстаивало собственные интересы.

В 1917—1920 гг. антипомещичья, антифеодальная крестьянская революция являлась мощным фактором победы большевиков над белыми и другими своими противниками. Но одновременно, по мнению В. Данилова и Т. Шанина, происходила «трансформация крестьянской революции в крестьянскую войну против большевистского режима, который все более отождествлялся с различными мобилизациями и повинностями, с системой повседневного и всеохватывающего насилия» [113].

Анализируя процессы, происходившие в деревне в годы Гражданской войны, современные российские и зарубежные историки усиливают внимание к проблемам психологии, политического и религиозного сознания, культуры, мировоззрения и политического поведения крестьян в целом и в отдельных районах, в частности [114-116]. Интересен вопрос о языке революции, т.е. о реальном восприятии крестьянами и трансформации в их сознании основных требований и лозунгов, выдвигавшихся силами и сторонами, противоборствовавшими в рассматриваемую эпоху. Интересным источником о настроениях и поведении крестьянства является вышедший в России в рамках российско-французского проекта первый том «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД», охватывающий период Гражданской войны [117].

Многие годы в советской исторической литературе преимущественное внимание уделялось движениям протеста крестьян в районах, контролируемых антибольшевистскими режимами. Аналогичные выступления на советской территории именовались, как правило, «кулацкими» и «контрреволюционными» и не являлись предметом специального и обстоятельного исследования. И лишь со второй половины 80-х гг., история крестьянского повстанческого движения периода Гражданской войны, его требования и ориентации, попытки выразить и защитить собственную «крестьянскую правду» стали активно исследоваться историками. Основные вехи, причины и масштабы крестьянского повстанческого движения стали предметом исследования в ряде работ известного историка крестьянства Т.В. Осиповой [118-119]. Обширный раздел «Крестьянство в гражданской войне: борьба на два фронта» был помещен в изданном в 1996 г. в Москве сборнике «Судьбы российского крестьянства». Историографическому обзору по крестьянскому движению посвящена работа В.И. Голдина [120], в которой автор обобщает и систематизирует литературу, вышедшую в период со второй половины 1980-х до 1990-х гг.

В последние годы в нашей стране опубликован целый ряд исследований и документальных сборников, посвященных крестьянскому повстанческому движению рассматриваемой эпохи, и, прежде всего, таким его наиболее многочисленным и длительным проявлениям, как движение под руководством Н.И. Махно и А.С. Антонова, а также и некоторым другим [121-136]. Эта тема нередко именуется «крестьянской войной», «крестьянскими войнами» или «серией скрытых гражданских войн». Значительную работу по изучению истории Гражданской войны в России проводит просветительское содружество «Посев», издающее библиотечку руссиеведения [137].

В связи с интересом к крестьянским выступлениям на территории Советской России внимательно изучается в хронологическом и региональном ракурсе комплекс вызвавших их причин и обстоятельств, а также требования, выдвигаемые повстанцами: чрезвычайная продовольственная политика, трудовые повинности, мобилизации в Красную армию, протесты против запрета свободной торговли, преследований церкви и религии и др. «Традиционное крестьянское недоверчиво-подозрительное отношение к власти, к городу, накапливавшееся веками общественного разделения труда, переросло в глухую ярость, как только возникла опасность разрушения военно-коммунистической идеологией и политикой привычного крестьянского уклада», — к такому выводу, в частности, пришли С.А. Есиков и Л.Г. Протасов, исследовавшие «антоновщину» [138].

В результате мощных крестьянских движений советская власть перестала существовать к весне 1921 г. на обширной сельской территории страны. Повстанцы взяли под свой контроль и целый ряд городов. Вооруженная борьба с ними Красной армии, только что победоносно завершившей борьбу с белыми, оказалась малоэффективной. А ведь только на Тамбовщине к

лету 1921 г. численность красноармейских частей превысила 100 тыс. человек [139]. На Украине с повстанцами боролись 150 тыс. военнослужащих регулярной Красной армии и 28 тыс. бойцов ВОХРа [140]. По мнению целого ряда современных историков, введение НЭПа, начавшееся именно с новой политики в отношении крестьянства, позволило большевикам затушить пламя крестьянской войны.

Нередко крестьянское повстанческое движение в годы Гражданской войны именуется «зеленым» и квалифицируется как «третья сила». Впрочем, третья сила нередко ассоциируется с умеренными социалистами или с возглавляемыми ими правительствами и движениями летом — осенью 1918 г. Существуют и иные суждения. Например, М. Бернштам убежден, что народное повстанчество и народное сопротивление эпохи Гражданской войны нельзя отождествлять с «зеленым» движением или именовать их «третьей силой», относя эти явления в историческом смысле к прокоммунистическим силам. «Зеленые» Черноморья и Украины сражались, по его мнению, прежде всего против белых и национальных меньшинств России, борьба же против красных носила в большей степени дискретный и непоследовательный характер. Тамбовское повстанческое движение он считал массовым крестьянским сопротивлением социализму, консервативным и глубоко религиозным, не имеющим ничего общего с «зеленым» движением, кроме внешнего сходства всякого повстанчества [141]. Но подобные суждения являются весьма спорными.

Рассматривая конфликт в российском обществе между деревней и городом, крестьянством и государством, как один из основополагающих в российской истории начала XX в., приведший к крестьянской революции и крестьянской войне, многие современные историки активно исследуют итоги и последствия этих событий.

По мнению С.А. Павлюченкова, например, большевики, победив в Гражданской войне белых, фактически проиграли ее крестьянству и вынуждены были ввести НЭП [142].

Интересны размышления В.М. Андреева, автора монографии «Российское крестьянство: навстречу судьбе 1917—1920». Он считает, что в условиях массового подъема крестьянского движения в 1920—1921 гг. «перед большевиками встала суровая дилемма: либо вызвать на себя обвал общероссийской гражданской войны, либо временно отказаться от своих узкопартийных иллюзий». Они избрали второй путь, провозгласив НЭП. Но «надломленный военным коммунизмом» хозяйственный механизм деревни и ослабление ее морально-нравственной основы трагически сказались на всей последующей истории крестьянства. Когда после непродолжительной «нэповской оттепели» на деревню вновь надвинулся молох насилия в виде сплошной коллективизации, она оказалась уже неспособной к решительному сопротивлению [143].

В постсоветский период тему противостояния советской власти местным казачеством рассматривали такие кубанские историки, как А.В. Баранов [144-146], Ю.А. Яхутль [147] и др. Рассматривая причины введения новой экономической политики, автор проанализировал этапы зарождения и формирования «бело-зеленого» движения на Кубани.

В целом история российского крестьянства в годы Гражданской войны в многообразии проблем и подходов к ее изучению остается актуальной для российских и зарубежных историков, представляя собой перспективную область их дальнейшего сотрудничества.

Подводя итог историографическому обзору, хотелось бы обратить внимание на некоторые моменты. На протяжении всего советского периода отбор исторических тем обуславливался давлением государственной идеологии. Советским исследователям, если не было желания расстаться с профессиональной карьерой, оставалось обязательно пользоваться ленинской концепцией российской революции. Региональная история при этом неизбежно становилась второстепенным и вторичным придатком всероссийской истории Гражданской войны, втискиваемой в определенные политико-идеологические догмы.

Однако было бы наивным сводить обозначенную политико-идеологическую ангажированность российских историков только к конъюнктурным мотивам. За ней скрывалось более глубокое и универсальное явление: историки кризисных эпох подвергаются тому же давлению ментально-идеологического контекста эпохи, что и непосредственные участники изучаемых событий. Интерпретации советских историков не критично отражали позицию победителей — большевиков. Этот факт демонстрируют не только аргументы, но и сама стилистика исторических работ 1920-х — 1980-х гг., в первоизданном виде воспроизводящая язык коммунистической публицистики того времени.

Работы этого периода пестрят такими штампами, как «подлые планы империалистов», «озверевшее кулачье», «кулацко-эсеровские мятежи», «бело-зеленые банды» и т.д., т.е. лексиконом, позаимствованным у большевистской пропаганды периода 1917—1922 гг.

Ситуация кардинально не изменилась и после развала Советского Союза. Несмотря на интенсивное расширение тематики, история революции приобрела более трагическую окраску, но осталась не менее субъективно-героической: большевики превратились в душителей свободы и врагов народа, а их противники приобрели ореол мучеников и славу подлинных героев. Этот взгляд в основной массе исторических работ довлеет и сегодня. При этом объекты героической стилизации истории подбираются по прежнему, советскому принципу, только среди них преобладают активные оппоненты большевизма и наиболее пострадавшие от него слои — «белые» и боровшиеся против большевиков партии, бунтующие крестьяне и принявшее мученичество духовенство, бастующие рабочие и подлежащее физическому уничтожению казачество.

В работах А.А. Черкасова [148-167], посвященных данной проблематике, на основе многих впервые вводимых в научный оборот документов рассматривается процесс зарождения, развития и поражения крестьянского движения на территории Черноморской губернии, при этом выявляется специфика основных направлений его деятельности. В статьях и монографиях даются характеристики социального и национального состава крестьянского движения, а также выявляются присущие лишь Черноморью особенности. Особое внимание уделяется практически не изученным ранее внутренней и внешней политике Комитета освобождения Черноморской губернии, а также способам борьбы советской власти с крестьянским повстанчеством. В трудах автора заявлена попытка представить первое комплексное исследование истории применения института заложничества на территории Кубани и Черноморья в период борьбы с бело-зеленым повстанчеством. В этой связи анализируются оценки масштабов этой акции в Кубано-Черноморском регионе. Автор предлагает собственную трактовку периодизации малой Гражданской войны (1920—1922 гг.) на территории Кубани, а также пытается определить движущие силы Гражданской войны в регионе, раскрывая их социальную природу, устойчивые психологические стереотипы поведения и идеологические проявления.

Разные аспекты гражданской войны, на современном этапе, как в России, так и в указанном микрорегионе освещали и такие исследователи как: А.В. Венков, А.А. Иванов, С.В. Сивков и др. [168-174]

Заключение. Итак, проведенный историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что гражданская война в региональном контексте продолжает вызывать интерес исследователей-историков. Вводимые в научный оборот новые архивные и иные источники позволяют многомерно взглянуть на события гражданского противостояния и найти ответы на многие ранее не раскрываемые вопросы.

Примечания:

1. Нарский И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917—1922 гг. М., 2001. С. 13.
2. Шафир Я. Гражданская война в России и меньшевистская Грузия. Тифлис, 1921;
3. Василенко В. Страницы прошлого // Военный вестник. 1921. № 4. 15 сент.;
4. Батулин Н. Красная Таманская армия. Станица Славянская Кубано-Черноморской области, 1923.
5. Голубев. Врангелевские десанты на Кубани. М., 1929.
6. Свечников М.С. Борьба Красной армии на Северном Кавказе. М., 1926.
7. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 1. М.-Л., 1924.
8. Ладоха Г. Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1929.
9. Янчевский Н. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1924.
10. Городецкий Б. Периодика Кубано-Черноморского края. 1863—1925. Краснодар, 1927.
11. Платонов А. Странички из истории эсеровской контрреволюции. М., 1923.
12. Гольденкул И. Земельные отношения на Кубани. Краснодар, 1924.
13. Скворцов С.А. Землевладение в Кубанской области. Использование земель общинами Кубани. Краснодар, 1925.

14. Раждаев П.Н. Основные черты организации крестьянского хозяйства на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1925.
15. Черноморский округ и его производительные силы: Сб. ст. / Под ред. П.И. Неволлина, В.М. Четыркина. Новороссийск, 1923. Т. 1.
16. Пономарев А.А. Сельскохозяйственные районы Дона, Северного Кавказа, Черноморья и Дагестана (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.). Ростов н/Д, 1924.
17. Деникин А.И. Очерки русской смуты: В 5 т. М., 1992.
18. Врангель П.Н. Воспоминания: В 2 ч. М., 1992.
19. Раковский Г.Н. В стане белых (от Орла до Новороссийска). Константинополь, 1920.
20. Лукомский А.С. Воспоминания: В 2 т. Т. 2. Берлин, 1922.
21. Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918—1919). Берлин, 1923.
22. Воронович Н. Зеленая книга. Прага, 1921.
23. Воронович Н.В. Меж двух огней // Архив русской революции: В 22 т. Т. 7. Берлин, 1922.
24. Воронович Н.В. Потонувший мир. Очерки прошлого 1891—1920. М., 2001.
25. Мельгунов С.П. Красный террор в России. Берлин, 1923. С. 5.
26. Черноморский округ и его производительные силы: Сб. ст. / Под ред. П.И. Неволлина, В.М. Четыркина. Новороссийск, 1923. Т. 1.
27. Пономарев А.А. Сельскохозяйственные районы Дона, Северного Кавказа, Черноморья и Дагестана (по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.). Ростов н/Д, 1924.
28. История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935; Т. 2. М., 1941.
29. Разгон И. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919—1920 гг. М., 1942.
30. Раенко Я.Н. Из истории большевистских организаций Кубано-Черноморья (1917—1920 гг.). Краснодар, 1940.
31. Раенко Я.Н. Борьба за установление Советской власти на Кубани и в Черноморье // Уч. зап. Ростовского пед. ин-та. Вып. 1. С. 53—94.
32. Раенко Я.Н. Борьба большевиков за установление советской власти на Кубани и Черноморье // Большевик. 1940. 26 февр.
33. Раенко Я.Н. Борьба за Великую социалистическую революцию на Кубани и Черноморье // Исторический журнал. 1938. № 10.
34. Хроника исторических событий на Дону, Кубани и в Черноморье. Вып. 2. Март 1918 г. — апрель 1920 г. Ростов н/Д, 1941.
35. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 годах. Ч. II. Развитие общероссийского противобольшевистского движения. Кн. 5. Рига, 1937.
36. Зайцов А.А. 1918 год. Очерки истории русской Гражданской войны. Париж, 1934.
37. Улько Г. Октябрь на Черноморье. Краснодар, 1957.
38. Козлов А.И. Борьба за власть Советов в Черноморской губернии (1917—1920 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1965.
39. Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917—1920 гг.). Ростов н/Д, 1972.
40. Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов н/Д, 1977.
41. Осадчий И.П. Борьба за власть Советов на Кубани и Черноморье в годы гражданской войны. Краснодар, 1971.
42. Осадчий И.П. Большевики Черноморской губернии в борьбе за победу Октября // Из истории партийных организаций Краснодарского края. Краснодар, 1968. С. 5—39.
43. Осадчий И.П. За власть трудового народа. Историко-документальный очерк о борьбе за власть Советов на Кубани и Черноморье (1917—1920 гг.). Краснодар, 1987.
44. Красильникова К.К. Партизанское движение на Кубани и в Черноморье (1918—1920 гг.). Краснодар, 1957.
45. Кондаков А. Разгром десантов Врангеля на Кубани. Краснодар, 1960; Волошко Т. Памятный двадцатый год. Краснодар, 1964.
46. Спиридонов Н. Подпольная деятельность большевиков Кубани в годы гражданской войны. Краснодар, 1960.
47. Спиридонов Н. В огне войны гражданской. Из истории борьбы большевиков Кубани за власть Советов (1917—1920 гг.). Краснодар, 1984.
48. Дзидзария Г. Очерки истории Абхазии. Тбилиси, 1963.
49. Измайлов П., Попов Н., Скибицкий В., Карнаухов В. К вопросу о партизанском движении на Кубани и в Черноморье в годы гражданской войны // Уч. зап. Краснодарского пединститута. 1958. Вып. 23. С. 215—227.
50. Горлов В.П. Героический поход. М., 1963.

51. Ефимов Н.А. Героический поход Таманской армии в 1918 году // Уч. зап. Московского пед. ин-та имени В.И. Ленина. № 286. М., 1967. С. 151—216.
52. Терехов А.Ф. Гвардейская Таманская / А.Ф. Терехов, М.П. Скирдо, А.К. Миронов. М., 1964.
53. Сухоруков В.Т. XI армия в боях на Северном Кавказе и Нижней Волге в 1918—1920 гг. М., 1961.
54. Кузьмин Н.Ф. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1958;
55. Алексашенко А.П. Крах деникинщины М., 1966.
56. Владимирцев В.С. Партия — организатор разгрома контрреволюции на юге. М., 1971.
57. Занин В.А. Ленинское учение о революционно-демократической диктатуре и Советы. Краснодар, 1975.
58. Хижняк И. Октябрь на Кубани // Кубань родная: Сб. худ. и публ. очерков о прошлом и настоящем Краснодарского края. Краснодар, 1957. С. 52—60.
59. Тумасов Б.В. Борьба за власть Советов на Кубани // Труды краснодарского ин-та пищевой промышленности. 1957. Вып. 17. С. 3—12.
60. Бабичев М.М. Подъем крестьянского движения на Кубани в период борьбы за установление Советской власти (1917—1918 гг.) // Труды краснодарского пед. ин-та. 1963. Вып. 33. С. 13—29.
61. Великий Октябрь и первые социально-экономические преобразования на Кубани / Под ред. В.П. Малышева, В.Е. Щетнева, В.Н. Черникова. Краснодар, 1974.
62. Октябрьская революция и изменения в облике сельского населения Дона и Северного Кавказа (1917—1929 гг.): Сб. науч. тр. Краснодар, 1984.
63. Южный фронт (май 1918 — март 1919). Борьба советского народа с интервентами и белогвардейцами на юге России: Сб. документов. Ростов н/Д, 1962 и др.
64. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983.
65. Из истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1960.
66. Велидов А.С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК (1917—1920 гг.). М., 1970.
67. Венедиктов Б.Н. Очерки из истории Особых отделов ВЧК—ОГПУ (1918—1925 гг.). М., 1960.
68. Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. М., 1976.
69. Долгополов Ю.Б. Война без линий фронта. М., 1981.
70. Долгополов Ю.Б. Правовое положение органов советской военной контрразведки. М., 1966;
71. Звонарев К.К. Агентурная разведка. М., 1969.
72. Софинов П.Г. Очерки истории ВЧК (1917—1920 гг.). М., 1960.
73. Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917—1918): Из истории становления советской государственности. Краснодар, 1984.
74. Щетнев В.Е. Кубанская станица до коллективизации сельского хозяйства // Великий Октябрь и социально-экономические преобразования на Кубани. Коллектив авторов. Краснодар, 1974. С. 53—104.
75. Розин И.Н. Сельское хозяйство Сочинского округа до Великой Октябрьской социалистической революции // Доклады Сочинского отдела Географического общества СССР. Вып. 2. Л., 1971.
76. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981.
77. Наумов В.П. Новейшая историография Гражданской войны и империалистической интервенции. М., 1982.
78. Фостер Л.А. Библиография русской зарубежной литературы 1918—1968: В 2 т. Boston, 1970;
79. Erickson J. Pens versus swords: A study of studying the russian civil war, 1917—1922 // Warfare, diplomacy and politics: Essays in honoure of A. J. P. Taylor / Ed. by Chris Wridley. L., 1986. Q. 120—137;
80. Mazour A.G. The writings of history in the Soviet Union. Stanford, 1971 etc.
81. Зайцев А.А. Контрреволюция Кубани и Черноморья в 1917—1920 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1990.
82. Мемуары участников гражданской войны на Кубани и в Черноморье как исторический источник: Метод. указ. к спецкурсу и спецсеминару / Сост. А.А. Зайцев. Краснодар, 1986.
83. Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917—1918 гг. М., 1996.
84. Бурмагин А.Г. Формирование добровольческих отрядов на Кубани в начале Гражданской войны (ноябрь 1917 — март 1918 г.) / Российское общество и войны XX века: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Адлер, 2004. С. 33—38.
85. Скобцов Д. Три года революции и гражданской войны на Кубани // Кубань. 1991. № 7. С. 72—81.
86. Катков Г.М. Дело Корнилова. М., 2002.
87. Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989.

88. Иванов А.В. Поражение небольшевиcтских альтернатив развития России в годы Гражданской войны и интервенции / Российское общество и войны XX века: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. Адлер, 2004. С. 54—57.
89. Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. М., 1990.
90. Трут В.П. Казачий излом. Ростов н/Д, 1997.
91. Венков А.В. Антибольшевиcтское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д, 1995.
92. Сергеев В.Н. Проблемы истории казачества XVI—XX вв. Ростов н/Д, 1995.
93. Венков А.В. Сепаратизм казачьей контрреволюции внутри деникинского лагеря / Проблемы истории казачества XVI—XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 146.
94. Гребенкин И.Н. Первый Кубанский поход и его место в истории Гражданской войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2004.
95. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2001.
96. Цветков В.Ж. Белые армии юга России. М., 2000.
97. Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение 1917—1920 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2000.
98. Абинякин Р.М. Социально-психологический облик и мировоззрение добровольческого офицерства // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. М., 2002. С. 413—437.
99. Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914—1920). М., 2004.
100. Красная книга ВЧК. Т. 1. М., 1989.
101. Трукан Г.А. Антибольшевиcтские правительства России. М., 2000;
102. Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 — начало 1920 г.). М., 2000.
103. Карпенко С.В. Очерки истории Белого движения на юге России (1917—1920 гг.). М., 2003.
104. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. М., 2004.
105. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996.
106. Mawdsley E. The russian civil war. Boston, 1987; Lincoln B. Red victory: A history of the russian civil war. N. Y., 1989.
107. Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века (К проблеме развития аграрного капитализма). Ростов н/Д, 1989.
108. Ратушняк В.Н. Аграрные отношения на Северном Кавказе в конце XIX — начале XX в.: Учеб. пособие. Краснодар, 1982.
109. Данилов В. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. / В. Данилов, Т. Шанин. Тамбов, 1994. С. 6.
110. Люкшин Д.И. Крестьяне-общинники Казанской губернии и власть накануне гражданской войны // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год. М., 1994. С. 80—81.
111. Медведев А.В. Большевики и народники в борьбе за крестьянство в годы гражданской войны (ноябрь 1917—1920): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1994.
112. Жуков А.Ф. О взаимоотношениях большевиков с эсерами-марксистами в первые годы Советской власти // История СССР. 1986. № 3. С. 128—134.
113. Данилов В. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. / В. Данилов, Т. Шанин. Тамбов, 1994. С. 6.
114. Куреньшев А.А. Крестьянство России в период войны и революции 1917—1920 гг. // Вопросы истории. 1999. № 4—5. С. 148—156.
115. Ахиезер А. Смута — это противостояние разных пластов культуры // Отечественная история. 1998. № 4. С. 153—154.
116. Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918—1919 гг. Очерк о большевиках национал-социалистах и крестьянском движении. М., 1997.
117. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД. Документы и материалы. Т. 1. 1918—1922 / Под ред. А. Береловича и В. Данилова. М., 1998.
118. Осипова Т. Обманутый класс // Родина. 1990. № 10.
119. Осипова Т. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1990.
120. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000.
121. Соболева А.А. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1920—1921 гг.) Библиографический указатель. Тамбов, 1994.
122. Баранов В.П. Крестьянское движение в Тамбовской губернии в первой четверти XX века. Тамбов, 1996.

123. Фатуева Н.В. Противостояние: Кризис власти — трагедия народа (Из истории крестьянских волнений и восстаний в Тамбовской губернии в 1918—1921 годах). Рязань, 1996.
124. Есиков С.А. Протасов Л.Г. Антоновщина: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6—7.
125. Самошкин В.В. Александр Степанович Антонов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 66—76.
126. Секманов С.Н. Под черным знаменем, или Жизнь и Смерть Нестора Махно. М., 1990.
127. Волковинский В.Н. Махно и его крах. М., 199.
128. Яруцкий Л.Д. Махно и махновцы. Мариуполь, 1995.
129. Телицын В. Нестор Махно: Историческая хроника. М., Смоленск, 1998;
130. Сибирская Вандея. Вооруженное сопротивление коммунистическому режиму / Сост. и ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 1997.
131. Московкин В.В. Восстание крестьян в Западной Сибири в 1921 году // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 46—64.
132. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1919—1921 гг. // Крестьяне и власть. М. — Тамбов, 1996.
133. Аптекарь П. «Химчистка» по-тамбовски // Родина. 1994. № 5;
134. Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5.
135. Семанов С.Н. Махно. Подлинная история. М., 2001.
136. Шумов С.А., Андреев А.Р. Махновщина. М., 2005; и др.
137. С 2000 по 2004 гг. издано не менее 9 выпусков. В 9 выпуске опубликовано: Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918—1821 гг. // Библиотечка россияведения. 2004. Вып. 9. С. 4—172; в выпуске 5 многомерно рассматривалось ижевско-воткинское рабочее восстание 1918 г.
138. Есиков С.А., Протасов Л.Г. «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6—7. С. 50.
139. Бернштам М. Стороны в гражданской войне 1917—1922 гг. (проблематика, методология, статистика). М., 1992. С. 52.
140. Осипова Т. Обманутый класс // Родина. 1990. № 10. С. 25.
141. Бернштам М. Указ. соч. С. 24—25.
142. Павлюченков С.А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996.
143. Андреев В.М. Указ. соч. С. 158—159.
144. Баранов А.В. Повстанческие движения казачества и крестьянства на Северном Кавказе в условиях становления нэпа (1921—1922 гг.) // Кубань: 1920-е: Сб. науч. тр. Краснодар, 1996. С. 25—41.
145. Баранов А.В. Социальное и политическое развитие Северного Кавказа в условиях новой экономической политики (1921—1929). СПб., 1996.
146. Баранов А.В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999.
147. Яхутоль Ю.А. Социально-экономическое положение Кубано-Черноморской области в конце Гражданской войны / Великая Отечественная война в контексте истории XX века: Матер. междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2005. С. 348—351.
148. Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и Гражданской войны. Краснодар, 2003.
149. Черкасов А.А. Гражданская война в России: образование Комитета освобождения Черноморской губернии и его вооруженных сил (1919—1920 гг.) // Научный журнал Власть и общество (история, теория, практика). 2011. № 1. С. 50—62.
150. Черкасов А.А. Попытка спасения царской семьи: сочинский след // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 1. С. 6—14.
151. Черкасов А.А. Октябрь 1917 г. и его роль в формировании крестьянского движения на Черноморье // В мире научных открытий. 2010. № 2-1. С. 94—98.
152. Черкасов А.А. К вопросу о гражданской войне на Кубани и Черноморье 1917—1922 гг.: причины, ход, итоги // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 34—54;
153. Черкасов А.А., Чекерес О.Ю. К вопросу о красном терроре на территории Кубани и Черноморья в 1920—1922 гг. // История и историки в контексте времени. 2004. № 2. С. 55—73.
154. Черкасов А.А. Политические организации Сочинского округа в период деятельности Комитета освобождения Черноморской губернии (1920 г.) // История и историки в контексте времени. 2005. № 3. С. 18—30.
155. Черкасов А.А. Комитет освобождения Черноморской губернии (1 декабря 1919 — середина мая 1920 г.) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 1. С. 84—98.
156. Черкасов А.А. Финансовая политика Комитета освобождения Черноморской губернии в условиях Гражданской войны (1920 г.): исторический опыт // Вестник СГУТиКД. 2007. № 1—2. С. 179—182.

157. Черкасов А.А. Демократия и гражданская война: проблема фракционных взаимоотношений на крестьянско-рабочем съезде Комитета освобождения Черноморской губернии (22–25 февраля 1920 г.) // История и историки в контексте времени. 2006. № 4. С. 34–50.
158. Черкасов А.А. Н.В. Воронович «Народное ополчение – армия третьей силы» // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 1. С. 34–47.
159. Черкасов А.А. К вопросу об истории бело-зеленого движения на Черноморье в 1920–1922 гг. // История и историки в контексте времени. 2003. № 1. С. 43–58;
160. Черкасов А.А. К вопросу о периодизации Гражданской войны на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.) // Клио. 2006. № 4. С. 161–165.
161. Черкасов А.А. Кубано-черноморское повстанческое движение (1920–1922 гг.): краткая характеристика // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 12–20;
162. Черкасов А.А. Заложничество как средство воздействия на бело-зеленую оппозицию на Кубани и Черноморье в 1921–1922 гг. Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2004. 115 с.;
163. Черкасов А.А. Институт заложничества на Кубани и Черноморье в 1920–1922 гг. // Вопросы истории. 2004. № 10. С.106–113.
164. Черкасов А.А. Комитет освобождения Черноморской губернии (1 декабря 1919 – середина мая 1920 гг.) (продолжение) // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 3. С. 88–95.
165. Черкасов А.А. Повстанцы Кубани и Черноморья (1920–1930-е гг.): повседневная деятельность // Вестник СГУТиКД. 2010. № 4 (14). С. 182–186.
166. Меньковский В.И., Черкасов А.А. Кубанская повстанческая армия генерала Пржевальского попытка реванша в 1921 г. // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4. С. 33–36.
167. Черкасов А.А., Мамадалиев А.М. Крестьянское ополчение Комитета освобождения Черноморской губернии (1919–1920 гг.): формирование и боевые действия // История и историки в контексте времени. 2011. № 8. С. 22–51.
168. Венков А.В. Гибель донской конницы в феврале 1920 года в Задонской степи // Былые годы. 2011. No 4 (22). С. 17–25.
169. Кубасов А.Л. Режим военного положения в годы гражданской войны в Белой Северной области // Былые годы. 2010. No 3 (17). С. 31–37.
170. Иванцов И.Г. Внутрипартийный контроль ВКП(б) в борьбе с хулиганскими проявлениями в среде коммунистов. 1920-е – начало 1930-х гг. // Былые годы. 2011. No 4 (22). С. 26–31.
171. Иванов А.А. Контрразведывательные службы Белого движения на Черноморском побережье в 1918–1920 гг.: террор под флагом борьбы со шпионажем // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2008. № 1. С. 14–20.
172. Полякова Л.Г. К вопросу о периодических изданиях города Сочи периода революций и гражданской войны: источниковедческий аспект // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2009. № 2. С. 23–27.
173. Макаров Ю.Н. Власть и церковь в России после октября 1917 г. // История и историки в контексте времени. 2009. № 6. С. 67–81.
174. Sivkov S.V. Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War // History and Historians in the Context of the Time, 2013, Vol. (10), No1, p. 15–23.

References:

- Narskii I. Zhizn' v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg. M., 2001. S. 13.
- Shafir Ya. Grazhdanskaya voina v Rossii i men'shevistskaya Gruzija. Tiflis, 1921;
- Vasilenko V. Stranitsy proshlogo // Voennyi vestnik. 1921. № 4. 15 sent.;
- Baturin N. Krasnaya Tamanskaya armiya. Stanitsa Slavyanskaya Kubano-Chernomorskoj oblasti, 1923.
- Golubev. Vrangelevskie desanty na Kubani. M., 1929.
- Svechnikov M.S. Bor'ba Krasnoi armii na Severnom Kavkaze. M., 1926.
- Antonov-Ovseenko V.A. Zapiski o grazhdanskoj voine. T. 1. M.-L., 1924.
- Ladokha G. Ocherki grazhdanskoj bor'by na Kubani. Krasnodar, 1929.
- Yanchevskii N. Grazhdanskaya bor'ba na Severnom Kavkaze. Rostov n/D, 1924.
- Gorodetskii B. Periodika Kubano-Chernomorskogo kraja. 1863–1925. Krasnodar, 1927.
- Platonov A. Stranichki iz istorii eserovskoi kontrevolyutsii. M., 1923.
- Gol'dentul I. Zemel'nye otnosheniya na Kubani. Krasnodar, 1924.
- Skvortsov S.A. Zemlevladienie v Kubanskoj oblasti. Ispol'zovanie zemel' obshchinami Kubani. Krasnodar, 1925.
- Razhdaev P.N. Osnovnye cherty organizatsii krest'yanskogo khozyaistva na Severnom Kavkaze. Rostov n/D, 1925.
- Chernomorskii okrug i ego proizvoditel'nye sily: Sb. st. / Pod red. P.I. Nevolina, V.M. Chetyrkina.

Novorossiisk, 1923. T. 1.

16. Ponomarev A.A. Sel'skokhozyaistvennye raiony Dona, Severnogo Kavkaza, Chernomor'ya i Dagestana (po materialam Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi perepisi 1917 g.). Rostov n/D, 1924.

17. Denikin A.I. Ocherki russkoi smuty: V 5 t. M., 1992.

18. Vrangel' P.N. Vospominaniya: V 2 ch. M., 1992.

19. Rakovskii G.N. V stane belykh (ot Orla do Novorossiiska). Konstantinopol', 1920.

20. Lukomskii A.S. Vospominaniya: V 2 t. T. 2. Berlin, 1922.

21. Pokrovskii G. Denikinshchina. God politiki i ekonomiki na Kubani (1918—1919). Berlin, 1923.

22. Voronovich N. Zelenaya kniga. Praga, 1921.

23. Voronovich N.V. Mezhdvukh ognei // Arkhiv russkoi revolyutsii: V 22 t. T. 7. Berlin, 1922.

24. Voronovich N.V. Potonuvshii mir. Ocherki proshlogo 1891—1920. M., 2001.

25. Mel'gunov S.P. Krasnyi terror v Rossii. Berlin, 1923. S. 5.

26. Chernomorskii okrug i ego proizvoditel'nye sily: Sb. st. / Pod red. P.I. Nevolina, V.M. Chetyrkina.

Novorossiisk, 1923. T. 1.

27. Ponomarev A.A. Sel'skokhozyaistvennye raiony Dona, Severnogo Kavkaza, Chernomor'ya i Dagestana (po materialam Vserossiiskoi sel'skokhozyaistvennoi perepisi 1917 g.). Rostov n/D, 1924.

28. Istoriya Grazhdanskoi voiny v SSSR. T. 1. M., 1935; T. 2. M., 1941.

29. Razgon I. Bor'ba partizan protiv belogvardeitsev na Severnom Kavkaze v 1919—1920 gg. M., 1942.

30. Raenko Ya.N. Iz istorii bol'shevistskikh organizatsii Kubano-Chernomor'ya (1917—1920 gg.).

Krasnodar, 1940.

31. Raenko Ya.N. Bor'ba za ustanovlenie Sovetskoi vlasti na Kubani i v Chernomor'e // Uch. zap. Rostovskogo ped. in-ta. 1953. Vyp. 1. S. 53—94.

32. Raenko Ya.N. Bor'ba bol'shevikov za ustanovlenie sovetckoi vlasti na Kubani i Chernomor'e // Bol'shevik. 1940. 26 fevr.

33. Raenko Ya.N. Bor'ba za Velikuyu sotsialisticheskuyu revolyutsiyu na Kubani i Chernomor'e // Istoricheskii zhurnal. 1938. № 10.

34. Khronika istoricheskikh sobytii na Donu, Kubani i v Chernomor'e. Vyp. 2. Mart 1918 g. — april' 1920 g. Rostov n/D, 1941.

35. Golovin N.N. Rossiiskaya kontrrevolyutsiya v 1917—1918 godakh. Ch. II. Razvitie obshcherossiiskogo protivobol'shevistskogo dvizheniya. Kn. 5. Riga, 1937.

36. Zaitsov A.A. 1918 god. Ocherki istorii russkoi Grazhdanskoi voiny. Parizh, 1934.

37. Ul'ko G. Oktyabr' na Chernomor'e. Krasnodar, 1957.

38. Kozlov A.I. Bor'ba za vlast' Sovetov v Chernomorskoii gubernii (1917—1920 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. Rostov n/D, 1965.

39. Kozlov A.I. Bor'ba trudyashchikhsya Chernomor'ya za vlast' Sovetov (1917—1920 gg.). Rostov n/D, 1972.

40. Kozlov A.I. Na istoricheskom povorote. Rostov n/D, 1977.

41. Osadchii I.P. Bor'ba za vlast' Sovetov na Kubani i Chernomor'e v gody grazhdanskoi voiny. Krasnodar, 1971.

42. Osadchii I.P. Bol'sheviki Chernomorskoii gubernii v bor'be za pobedu Oktyabrya // Iz istorii partiinykh organizatsii Krasnodarskogo kraja. Krasnodar, 1968. S. 5—39.

43. Osadchii I.P. Za vlast' trudovogo naroda. Istoriko-dokumental'nyi ocherk o bor'be za vlast' Sovetov na Kubani i Chernomor'e (1917—1920 gg.). Krasnodar, 1987.

44. Krasil'nikova K.K. Partizanskoe dvizhenie na Kubani i v Chernomor'e (1918—1920 gg.). Krasnodar, 1957.

45. Kondakov A. Razgrom desantov Vrangelya na Kubani. Krasnodar, 1960; Voloshko T. Pamyatnyi dvadtsatyi god. Krasnodar, 1964.

46. Spiridonov N. Podpol'naya deyatel'nost' bol'shevikov Kubani v gody grazhdanskoi voiny. Krasnodar, 1960.

47. Spiridonov N. V ogne voiny grazhdanskoi. Iz istorii bor'by bol'shevikov Kubani za vlast' Sovetov (1917—1920 gg.). Krasnodar, 1984.

48. Dzidzariya G. Ocherki istorii Abkhazii. Tbilisi, 1963.

49. Izmailov P., Popov N., Skibitskii V., Karnaukhov V. K voprosu o partizanskom dvizhenii na Kubani i v Chernomor'e v gody grazhdanskoi voiny // Uch. zap. Krasnodarskogo pedinstituta. 1958. Vyp. 23. S. 215—227.

50. Gorlov V.P. Geroicheskii pokhod. M., 1963.

51. Efimov N.A. Geroicheskii pokhod Tamanskoi armii v 1918 godu // Uch. zap. Moskovskogo ped. in-ta imeni V.I. Lenina. № 286. M., 1967. S. 151—216.

52. Terekhov A.F. Gvardeiskaya Tamanskaya / A.F. Terekhov, M.P. Skirido, A.K. Mironov. M., 1964.

53. Sukhorukov V.T. XI armiya v boyakh na Severnom Kavkaze i Nizhnei Volge v 1918—1920 gg. M., 1961.

54. Kuz'min N.F. Grazhdanskaya voina i voennaya interventsia v SSSR. M., 1958;
55. Aleksashenko A.P. Krakh denikinshchiny M., 1966.
56. Vladimirtsev V.S. Partiya — organizator razgroma kontrrevolyutsii na yuge. M., 1971.
57. Zanin V.A. Leninskoe uchenie o revolyutsionno-demokraticheskoi diktature i Sovety. Krasnodar, 1975.
58. Khizhnyak I. Oktyabr' na Kubani // Kuban' rodnaya: Sb. khud. i publ. ocherkov o proshlom i nastoyashchem Krasnodarskogo kraja. Krasnodar, 1957. S. 52—60.
59. Tumasov B.V. Bor'ba za vlast' Sovetov na Kubani // Trudy krasnodarskogo in-ta pishchevoi promyshlennosti. 1957. Vyp. 17. S. 3—12.
60. Babichev M.M. Pod'em krest'yanskogo dvizheniya na Kubani v period bor'by za ustanovlenie Sovetskoi vlasti (1917—1918 gg.) // Trudy krasnodarskogo ped. in-ta. 1963. Vyp. 33. S. 13—29.
61. Velikii Oktyabr' i pervye sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya na Kubani / Pod red. V.P. Malysheva, V.E. Shchetneva, V.N. Chernikova. Krasnodar, 1974.
62. Oktyabr'skaya revolyutsiya i izmeneniya v oblike sel'skogo naseleniya Dona i Severnogo Kavkaza (1917—1929 gg.): Sb. nauch. tr. Krasnodar, 1984.
63. Yuzhnyi front (mai 1918 — mart 1919). Bor'ba sovetskogo naroda s interventami i belogvardeitsami na yuge Rossii: Sb. dokumentov. Rostov n/D, 1962 i dr.
64. Grazhdanskaya voina i voennaya interventsia v SSSR. M., 1983.
65. Iz istorii Grazhdanskoi voiny v SSSR. T. 1. M., 1960.
66. Velidov A.S. Kommunisticheskaya partiya — organizator i rukovoditel' VChK (1917—1920 gg.). M., 1970.
67. Venediktov B.N. Ocherki iz istorii Osobykh otdelov VChK—OGPU (1918—1925 gg.). M., 1960.
68. Polikarpov V.D. Prolog grazhdanskoi voiny v Rossii. M., 1976.
69. Dolgopolov Yu.B. Voina bez linii fronta. M., 1981.
70. Dolgopolov Yu.B. Pravovoe polozhenie organov sovetskoi voennoi kontrrazvedki. M., 1966;
71. Zvonarev K.K. Agenturnaya razvedka. M., 1969.
72. Sofinov P.G. Ocherki istorii VChK (1917—1920 gg.). M., 1960.
73. Sentsov A.A. Rozhdenie Kubano-Chernomorskoj respubliki (1917—1918): Iz istorii stanovleniya sovetskoi gosudarstvennosti. Krasnodar, 1984.
74. Shchetnev V.E. Kubanskaya stanitsa do kollektivizatsii sel'skogo khozyaistva // Velikii Oktyabr' i sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya na Kubani. Kollektiv avtorov. Krasnodar, 1974. S. 53—104.
75. Rozin I.N. Sel'skoe khozyaistvo Sochinskogo okruga do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii // Doklady Sochinskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR. Vyp. 2. L., 1971.
76. Kaloev B.A. Zemledelie narodov Severnogo Kavkaza. M., 1981.
77. Naumov V.P. Noveishaya istoriografiya Grazhdanskoi voiny i imperialisticheskoi interventsii. M., 1982.
78. Foster L.A. Bibliografiya russkoi zarubezhnoi literatury 1918—1968: V 2 t. Boston, 1970;
79. Erickson J. Pens versus swords: A study of studying the russian civil war, 1917—1922 // Warfare, diplomacy and politics: Essays in honoure of A. J. P. Taylor / Ed. by Chris Wridley. L., 1986. Q. 120—137;
80. Mazour A.G. The writings of history in the Soviet Union. Stanford, 1971 etc.
81. Zaitsev A.A. Kontrevolyutsiya Kubani i Chernomor'ya v 1917—1920 gg.: Dis. ... kand. ist. nauk. Rostov n/D, 1990.
82. Memuary uchastnikov grazhdanskoi voiny na Kubani i v Chernomor'e kak istoricheskii istochnik: Metod. ukaz. k spetskursu i spetsseminaru / Sost. A.A. Zaitsev. Krasnodar, 1986.
83. Fedyuk V.P. Belye. Antibol'shevistskoe dvizhenie na yuge Rossii 1917—1918 gg. M., 1996.
84. Burmagin A.G. Formirovanie dobrovol'cheskikh otryadov na Kubani v nachale Grazhdanskoi voiny (noyabr' 1917 — mart 1918 g.) / Rossiiskoe obshchestvo i voiny KhKh veka: Mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. Adler, 2004. S. 33—38.
85. Skobtsov D. Tri goda revolyutsii i grazhdanskoi voiny na Kubani // Kuban'. 1991. № 7. S. 72—81.
86. Katkov G.M. Delo Kornilova. M., 2002.
87. Ioffe G.Z. «Beloe delo». General Kornilov. M., 1989.
88. Ivanov A.V. Porazhenie nebol'shevistskikh al'ternativ razvitiya Rossii v gody Grazhdanskoi voiny i interventsii / Rossiiskoe obshchestvo i voiny KhKh veka: Mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. Adler, 2004. S. 54—57.
89. Polikarpov V.D. Voennaya kontrrevolyutsiya v Rossii. M., 1990.
90. Trut V.P. Kazachii izlom. Rostov n/D, 1997.
91. Venkov A.V. Antibol'shevistskoe dvizhenie na Yuge Rossii na nachal'nom etape grazhdanskoi voiny. Rostov n/D, 1995.
92. Sergeev V.N. Problemy istorii kazachestva XVI—XX vv. Rostov n/D, 1995.
93. Venkov A.V. Separatizm kazach'ei kontrrevolyutsii vnuti denikinskogo lagerya / Problemy istorii kazachestva XVI—XX vv. Rostov n/D, 1995. S. 146.

94. Grebenkin I.N. Pervyi Kubanskii pokhod i ego mesto v istorii Grazhdanskoi voiny: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladimir, 2004.
95. Volkov S.V. Tragediya russkogo ofitserstva. M., 2001.
96. Tsvetkov V.Zh. Belye armii yuga Rossii. M., 2000.
97. Abinyakin P.M. Ofiterskii korpus Dobrovol'cheskoi armii: sotsial'nyi sostav, mirovozzrenie 1917—1920 gg.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Orel, 2000.
98. Abinyakin P.M. Sotsial'no-psikhologicheskii oblik i mirovozzrenie dobrovol'cheskogo ofitserstva // Grazhdanskaya voina v Rossii: sobytiya, mneniya, otsenki. M., 2002. S. 413—437.
99. Zdanovich A.A. Otechestvennaya kontrrazvedka (1914—1920). M., 2004.
100. Krasnaya kniga VChK. T. 1. M., 1989.
101. Trukan G.A. Antibold'shevistskie pravitel'stva Rossii. M., 2000;
102. Butakov Ya.A. Beloe dvizhenie na yuge Rossii: kontseptsiya i praktika gosudarstvennogo stroitel'stva (konets 1917 — nachalo 1920 g.). M., 2000.
103. Karpenko S.V. Ocherki istorii Belogo dvizheniya na yuge Rossii (1917—1920 gg.). M., 2003.
104. Litvin A.L. Krasnyi i belyi terror v Rossii. 1918—1922 gg. M., 2004.
105. Ocherki istorii Kubani s drevneishikh vremen po 1920 g. / Pod obshch. red. V.N. Ratushnyaka. Krasnodar, 1996.
106. Mawdsley E. The russian civil war. Boston, 1987; Lincoln B. Red victory: A history of the russian civil war. N. Y., 1989.
107. Ratushnyak V.N. Sel'skokhozyaistvennoe proizvodstvo Severnogo Kavkaza v kontse XIX — nachale KhKh veka (K probleme razvitiya agrarnogo kapitalizma). Rostov n/D, 1989.
108. Ratushnyak V.N. Agrarnye otnosheniya na Severnom Kavkaze v kontse XIX — nachale XX v.: Ucheb. posobie. Krasnodar, 1982.
109. Danilov V. Krest'yanskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii v 1919—1921 gg. / V. Danilov, T. Shanin. Tambov, 1994. S. 6.
110. Lyukshin D.I. Krest'yane-obshchinniki Kazanskoi gubernii i vlast' nakanune grazhdanskoi voiny // Proiskhozhdenie i nachalniy etap grazhdanskoi voiny. 1918 god. M., 1994. S. 80—81.
111. Medvedev A.V. Bol'sheviki i narodniki v bor'be za krest'yanstvo v gody grazhdanskoi voiny (noyabr' 1917—1920): Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 1994.
112. Zhukov A.F. O vzaimootnosheniyakh bol'shevikov s eserami-marksistami v pervye gody Sovetskoi vlasti // Istoriya SSSR. 1986. № 3. S. 128—134.
113. Danilov V. Krest'yanskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii v 1919—1921 gg. / V. Danilov, T. Shanin. Tambov, 1994. S. 6.
114. Kurenyshev A.A. Krest'yanstvo Rossii v period voiny i revolyutsii 1917—1920 gg. // Voprosy istorii. 1999. № 4—5. S. 148—156.
115. Akhiezer A. Smuta — eto protivostoyanie raznykh plastov kul'tury // Otechestvennaya istoriya. 1998. № 4. S. 153—154.
116. Gratsiozi A. Bol'sheviki i krest'yane na Ukraine, 1918—1919 gg. Ocherk o bol'shevikakh natsional-sotsialistakh i krest'yanskom dvizhenii. M., 1997.
117. Sovetskaya derevnya glazami VChK—OGPU—NKVD. Dokumenty i materialy. T. 1. 1918—1922 / Pod red. A. Berelovicha i V. Danilova. M., 1998.
118. Osipova T. Obmanutyi klass // Rodina. 1990. № 10.
119. Osipova T. Krest'yanskii front v grazhdanskoi voine // Sud'by rossiiskogo krest'yanstva. M., 1990.
120. Goldin V.I. Rossiya v grazhdanskoi voine. Ocherki noveishei istoriografii (vtoraya polovina 1980-kh — 90-e gody). Arkhangel'sk, 2000.
121. Soboleva A.A. Krest'yanskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii (1920—1921 gg.) Bibliograficheskii ukazatel'. Tambov, 1994.
122. Baranov V.P. Krest'yanskoe dvizhenie v Tambovskoi gubernii v pervoi chetverti KhKh veka. Tambov, 1996.
123. Fatueva N.V. Protivostoyanie: Krizis vlasti — tragediya naroda (Iz istorii krest'yanskikh volnenii i vosstaniy v Tambovskoi gubernii v 1918—1921 godakh). Ryazan', 1996.
124. Esikov S.A. Protasov L.G. Antonovshchina: novye podkhody // Voprosy istorii. 1992. № 6—7.
125. Samoshkin V.V. Aleksandr Stepanovich Antonov // Voprosy istorii. 1994. № 2. S. 66—76.
126. Sekmanov S.N. Pod chernym znamenem, ili Zhizn' i Smert' Nestora Makhno. M., 1990.
127. Volkovinskii V.N. Makhno i ego krakh. M., 199.
128. Yarutskii L.D. Makhno i makhnovtsy. Mariupol', 1995.
129. Telitsyn V. Nestor Makhno: Istoricheskaya khronika. M., Smolensk, 1998;
130. Sibirskaya Vandeya. Vooruzhennoe soprotivlenie kommunisticheskomu rezhimu / Sost. i red. V.I. Shishkin. Novosibirsk, 1997.
131. Moskovkin V.V. Vosstanie krest'yan v Zapadnoi Sibiri v 1921 godu // Voprosy istorii. 1998. № 6. S. 46—64.

132. Kondrashin V.V. Krest'yanskoe dvizhenie v Povolzh'e v 1919—1921 gg. // Krest'yane i vlast'. M. — Tambov, 1996.
133. Aptekar' P. «Khimchistka» po-tambovski // Rodina. 1994. № 5;
134. Brovkin V.N. Rossiya v grazhdanskoi voine: vlast' i obshchestvennye sily // Voprosy istorii. 1994. № 5.
135. Semanov S.N. Makhno. Podlinnaya istoriya. M., 2001.
136. Shumov S.A., Andreev A.R. Makhnovshchina. M., 2005; i dr.
137. S 2000 po 2004 gg. izdano ne menee 9 vypuskov. V 9 vypuske opublikovano: Sennikov B.V. Tambovskoe vosstanie 1918—1821 gg. // Bibliotekha rossievedeniya. 2004. Vyp. 9. S. 4—172; v vypuske 5 mnogomerno rassmatrivalos' izhevsko-votkinskoe rabochee vosstanie 1918 g.
138. Esikov S.A., Protasov L.G. «Antonovshchina»: novye podkhody // Voprosy istorii. 1992. № 6—7. S. 50.
139. Bernshtam M. Storony v grazhdanskoi voine 1917—1922 gg. (problematika, metodologiya, statistika). M., 1992. S. 52.
140. Osipova T. Obmanutyi klass // Rodina. 1990. № 10. S. 25.
141. Bernshtam M. Ukaz. soch. S. 24—25.
142. Pavlyuchenkov S.A. Krest'yanskii Brest, ili Predystoriya bol'shevistskogo NEPa. M., 1996.
143. Andreev V.M. Ukaz. soch. S. 158—159.
144. Baranov A.V. Povstancheskie dvizheniya kazachestva i krest'yanstva na Severnom Kavkaze v usloviyakh stanovleniya nepa (1921—1922 gg.) // Kuban': 1920-e: Sb. nauch. tr. Krasnodar, 1996. S. 25—41.
145. Baranov A.V. Sotsial'noe i politicheskoe razvitie Severnogo Kavkaza v usloviyakh novoi ekonomicheskoi politiki (1921—1929). SPb., 1996.
146. Baranov A.V. Mnogoukladnoe obshchestvo Severnogo Kavkaza v usloviyakh novoi ekonomicheskoi politiki. Krasnodar, 1999.
147. Yakhutol' Yu.A. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Kubano-Chernomorskoj oblasti v kontse Grazhdanskoi voiny / Velikaya Otechestvennaya voina v kontekste istorii KhKh veka: Mater. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Krasnodar, 2005. S. 348—351.
148. Cherkasov A.A. Krest'yanskoe dvizhenie na Chernomor'e v period revolyutsii i Grazhdanskoi voiny. Krasnodar, 2003.
149. Cherkasov A.A. Grazhdanskaya voina v Rossii: obrazovanie Komiteta osvobodzheniya Chernomorskoj gubernii i ego vooruzhennykh sil (1919—1920 gg.) // Nauchnyi zhurnal Vlast' i obshchestvo (istoriya, teoriya, praktika). 2011. № 1. S. 50—62.
150. Cherkasov A.A. Popytka spaseniya tsarskoj sem'i: sochinskii sled // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2006. № 1. S. 6—14.
151. Cherkasov A.A. Oktyabr' 1917 g. i ego rol' v formirovanii krest'yanskogo dvizheniya na Chernomor'e // V mire nauchnykh otkrytii. 2010. № 2-1. S. 94—98.
152. Cherkasov A.A. K voprosu o grazhdanskoi voine na Kubani i Chernomor'e 1917—1922 gg.: prichiny, khod, itogi // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2004. № 2. S. 34—54;
153. Cherkasov A.A., Chekeres O.Yu. K voprosu o krasnom terrore na territorii Kubani i Chernomor'ya v 1920—1922 gg. // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2004. № 2. S. 55—73.
154. Cherkasov A.A. Politicheskie organizatsii Sochinskogo okruga v period deyatelnosti Komiteta osvobodzheniya Chernomorskoj gubernii (1920 g.) // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2005. № 3. S. 18—30.
155. Cherkasov A.A. Komitet osvobodzheniya Chernomorskoj gubernii (1 dekabrya 1919 — seredina maya 1920 g.) // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2010. № 1. S. 84—98.
156. Cherkasov A.A. Finansovaya politika Komiteta osvobodzheniya Chernomorskoj gubernii v usloviyakh Grazhdanskoi voiny (1920 g.): istoricheskii opyt // Vestnik SGUTiKD. 2007. № 1—2. S. 179—182.
157. Cherkasov A.A. Demokratiya i grazhdanskaya voina: problema fraktsionnykh vzaimootnoshenii na krest'yansko-rabochem s'ezde Komiteta osvobodzheniya Chernomorskoj gubernii (22—25 fevralya 1920 g.) // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2006. № 4. S. 34—50.
158. Cherkasov A.A. N.V. Voronovich «Narodnoe opolchenie — armiya tret'ei sily» // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2009. № 1. S. 34—47.
159. Cherkasov A.A. K voprosu ob istorii belo-zelenogo dvizheniya na Chernomor'e v 1920—1922 gg. // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2003. № 1. S. 43—58;
160. Cherkasov A.A. K voprosu o periodizatsii Grazhdanskoi voiny na Kubani i Chernomor'e (1917—1922 gg.) // Klio. 2006. № 4. S. 161—165.
161. Cherkasov A.A. Kubano-chernomorskoe povstanchesкое dvizhenie (1920—1922 gg.): kratkaya kharakteristika // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2006. № 2. S. 12—20;
162. Cherkasov A.A. Zalozhnichestvo kak sredstvo vozdeistviya na belo-zelenuyu oppozitsiyu na Kubani i Chernomor'e v 1921—1922 gg. Krasnodar: Kubanskii gosuniversitet, 2004. 115 s.;
163. Cherkasov A.A. Institut zalozhnichestva na Kubani i Chernomor'e v 1920—1922 gg. // Voprosy

istorii. 2004. № 10. S.106–113.

164. Cherkasov A.A. Komitet osvobozhdeniya Chernomorskoj gubernii (1 dekabrya 1919 – seredina maya 1920 gg.) (prodolzhenie) // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2010. № 3. S. 88–95.

165. Cherkasov A.A. Povstantsy Kubani i Chernomor'ya (1920–1930-e gg.): povsednevnyaya deyatel'nost' // Vestnik SGUTiKD. 2010. № 4 (14). S. 182–186.

166. Men'kovskii V.I., Cherkasov A.A. Kubanskaya povstancheskaya armiya generala Przheval'skogo popytka revansha v 1921 g. // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2010. № 4. S. 33–36.

167. Cherkasov A.A., Mamadaliev A.M. Krest'yanskoe opolchenie Komiteta osvobozhdeniya Chernomorskoj gubernii (1919–1920 gg.): formirovanie i boevye deistviya // Istorija i istoriki v kontekste vremeni. 2011. № 8. S. 22–51.

168. Venkov A.V. Gibel' donskoi konnitsy v fevrale 1920 goda v Zadonskoj stepi // Bylye gody. 2011. No 4 (22). S. 17–25.

169. Kubasov A.L. Rezhim voennogo polozheniya v gody grazhdanskoj vojny v Beloi Severnoj oblasti // Bylye gody. 2010. No 3 (17). S. 31–37.

170. Ivantsov I.G. Vnutripartiinyi kontrol' VKP(b) v bor'be s khuliganskimi proyavleniyami v srede kommunistov. 1920-e – nachalo 1930-kh gg. // Bylye gody. 2011. No 4 (22). S. 26–31.

171. Ivanov A.A. Kontrrazvedyvatel'nye sluzhby Belogo dvizheniya na Chernomorskom poberezh'e v 1918–1920 gg.: terror pod flagom bor'by so shpionazhem // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2008. № 1. S. 14–20.

172. Polyakova L.G. K voprosu o periodicheskikh izdaniyakh goroda Sochi perioda revolyutsii i grazhdanskoj vojny: istochnikovedcheskii aspekt // Bylye gody. Chernomorskii istoricheskii zhurnal. 2009. № 2. S. 23–27.

173. Makarov Yu.N. Vlast' i tserkov' v Rossii posle oktyabrya 1917 g. // Istorija i istoriki v kontekste vremeni. 2009. № 6. S. 67–81.

174. Sivkov S.V. Terror and Terrorism in the North Caucasus during the Civil War // History and Historians in the Context of the Time, 2013, Vol. (10), No1, p. 15–23.

УДК 94

Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917-1922 гг.): историографический обзор

¹ Александр Арвелодович Черкасов

² Михал Шмигель

¹ Томский государственный университет, Российская Федерация

² Университет Матея Белла, Словакия

Аннотация. В статье представлен историографический обзор гражданской войны на Юге России, в частности на территории Кубани и Черноморья. Авторами гражданской война понимается в расширенной периодизации с 1917 по 1922 г., то есть с октябрьского переворота 1917 г. до снятия большевиками осадного положения в декабре 1922 г. Выделена периодизация исследований в области гражданской войны начиная с 1920 г. по настоящее время.

Ключевые слова: Гражданская война; Кубань и Черноморье; историографический обзор.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 93

The British – Italian Performance in the Mediterranean From the Artillery Perspective

¹Kent R. Crawford

²Nicholas W. Mitiukov

¹Gunnery Fire Control Group, USA

Dr.

²Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies,
Izhevsk State Technical University, Russian Federation

Professor

Abstract. During the Second World War, the course of the naval conflict in the Mediterranean can be reduced to battles between the British and Italian fleets. Three years of operations against the Royal Navy only produced one more or less significant victory for the Italians, who enjoyed a considerable numerical superiority in this, their main theatre of operations, while the priority for Britain was minor or even third-hand! And most of the engagements, as a rule, ended with the Italian forces retiring as fast as possible.

Keywords: Mediterranean History; Naval History; Italia; Great Britain; Historical reconstruction.

Marc Antonio Bragadin's *The Italian Navy in World War II* is bewildering. Their 'greatest' victory was Pantellaria, in which a British destroyer and several transports were sunk. But given the correlation of the forces involved, the entire convoy should have been exterminated to the last vessel! And the 'super fast' Italian ships never could catch the much slower British vessels; *Bartolomeo Colleoni*, supposedly capable of 40 kts., was savaged by H.M.A.S. *Sydney*, which on her best day only made 32 kts.

How could it be that, having the larger fleet, magnificent artillery and well-trained crews, the Italian Fleet suffered one shattering defeat after another? Let us try to look at the problem through the prism of naval guns.

For the purposes of comparison, we shall select three artillery systems that were nearly analogous between the two navies: the 381-mm (15") main guns of the battleships, 203-mm (8") guns of the heavy cruisers, and the 152-mm (6") of the light cruisers. The performance of each is summarized below.

Caliber	Model	Shell's mass, kg	Muzzle velocity, m/s	Form factor to the low of 1943
152/50	Mk XXIII	50,8	841	1,08
203/50	Mk VIII	116,1	855	1,03
381/42	Mk I	871,0	752	1,27
152/53	Model 1926	47,5	1000	1,09
203/53	Model 1927	125,3	955	1,09
381/50	Model 1934	885,0	850	0,89

The technique and functions for ballistic calculations was presented in sufficient Detail in the pages of “Warship International” in an article by William Jurens. Many of the functions are of an empirical character, and so differ a little bit for each country. So in Russia the definitions of a standard atmosphere were set forth in the Russian State Standard 4401-78, which defined the character of temperature variations, density, viscosity, and air pressure at altitude functions. These are the functions used for this analysis. And for the laws of resistance the following were applied:

- Law resistance of Siacci (for shells of a form similar to the standard Type 1)
- The Law of 1930 (similar to a Type 8)
- The Law of 1943 (similar to a Type 7)

In this case for definition of the form factor of a shell, the Law of 1943 was selected. From the Table above, it is evident that the British and Italians have used shells with almost identical ballistic properties. However, here there is nothing exotic, as the British influence on Italian ordnance was very great. Up to the end of WW 1, the guns of the Italian fleet were made under license to designs from the firms of Armstrong [EOC] and Vickers. And as a matter of fact, subsequent gun development were modern versions of those designs. This connection, by the way, shows rather exponential comparison of the form factors for shells of the main guns of the leading maritime states. For example, for guns of about 127-mm (5”) which were introduced into the inventories during the 1920 – 30s, as the main guns for destroyers, the values are as follows (using the Law of Siacci):

System	State	Muzzle velocity, m/s	Shell's mass, kg	Range for angle, m	Form factor to the Siacci's low
120/45 Mk I, Mk II	England	814	22,70	14450 (30)	0,82
130/40 Model 1924	France	725	34,85	18700 (35)	0,60
127/45 SK C/34	Germany	830	28,00	17400 (30)	0,66
120/50 Model 1926	Italy	950	23,15	22000 (45)	0,62
120/45 Type 3	Japan	825	20,41	16000 (33)	0,66
130/50 B 13	USSR	870	33,40	25730 (45)	0,52
127/38 Mk 12	USA	762	25,04	15300 (35)	0,73

From the above table, taken from Tony DiGiulan’s contributions to the Warships1 website (www.warships1.com), the ballistics of guns of the main European states and Japan were at approximately the same level. It is interesting to note, however, that the Soviet shell had the best ballistic form. But this should not be surprising, as the attention given to ballistics in the USSR, which resulted in the M.1928 pattern projectiles, is well known now. Stalin even took a personal interest in the development program, which produced gun systems equal or superior to all foreign designs in all main parameters save one – barrel life. This unfortunately cancelled out all of their virtues, as the Effective Full Charge life of the gun was equal to the capacity of the magazine!

The American and British guns have the worst ballistics form, but this can not be the only criterion, since doctrine required the more universal application of both anti-surface and anti-air capabilities.

But to return to the Anglo-Italian conflict in the Mediterranean, it is well known that the hit probability is determined in large part by the angle in descent of a shell, known as the Danger Space. Steve McLaughlin defined this relationship as:

$$\text{Danger space} = \text{Target width} + \text{Target height} / \text{Tangent of Angel of Descent}$$

It follows, therefore, that the lower this angle of descent, the greater the hit probability, which is rationale behind the use of high velocity guns. Figure 1 reflects this parameter of the major British and Italian guns. Hereinafter the various graphs show 152mm guns as circles, 203mm guns as squares, and 381 mm guns as diamonds, with white designating the British and black the Italians.

As is depicted in Figure 1, at all battle ranges the angle of descent of the Italian shells is less than that of their British opposite number. Indeed, at ranges up to 16,000 meters, the angle of descent of the Italian 203mm shell is less than that of the British 381mm!

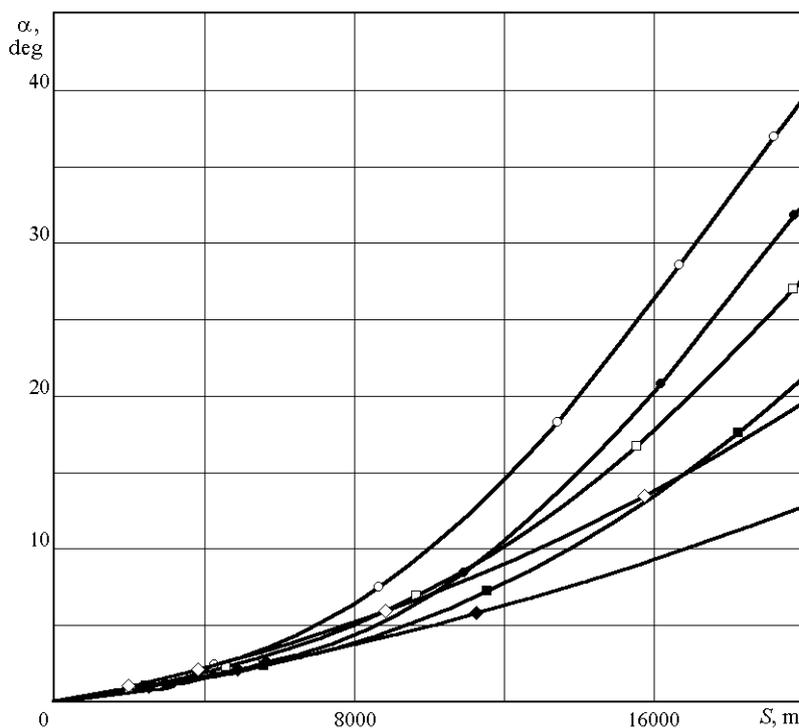

Fig. 1. Comparison of angle of incidences of shells

If comparison were only limited to the size of the danger space, than the Italians should have enjoyed a considerable advantage. This makes the results of the gun battles quite paradoxical. Therefore, as a second step we must try to estimate the values of the ballistic corrections. A technique for obtaining such values would be to determine the effect of corrections in an elevation angle: the variation of an elevation angle is applied, which affects the range. Thus, for each degree of deviation either way, the shell either falls short or flies over by a certain number of meters. Other corrections produce a similar result. The unique exception is a variation of the atmospheric density and pressure, the values of which are generally included in the Range Tables. The given technique was approved by the authors on the basis of Range Tables for the 122 mm Soviet howitzer, model 1938, and has given satisfactory convergence.

1) Correction of elevation angle – sensitivity of the gun the roll of the ship (see Figure 2). Though Fire Control Suites were common before the War, the very sensitive instruments that appeared only afterwards had effect as if the ship were on an even keel, the consequences of roll being eliminated insofar as the guns were concerned. But in the absence of such systems, the divergence between the British and Italian guns is most obvious in the performance of the 381mm guns. Dispersion of the Italian shells was almost 1.5 – 2 times greater! This means that in the presence of virtually any wave activity at sea (which is almost always), the British would have on average twice as many hits as would the Italians!

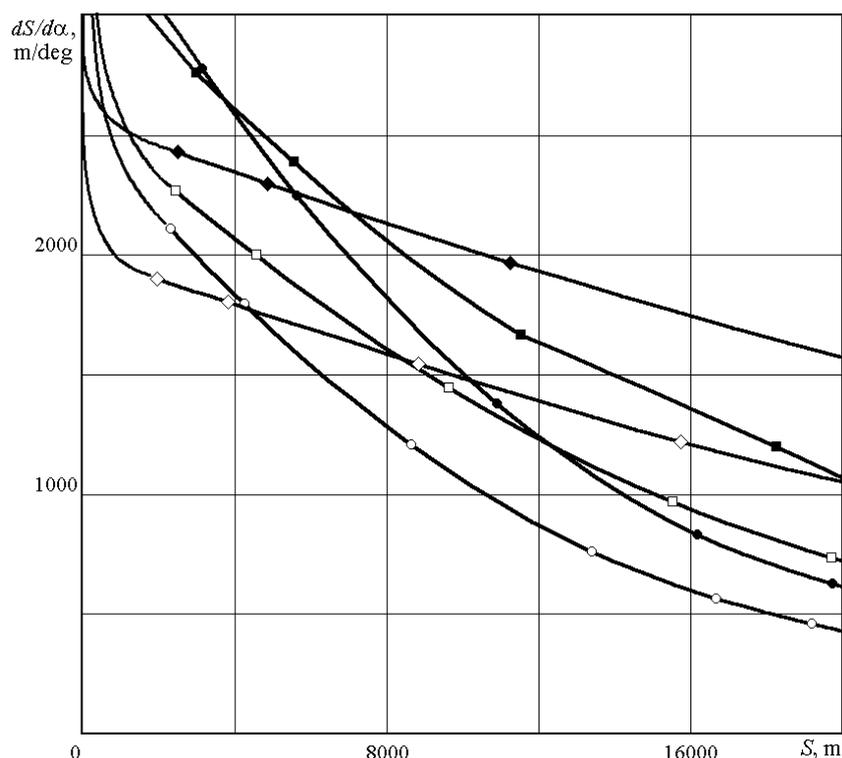

Fig. 2. The correction on an elevation angle

2) Correction for the mass of the shell – sensitivity of the gun to the ‘know-how’ of shells (see Figure 3). As is known, the more developed manufacturing processes warrant obtaining smaller tolerances. Thus, dispersion due to variation of the mass of the shell is lower, as the shells are more uniform. However, as Jack Greene and Alessandro Massignani have pointed out in their The Naval War in the Mediterranean 1940 – 1943, manufacturing tolerances in the production of the Italian shells were overly large on the one hand, as was the weight control of the propellant used in bagged charges.

The Table below shows the changes in range caused by a mere 1% variance in shell weight and propellant charge weight.

Condition	Shell Wt. (kg.)	M V (m/s)	Range @ 15-deg (meters)
Range Table	885	870	26,420
1% increase in charge	885	874.34	26,640
1% decrease in charge	885	865.64	26,201
1% increase in shell wt.	893.85	865.68	26,289
1% decrease in shell wt.	876.15	874.38	26,552
1% increase in both	893.85	870	26,507
1% decrease in both	876.15	870	26,332
1% increase in charge & 1% decrease in shell wt.	876.15	878.74	26,772
1% decrease in charge & 1% increase in shell wt.	893.85	861.34	26,070

So even though it may have been possible for the Italians to have adjusted for the variations in shell weight, which were often labeled on the projectile and allowed for in the Range Tables, the variation in the propellant charges could not. Thus the Italians were laboring under an additional burden with regard to dispersion.

3) Correction for atmospheric pressure (see Figure 4). In this area, the change in condition would affect both sides, with neither obtaining a material advantage. Thus, the value of this

correction is not so great, as atmospheric pressure varies rather slowly, which allows for its rather exact measure.

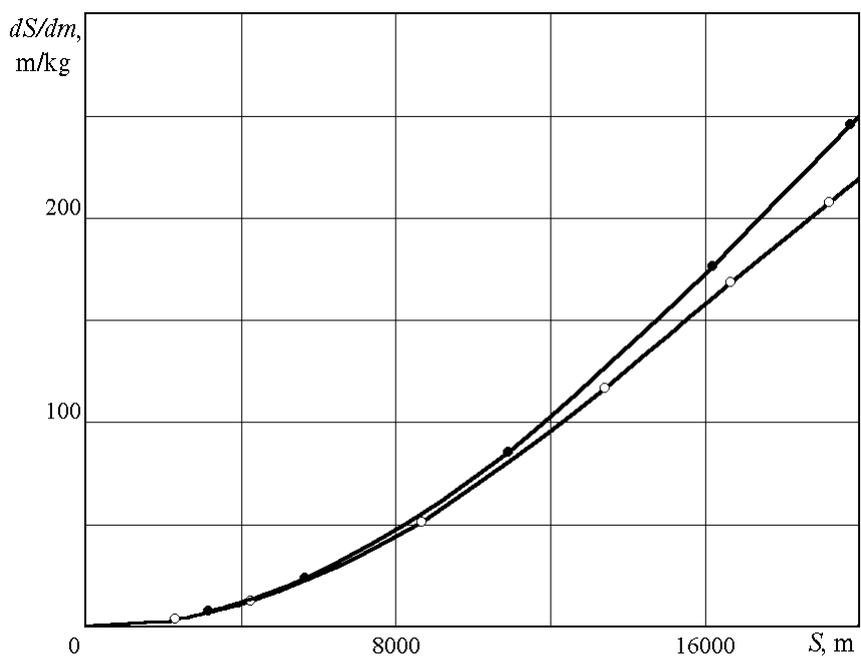

Fig. 3a. The correction on a mass for 152-mm shells

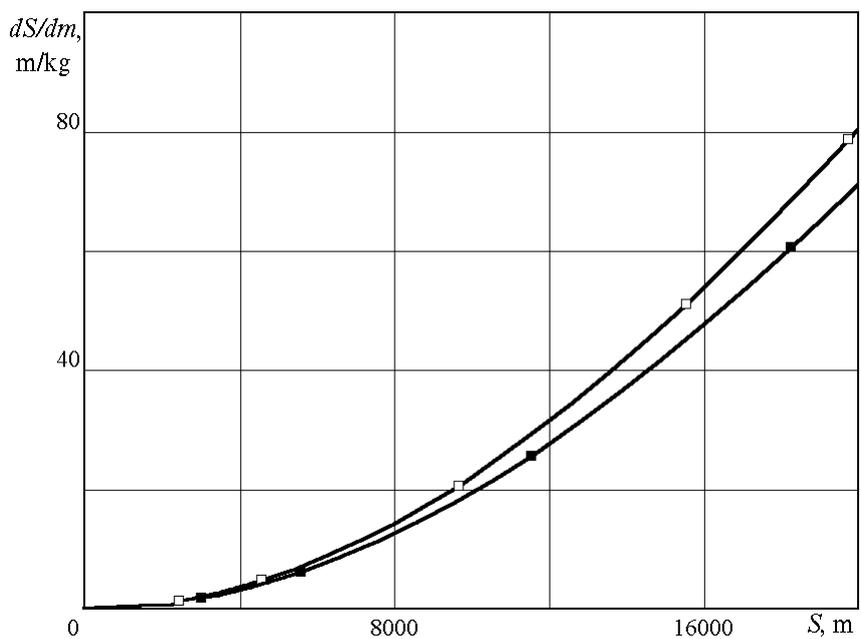

Fig. 3b. The correction on a mass for 203-mm shells

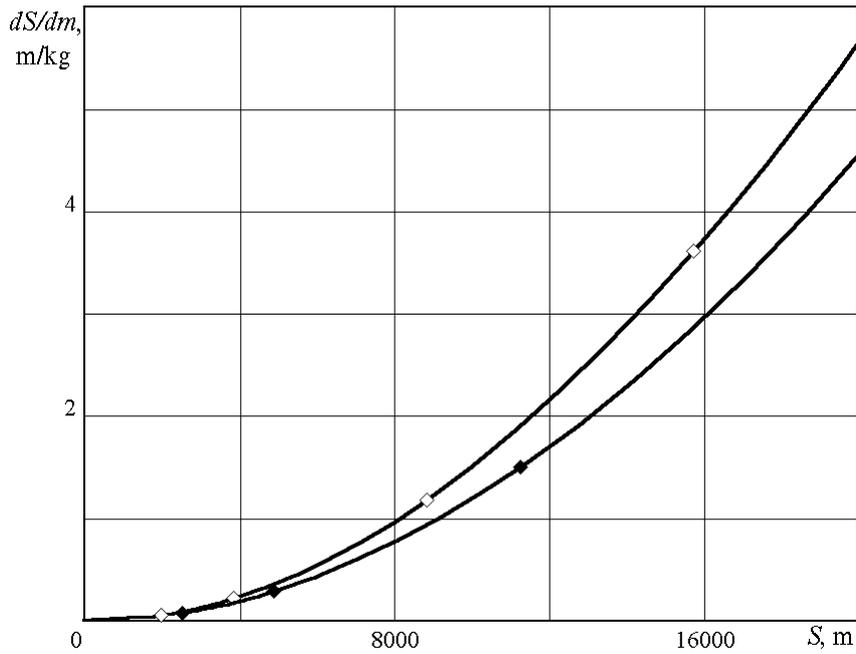

Fig. 3c. The correction on a mass for 381-mm shells

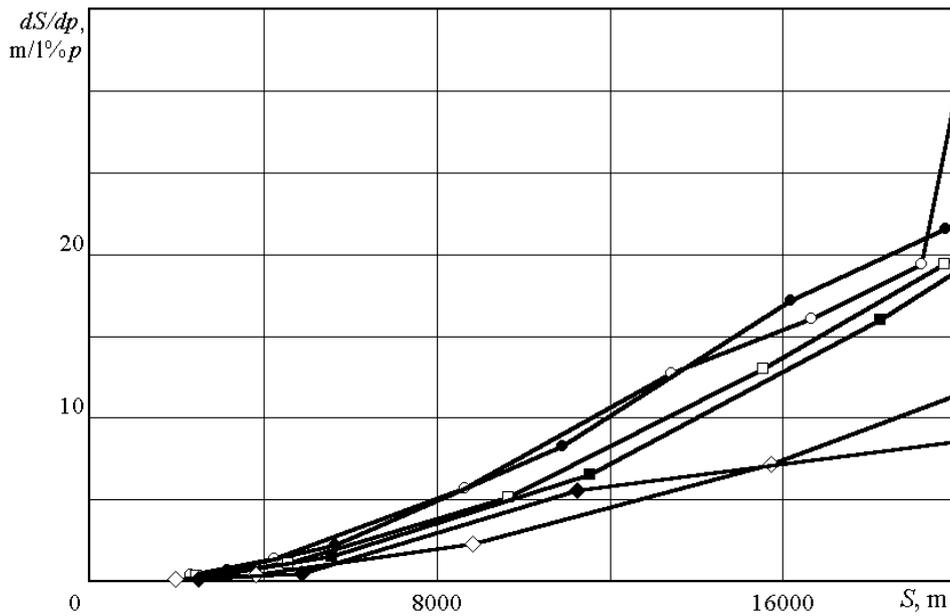

Fig. 4. The correction on atmospheric pressure

4) The correction for atmospheric density actually displays sensitivity of the gun to meteorological conditions, as the presence of rain or snow results in increased density of the air (see Figure 5). This correction, as opposed to atmospheric pressure, is rather difficult to take into account. Sudden rain or snow showers (the latter not common in the Mediterranean), or fog, would have a detrimental effect on ballistic performance. But in this regard, the opponents approximately correspond to each other, with neither obtaining an advantage.

5) Corrections in initial [muzzle] velocity caused by variations in the condition of the charges (see Figure 6). These include charge temperature. Within a range of tolerance, accounted for in the Range Tables, a higher temperature would result in a higher initial velocity, and a lower temperature a lower velocity. Other factors are not so predictable. The very conditions of storage can negatively effect the charges, and could result in a breakdown of the chemical components, while excess moisture would reduce burning efficiency. It is the opinion of the authors that the Italians had a slight advantage in this area.

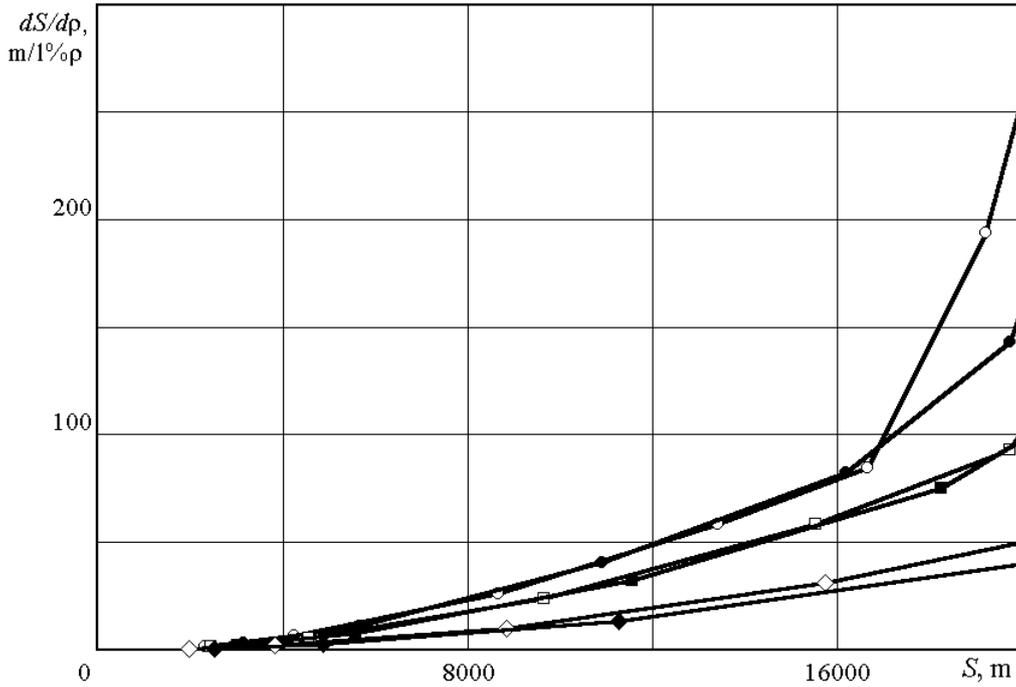

Fig. 5. A correction for air density

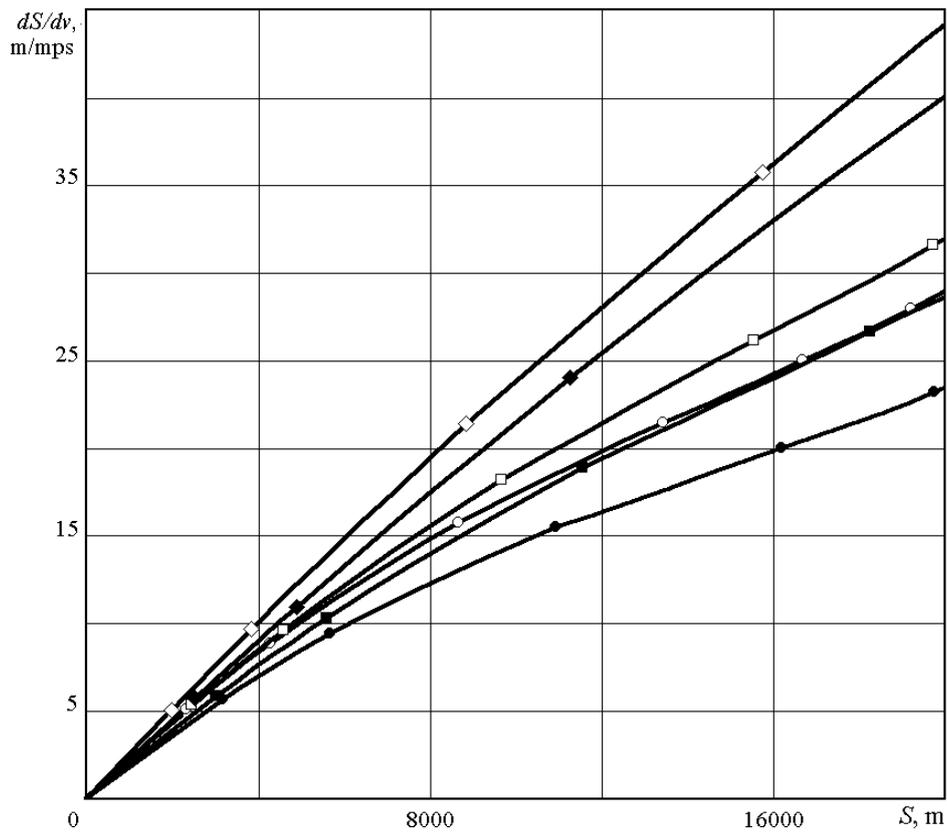

Fig. 6. The correction on initial velocity

On the face of it, the British Royal Navy have an advantage over the Italians in only one area of correction, but it is the most important and significant. What does this mean? In the theoretical sense, the smaller danger space of the lower velocity British guns would imply that only the most careful preparations and calculations would counter the Italian advantage in hit probability.

However, the ballistic effects of roll are less for the British than for the Italians, and therefore correspondingly easier to correct for. The worse the sea state, the greater the British advantage in this regard. It is interesting that, empirically, the Italian gunnery performance should have improved as a result of their reducing the muzzle velocity of their guns. The effect would have been to decrease the danger space on the one hand, but to enjoy a corresponding decrease in the dispersion caused by the roll of the ship on the other.

References:

1. BRAGADIN, M.A.: Ital'anskij flot vo vtoroj mirovoj vojne. [On Russian: The Italian Navy in W.W. 2], Ekaterinburg, Edition "Zerkalo", 1997, two volumes.
2. CAMPBELL, J.: Naval Weapons of World War Two, Annapolis, Naval Institute Press, 1985.
3. GREENE, J. and MASSIGNANI, A.: The Naval War in the Mediterranean, 1940 – 1943, London, Chatham Publishing, 1998.
4. JURENS, W.R.: "Exterior Ballistics with Microcomputers", *Warship International*, 1, 1984, pp. 49–72.
5. MCLAUGHLIN, S.: "Predreadnoughts vs. Dreadnought, Action off Cape Sarych, 18 November 1914", *Warship*, 2001–2002, pp. 117–140.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94

“Clear the Woods the Thugs are Hiding in With Poisonous, Asphyxiating, Gases ...”: Myths and Facts about the Tambov Uprising

¹ Aleksandr V. Glushko

² Natal'ya I. Shilo

¹ Scientific and Production Association Energomash named. Acad. Glushko, Russian Federation

E-mail: generalmajor_72@mail.ru

² Institute for Migration and Ethnic Relations, Russian Federation

E-mail: n_shilo@inbox.ru

Abstract. This article examines the events related to the suppression of an Anti-Soviet peasant rebellion in Tambov Governorate (“Antonovshchina”) in the summer of 1921 in the context of a use of chemical weapons against the rebels. Based on new archive documents and little-known works by Soviet and foreign military chemists, the article examines the process of making decisions on the use of chemical weapons, preparations for a chemic attack, issues related to tactics, and the composition of toxic substances in ammunition. The article concludes that in the course of preparations and the use of chemical weapons all conditions providing for the success of such operations were violated. More specifically, the use of gas cylinders amidst the increased complexity of objectives set proved impossible using the resources on hand due to the unpreparedness of the military personnel and an admittedly insufficient quantity of ammunition. Besides, shelling using chemical shells proved ineffective due to a lack of training with the artillery personnel and insufficient expenditure of ammunition. And finally, shells shipped over to Tambov Governorate were intended for putting the opponent out of action – not for physically destroying the opponent, since their combat effect was intended to be triggered through a lachrymatory effect toxic substance. In the end, the author draws a conclusion about the impossibility of an effective use of chemical weapons and, all the more so, impossibility of having human victims. Its use was of a one-off nature and was not the decisive factor for the elimination of the rebellion.

Keywords: Tambov rebellion of 1921; Antonovshchina; Red Army; M.N. Tukhachevsky; chemical weapons; gases; peasants; gas cylinder attack; chemical shell artillery shooting; tactics; toxic substances; victims.

Введение. Крестьянское восстание 1920–1921 годов в Тамбовской губернии к числу «белых пятен» отечественной истории, на первый взгляд, не относится. С двадцатых годов прошлого века до настоящего времени число публикаций, посвященных «антоновщине», перевалило далеко за тысячу. Но даже в таком достаточно известном, вроде бы, событии время от времени обнаруживаются малоизученные страницы.

Начиная с конца 1980-х – начала 1990-х годов [1] своего рода общим местом во всех научных и публицистических работах, посвященных «антоновщине», стало использование при ее ликвидации химического оружия [2]. Однако, несмотря на широкую известность темы, специальных работ, посвященных детальному изучению этого вопроса, практически не существует. Лишь в последнее время в печати стали появляться исследования, посвященные «тамбовским газам» [3]. Из них следует, что хотя химическое оружие действительно применялось частями РККА, его реальное значение современными

исследователями сильно преувеличено [4]. Его использование было отнюдь не столь масштабным, как это могло изначально показаться, и роли оно не сыграло никакой. И тем более не газы явились решающим фактором для ликвидации восстания.

Для дальнейшего изучения этого вопроса мы обратились за помощью к военным. Оказать содействие любезно согласился Заместитель Начальника Войск РХБЗ по вооружениям и научно-исследовательской работе полковник С.Г. Кикоть. Все обнаруженные к настоящему моменту архивные документы, в которых имеются эпизоды подготовки и применения химического оружия в Тамбовской губернии в 1921 году, были переданы на экспертизу в Научный центр ФБУ «ЗЗ ЦНИИИ МО РФ» - головной научно-исследовательский и испытательный центр Войск радиационной, химической и биологической защиты ВС РФ. Рабочая комиссия в составе руководителя группы к.э.н. В.В. Клименко, а также членов группы – д.т.н. А.В. Бринцева, к.т.н. Н.А. Дьякова и к.т.н. А.А. Родионова по результатам изучения этих документов выдала заключение, выводы которого мы и публикуем в настоящей работе.

Как принималось решение.

К июню 1921 года в начавшихся в последних числах мая операциях по разгрому вооруженных формирований антоновцев наступил коренной перелом. Крупные повстанческие соединения были либо ликвидированы, либо рассеяны силами главным образом специально созданной для непрерывного преследования и уничтожения партизанских отрядов сводной кавалерийской группы под командованием И.П. Уборевича, усиленной автобронеполками. Так, уже в первых числах июня была разгромлена и прекратила свое существование как крупная боевая сила 2-я партизанская армия [5].

Еще в начале мая командующий войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевский и начальник штаба Н.Е. Какурин проинструктировали части РККА относительно действий против крупных формирований антоновцев: *«Необходимо против каждой выдающейся банды выделить особый надежный и сильный отряд, который должен иметь своей целью непрерывное преследование и насаждение на банду, должен не давать ей нигде останавливаться и отдыхать, а тем более комплектоваться. Остановка банды на отдых уже тем самым ставит перед этим отрядом задачу атаковать ее. Словом, этот отряд должен присосаться, как пиявка, к своей банде и не должен давать ей ни сна, ни отдыха, ни возможности сорганизовываться. При такой организации борьбы главнейшие банды, как, например, Антонова и проч., берущиеся в переплет оккупирующими войсками участков, в то же время непрерывно преследуются индивидуальными пиявочными отрядами, которыми и сводятся окончательно на нет»* [6]. Разбитые «индивидуальными пиявочными отрядами» РККА антоновцы мелкими группами засели в лесах, чтобы оправиться от поражения, отдохнуть и перегруппироваться.

9 июня 1921 года в Тамбове состоялось расширенное заседание Полномочной комиссии ВЦИК под председательством В.А. Антонова-Овсеенко, которая была высшим военно-административным органом государственной власти на территории, охваченной восстанием, и на которую были возложены задачи его скорейшей ликвидации. Заседание было посвящено обсуждению уже достигнутых в борьбе с антоновцами промежуточных результатов и выработке дальнейших мер.

В частности, И.П. Уборевич доложил о действиях вверенной ему сводной группы.

«Доклад т. Уборевича о разгроме Антонова. Антонову в течение 9 дней дано 6 боев на 7 машинах, 47 солдатами автобронеполка под командой т. Уборевича. Убито до 800 бандитов. Банда потеряла все пулеметы, много винтовок, рассеяна совершенно. Сам Антонов ранен в голову и с маленькой кучкой свиты покинул жалкие остатки своей «армии» в 100 человек. Автомобили – лучшее оружие борьбы с бандитизмом. Конница не может ускользнуть от машин и, кроме того, автомобили производят деморализующее впечатление на противника. Указанный отряд в 47 человек обращал в паническое бегство 2000 отборнейших бандитов. П о с т а н о в и л и: 1. Зафиксировать успешное действие автомобилей. Поручить т. Уборевичу поехать в Москву и срочно

сформировать необходимое количество автоотрядов для окончательной ликвидации эсэро-бандитизма. 2. Использовать разгром Антонова для агитации. 3. Издать приказы от Полномочной комиссии: а) о разгроме банд Антонова, б) благодарность отряду т. Уборевича и специально т. Уборевичу за проявленный исключительный героизм» [7].

Однако большая часть заседания была посвящена мероприятиям, которым Полномочная комиссия ВЦИК придавала значение, ничуть не меньшее, чем непосредственному разгрому повстанческих армий и полков. На нем обсуждался ход выполнения приказа № 130 [8] и других руководящих документов, изданных в его развитие, в соответствии с которыми в охваченных восстанием волостях силами красноармейских частей, милиции и чекистов проводились так называемые «чистки» - мероприятия, направленные на выявление и нейтрализацию активных повстанцев и им сочувствующих, с одновременным изъятием имевшегося на руках у населения оружия. Параллельно шло восстановление низовых органов государственной власти в виде сельских ревкомов, ранее практически уничтоженных антоновцами в подконтрольных районах, сопровождавшееся ликвидацией повстанческих комитетов Союза трудового крестьянства. Без этого не могло идти речи о закреплении результатов борьбы с повстанцами, а все военные операции против них, по образному выражению Н.Е. Какурина, напоминали борьбу льва с тучей комаров; удар лапы льва либо рассеивал тучу без особого вреда для нее, либо приходился впустую, а туча собиралась в другом месте [9]. Без уничтожения среды, дружественной повстанцам и благоприятной для формирования новых партизанских отрядов, без создания устойчивой и работоспособной государственной власти на местах, без перелома настроения большинства населения в ее пользу окончательная ликвидация восстания была невозможной.

Здесь достигнутые результаты были гораздо скромнее. «Сопротивление среды» особенно ощущалось на втором боеучастке [10].

«От 2-го участка т. Смоленский. Приказ №130 начали проводить с 2/У1. Сил мало на весь район. Операции можно было начать только в районах Пахотного Угла и Верхоценья. И частям приходится постоянно передвигаться. Работа по проведению приказа очень трудна. На местах отказываются сообщать фамилию, распыляют имущество, и сами члены бандитских семей заблаговременно разбегаются <...> Все время наблюдается большая активность банд. Настроение крестьян внешнее в пользу Соввласти, внутреннее – враждебно. В Пановых Кустах, Каменке и, наверно, многих других местах, наряду с Советами, работают комитеты СТК. Больших группировок бандитов на участке не имеется, группы в 500-600 человек прячутся по лесам. По всем селам имеются мелкие группы «вохры» в 20-30 человек. Ревкомы организованы в местах – 7. Требуется пополнения. Работа, несомненно, будет очень длительной и напряженной. Добровольно явились 77 человек (неполные сведения), сдано добровольно 14 винтовок. При обысках оружие обнаружить не удалось. Оружие, несомненно, есть: при пожарах идут взрывы».

Именно на этом заседании и прозвучала идея «выкурить» из лесов засевших в них повстанцев газом. Комиссия, в частности, постановила: «4. Для выкуривания бандитов из лесов прибегнуть к газам, в каждом случае оповещая об этом мирное население...» [11]

Газы были лишь одним из средств решения одной из частных, чисто военных задач. В силу этого они даже не попали в протоколы выступлений докладчиков как деталь, малозначимая на фоне остальных обсуждавшихся вопросов. Поэтому установить авторство идеи уже не представляется возможным.

Заседание было расширенным – в нем, помимо постоянных членов комиссии, принимали участие представители боеучастков. «Присутствовали: тт. Антонов-Овсеенко, Тухачевский, Васильев, Лавров, Уборевич, с совещательным голосом: тт. Смирнов, Смоленский, Щеколдин, Левин, Симонов, Лотиков, Чибисов» [12]. Краткие протоколы выступлений докладчиков [13] – Тухачевского, Щеколдина (от 1-го боеучастка), Смоленского (от 2-го участка), Шнеерсона (от 4-го участка) и Уборевича не содержат никаких упоминаний о возможности использования газов. Лишь в выступлении Смоленского встречается упоминание о том, что «больших группировок бандитов на участке не имеется, группы в 500-600 человек прячутся по лесам», то есть содержится описание той ситуации, для разрешения которой комиссия и постановила использовать химическое оружие («для выкуривания бандитов из лесов прибегнуть к газам»). Однако

это еще делает Смоленского автором идеи борьбы с прячущимися по лесам повстанцами именно посредством газов – ее мог высказать с места любой участник заседания.

Таким образом, установить, кто высказал идею первым, невозможно, а решение на применение химического оружия в окончательном виде явилось коллегиальным.

Из заключения 33 ЦНИИИ: *«После изучения представленных архивных документов можно сделать вывод, что решающей роли Тухачевского в принятии решения о подготовке и применении химического оружия против бандформирований не выявлено»* [14].

Практически всегда авторство идеи приписывается лично М.Н. Тухачевскому, назначенному 27 апреля командующим войсками Тамбовской губернии. Однако из протокола расширенного заседания Полномочной комиссии ВЦИК от 9 июня это отнюдь не следует. К тому же, по всему своему предыдущему опыту именно М.Н. Тухачевский к газам имел отношение меньше всего. В Первую Мировую войну он с ними не сталкивался. Первый газоснарядный обстрел на русском фронте зафиксирован возле Болимова под Варшавой в январе 1915 года [15], однако Лейб-гвардии Семеновский полк, где служил М.Н. Тухачевский, в составе 1-й гвардейской пехотной дивизии Гвардейского корпуса XII армии находился в это время в другом районе Польши – под Ломжей. Волновые атаки начались в Болимовском секторе у Воли Шидловской с конца мая 1915 года [16], когда М.Н. Тухачевский уже находился в германском плену, куда он попал в феврале. Так что о газах он мог только слышать или читать. Правда, в 1919 году на арскладах вверенной М.Н.Тухачевскому 5-й армии Восточного фронта, как и во многих других красных армиях в годы гражданской войны, находилось незначительное количество химических снарядов [17] (химических в ее составе не было). Однако конкретно-практическими вопросами применения военной химии в то время занимались либо специальные части (редкие даже в старой русской армии, не говоря уже о РККА – так, в 1921 году на всю Красную Армию их было только три – Высшая военно-химическая школа (ВВХШ) в Москве, Отдельный химотряд в Харькове и 1-я Отдельная химроты, дислоцированная в Костроме [18]), либо артиллеристы, но никак не пехотные командиры.

Задача с помощью газов заставить противника покинуть занимаемый район или нанести ему ущерб в хорошо укрепленном убежище, труднодоступном, скажем, для артиллерии, успешно выполнялась на фронтах Первой мировой войны, где и вырабатывались, в значительной степени опытным путем, принципы боевого применения химического оружия [19]. Поэтому идея выглядела логично - туда, где повстанцев трудно достать другим способом, пустить газ. Стоит отметить, что идея выкуривания противника из леса отнюдь не являлась сугубо отечественным изобретением. Такая возможность рассматривалась и за рубежом. Так, английский Межведомственный комитет по химическому вооружению в свете полученного в 1919 году в Северной России опыта отмечал: *«...весьма возможно, что хороший слезоточивый газ окажется чрезвычайно эффективным в борьбе с войсками, не имеющими средств защиты от его воздействия. Например, слезоточивый газ может быть использован, дабы выкурить неприятеля из лесов или скал на открытое место, где он будет встречен пулеметами...»* [20]

11 июня 1921 года было опубликовано и широко распространено обращение к повстанцам с призывом сдаваться, в котором были отражены все решения Полномочной комиссии ВЦИК [21]. 12 июня типографским тиражом печатается приказ № 0116 командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев [22].

Поскольку выполнение этого решения нужно было обеспечить, уже на следующий день, 13 июня, инспектор артиллерии войск Тамбовской губернии С.М. Касинов, которому было поручено заняться этим вопросом, направил инспектору артиллерии Республики Ю.М. Шейдеману запрос на присылку боеприпасов: *«Прошу срочном отпуске распоряжение Начартснаба Тамбовской 2000 трехдюймовых химических снарядов необходимых операций против бандитов. Командвойск ходатайством Главкому вышел НР990. Инспарт Касинов Военком Комендантов»* [23]. Командование действительно выходило на Главкома с соответствующим ходатайством. Из телеграммы Главкому

С.С. Каменеву от 14 июня 1921 года: *«Прошу распоряжения срочной высылке распоряжение Инспарта Тамбовского командования пять химических команд соответствующим количеством баллонов газами для обслуживания боевых участков. №659/сек. Командвойск Тамгуб Тухачевский, Начштаба Какурин. На подлинной резолюции: «Начальнику штаба. Дать мне в доклад в воскресенье в Комиссию по бандитизму. 16.06. С.К.» «Опер. Доложено 19.06. Б.Ш.» «Опер. Нужно взять протокол последней комиссии по бандитизму и написать Тамб. Командованию и Инспарту точно придерживаясь протокола. 19.06. С.К.» «Арт. Срочно. Инспарт. Главком приказал срочно выслать просимое. 21.06. Б.Ш.» [24]* С.М. Касинов затребовал из Москвы соответствующих специалистов. Из телеграммы инспектору артиллерии республики Ю.М. Шейдеману: *«Прошу срочно командировать мое распоряжение двух опытных газотехников ввиду того, что командвойск затребовал пять химкоманд для применения против бандитов газов. Инспарт Тамбовской Касинов, Военком Комендантов» [25].* Для ускорения получения боеприпасов командование продублировало свое ходатайство Главкому – просили срочно прислать химснаряды: *«Прошу распоряжения срочной высылке двух тысяч трехдюймовых химических снарядов распоряжение Начартснаба войск Тамбовской. НР 986. Командвойск Тамбовской Тухачевский, Начштаба Какурин» [26].*

Требование прислать газовые баллоны и снаряды из центра объяснялось тем, что своего химического оружия у Тамбовской группы войск изначально не было.

Уже 15 июня С.М. Касинов докладывал М.Н. Тухачевскому о мерах, принятых во исполнение приказа № 0116: *«...4. По вопросу о выкуривании с помощью газов бандитов из лесов сделано следующее: посланы от Вашего имени телеграммы Главкому с просьбой о высылке 2000 хим. снарядов и 5 химкоманд с соответствующим количеством баллонов с газами. Со своей стороны я просил Инспартреспна о командировании в мое распоряжение двух опытных газотехников. В настоящее время мною составляется инструкция для применения соответственно Тамбовской обстановки газов, которая своевременно будет разослана начартбоеучастков. 5. Для ускорения получения необходимых пособий, присылки химснарядов и химкоманд и выяснения вопроса о штатах артчастей которые существуют в Тамбовском командовании самые разнообразные прошу Вашего разрешения 16го июня съездить на несколько дней с докладом к инспартреспну в Москву. Для ускорения получения пособий прошу подписать прилагаемое сношение Начгувузу» [27].*

19 июня в Москве состоялось заседание Комиссии по борьбе с бандитизмом при РВСР под председательством Э.М. Склянского. Комиссия обсудила множество вопросов – о возможности переселения из Тамбовской губернии в другие районы, о высылке пойманных в Тамбовской губернии дезертиров на Западный фронт для пополнения войсковых частей, заслушала доклады Главкома С.С. Каменева о ходе борьбы с бандитизмом, о проверке выполнения наряда на милицию для Тамбовской губернии, о состоянии продовольственного аппарата войск Тамбовской губернии, об установлении полномочного представителя НКПС, о фильтрации железнодорожников Тамбовского района, об улучшении продовольственного снабжения железнодорожных рабочих и рабочих ударных предприятий Тамбовской губернии, о смене Тамбовского губвоенкома, о смешанной и военной эксплуатации части проходящих через губернию железных дорог, о газовых атаках и об изучении материалов проведенных кампаний по борьбе с бандитизмом.

Судя по всему, проводимые на Тамбовщине меры комиссия при РВСР принципиальным образом одобрила, поскольку постановила действовать активнее в том же духе.

«3. Слушали: Текущий доклад Главкома о ходе борьбы с бандитизмом. Постановили: Комиссия по борьбе с бандитизмом констатирует, что в целом ряде районов Тамбовской губ. где вооруженная сила «антоновщины» разбита на поле сражения и местное кулачество убедилось в превосходстве наших сил, происходит восстановление Советской власти, при котором, однако, существовавшие контрреволюционные организации в виде Союза трудового крестьянства и т.д. продолжают существовать и донныне, что создает опасность возникновения нового бандитского движения при первом удобном к тому случае. Одновременно комиссия констатирует, что при явке бандитов, а равно при

восстановлении Советской власти в районах Тамбовской губ[ернии] количество попадающего в наши руки оружия совершенно ничтожно. В связи с этим комиссия по борьбе с бандитизмом постановляет: а) обратить внимание Полномочной комиссии ВЦИК, тамбовского командования и ВЧК на необходимость при борьбе с Антоновым с корнем вырывать всю антоновскую организацию, дабы устранить всякую возможность возникновения нового движения при уменьшении количества наших войск в Тамбовской губ.; б) принять самые энергичные меры к сдаче населением оружия в освобождаемых от антоновщины районах; в) обратить особое внимание на обнаруживание складов с оружием; г) в сводках командования ежедневно доносить, какое количество оружия сдано населением и вообще взято у бандитов».

Вопрос о газах обсуждался на заседании предпоследним. Это обстоятельство также говорит о том, насколько важным он считался участниками совещания.

С докладом по этому вопросу выступали Главком и председатель Полномочной комиссии ВЦИК:

«...11. Слушали: О применении газовых атак против бандитов, укрывающихся в лесах Тамбовской губ. (Каменев, Антонов-Овсеенко).

Постановили: Предложить Тамбовскому командованию к газовым атакам прибегать с величайшей осторожностью, с достаточной технической подготовкой и только в случаях полной обеспеченности успеха...» [28]

Штаб РККА довел до тамбовского командования решение комиссии по вопросу о газах:

«Телеграмма из Штаба РККА Командойск Тухачевскому 20 июня 1921 г. Москва. Командойск Тамгуб тов. Тухачевскому на № 659/сек. Главком приказал срочно выслать в распоряжение Тамгубкомандования пять химических команд с соответствующим количеством баллонов с газами для обслуживания боевых участков. Вместе с тем, Главком приказал сообщить копию параграфа 11 протокола № 18 Заседания комиссии по борьбе с бандитизмом от 19 июня с/г: «Предложить Тамгубкомандованию к газовым атакам прибегать с величайшей осторожностью и только в случаях полной обеспеченности успеха» № 8137/219/ш 1 пом. Начштаресп Шапошников» [29]. Аналогичную телеграмму прислал М.Н. Тухачевскому Ю.М. Шейдеман [30].

Указанные оговорки насчет осторожности, достаточной технической подготовки, в том числе личного состава, были тем более уместны, что химическое оружие, в первую очередь газовые баллоны, опасно для своих войск. Это стало очевидным еще в Первую мировую войну. Ведь при изменении направления движения ветра в нижних слоях атмосферы (после начала газопуска газовой волной практически невозможно управлять), нарушения целостности баллонов (в результате артобстрелов со стороны противника или иных причин), газовых батарей или арматуры, или же при неправильном проведении газопуска недостаточно подготовленным личным составом газ шел на свои войска, а первыми газоотравленными оказывались сами химики [31].

Любое оружие предназначено для того, чтобы уничтожать или выводить из строя живую силу и боевую технику противника. Поэтому командование, беспокоясь о том, чтобы химическое оружие было применено максимально эффективно, не причинив при этом вреда своим, рассуждало правильно. Однако на практике все оказалось гораздо сложнее.

«Необходимо заботиться, чтобы не пострадали люди и скот...»

Все обнаруженные документы и материалы, касающиеся применения химического оружия на Тамбовщине летом 1921 года, были представлены на экспертизу в Научный центр ФБУ «ЗЗ ЦНИИ МО РФ». Интересовал вопрос – какова могла быть результативность применения химического оружия при имевшихся заданных условиях и известных фактах.

Выданное экспертами центра заключение оказалось следующим: *«При подготовке к применению химического оружия командованием Тамбовской группировки были нарушены основные требования, предъявляемые к принципам его применения (внезапность, сохранение в тайне применения, массированность, обученность л.с., участвующего в мероприятиях... принципы применения химического оружия – это внезапность нападения и массирование химических ударов. Под внезапностью нападения понимается совокупность таких мер и действий, осуществление которых обеспечивает*

неожиданное для противника применение химического оружия и способствует достижению его эффективности. Главными условиями достижения внезапности считаются: сохранение в тайне замысла командования на применение химического оружия; скрытность подготовки к его применению, осуществление мер оперативной маскировки, дезинформация противника; сокращение сроков подготовки к применению химического оружия, скрытие от противника средств применения, выбор времени нанесения химических ударов в такой момент, когда противник не ожидает и полностью не подготовлен к защите. Под массированием химических ударов понимается сосредоточение большей части сил и средств нанесения химических ударов на главных направлениях, по наиболее важным районам, объектам и в решающий момент боя в целях достижения результатов, оказывающих существенное влияние на ход боевых действий» [32].

Иными словами, бойцов и командиров Тамбовской группировки, непосредственно отвечавших за организацию и проведение газовых атак, следовало бы обвинять не в «геноциде», а в профнепригодности. Поскольку во всем, что касалось применения химического оружия, они действовали с точностью до строго наоборот относительно того, как следовало. Отсюда закономерный вывод – результативность химического нападения должна была равняться нулю.

Следует отметить, что все вышеперечисленные принципы были известны еще со времен Первой Мировой войны, поскольку выработаны были на основе реального опыта его боевого применения.

Фактор внезапности играл решающую роль для успешности любой газовой атаки в силу относительной несложности защиты. Ведь одеть маску или противогаз – а первые средства индивидуальной защиты появились уже вскоре после первых газовых атак – было делом несложным и больших затрат времени не требующим. Поэтому противника нужно было застать врасплох, иначе эффективность газовой атаки против войск противника, успевших надеть маски или противогазы, сразу же стремительно снижалась. Если, конечно, его не собирались обстреливать часами на изнурение или в расчете на проскок. Благодаря же соблюдению условия внезапности значение средств защиты, как индивидуальной, так и коллективной, могло быть почти аннулировано, так как противник не успевал ими воспользоваться.

Тамбовское командование, по крайней мере, та его часть, которая должна была непосредственно отвечать за подготовку и проведение газовых атак, с химическим оружием была знакома неплохо – во всяком случае, достаточно для того, чтобы составлять довольно грамотные инструкции по его применению. Так что таких элементарных вещей не знать они не могли.

Однако газы и повстанцы, против которых они предназначались, были далеко не единственной заботой тамбовского командования. Одновременно оно беспокоилось о том, чтобы избежать случайных потерь среди мирного населения.

О необходимости перед проведением газовых атак в каждом случае заранее оповещать о них мирное население говорилось уже в ходе заседания Полномочной комиссии ВЦИК от 9 июня. Уже 11 июня 1921 года Полномочная комиссия ВЦИК специально объявила антоновцам о том, что против них, наравне с другими мерами воздействия, призванными заставить их прекратить сопротивление, будет применяться химическое оружие.

Из приказа-обращения Полномочной комиссии ВЦИК к повстанцам от 11 июня 1921 года:

«...Участники белобандитских шаек, партизаны, бандиты, сдавайтесь. Или будете беспощадно истреблены. Ваши имена известны, ваши семьи и все их имущество объявлены заложниками за вас. Скроетесь в деревне – вас выдадут соседи. Если у кого ваша семья найдет приют, тот будет расстрелян, и семья того будет арестована. Всякий, что окажет вам помощь, рискует жизнью. Если укроетесь в лесу – выкурим. Полномочная комиссия решила удушливыми газами выкуривать банды из лесов. Сдавайтесь! Руки назад вашим организаторам, командирам, ведите их в красный штаб, сдавайте оружие. Советская власть будет милостива к тем, кто раскается и проявит свое раскаяние. Советская власть будет беспощадна к нераскаянным злодеям. Сдавайтесь!

Полномочная комиссия ВЦИК: Председатель Антонов-Овсеенко Командарм Тухачевский Предгубисполкома Лавров Секретарь Б. Васильев» [33]

Здесь, однако, следует отметить, что это не директива, а агитационный материал, призванный произвести психологическое воздействие на повстанцев, которым предлагалось осознать, что выхода у них только два – либо сдаваться добровольно, либо пенять на себя. Это не боевой приказ, а декларация о намерениях. Именно поэтому о возможных в будущем газовых атаках объявляли заранее и публично. В данном случае Полномочная комиссия ВЦИК рассчитывала сработать на устрашение. Газы были лишь одним из его средств наравне с остальными, перечисленными в воззвании.

Однако уже 17 июня начальникам боеучастков был разослан циркуляр М.Н. Тухачевского и Н.Е. Какурина, в котором говорилось: *«Командвойск приказал: при всех операциях с применением удушливого газа надлежит принять исчерпывающие мероприятия к спасению находящегося в сфере действия газов скота. Исполнение донести. Нр. 957/оп Начштаба войск Генштаба Какурин. Начоперупр Лопатин. Надпись на документе: Команвойск Тамгуб на № 957/оп Соответствующие указания будут даны в инструкции, которая будет разослана в боев. участки, после утверждения командвойск (на доклад к среде 22 июня). Касинов» [34].*

Такая инструкция была действительно составлена и разослана. В ней, в частности, указывалось: *«...Меры предосторожности. При применении газовых волн необходимо заботиться чтобы не пострадали люди и скот. Для чего начальнику, производящему атаку, через местные органы власти оповестить заблаговременно население с указанием опасных в газовом отношении районов. Скот не должен быть ближе 5 верст от места выпуска газов с подветренной стороны...» [35]*

Это уже не пропаганда, а руководство к действию.

Тамбовское командование таким образом стремилось если не полностью избежать, то, во всяком случае, свести к минимуму случайные потери среди «небандитского», т.е. мирного населения и не причинить ущерба его имуществу, т.е. скоту. Власть в лице ее военных представителей и в этом случае четко дифференцировала (или, по крайней мере, стремилась дифференцировать), где, по тогдашней терминологии, «эсеробандит», а где «честный крестьянин», т.е. крестьянин, лояльный советской власти или уже сложивший оружие и амнистированный бывший «бандит», к которому советская власть претензий уже не имела. Советская власть, ликвидируя антисоветское восстание методами «кнута и пряника», уничтожать своих ни в коем случае не собиралась. Ей это было ни в коем случае не нужно хотя бы потому, что такие явно бессмысленные потери вряд ли способствовали бы росту симпатий населения к власти, скорее, наоборот. Зато они дали бы множество новых поводов для антоновской пропаганды. А ведь именно перелом настроений крестьянства в пользу советской власти был одной из задач, которую необходимо было в обязательном порядке выполнить для окончательного «искоренения бандитизма», что прекрасно понимали все члены Полномочной комиссии ВЦИК.

Однако с чисто военной точки зрения при такой организации предварительной подготовки к газовой атаке она рисковала заведомо утратить всякий смысл. Стоило лишь заблаговременно оповестить местное население с указанием газоопасных районов, как эта информация сразу же стала бы известной антоновцам.

«...Связь поддерживается настойчиво. Главным образом – ходаками. При сочувствии крестьянского населения, при активной поддержке с его стороны, это является делом естественным и нетрудным. Раскрыть такую связь практически невозможно. Разведка ведется агентурная и войсковая. В разведке участвует все сочувствующее крестьянство, а также городские контрреволюционные элементы, с которыми повстанчество поддерживает непрерывную связь. Путем этой разведки бандитизм получает необходимые сведения о расположении и передвижениях красноармейских частей, а также о возможности самоснабжения оружием и огнеприпасами...» [36]

В этом случае о внезапности, сохранении в тайне замысла на применение химического оружия, скрытности подготовки и т.д., речи идти уже не могло. Газоопасные районы были бы сразу покинуты и атака прошла бы впустую. А если учесть, что как оповещение и эвакуация, так и подготовка самой атаки требовали затрат времени, то тем более повстанцы

имели бы возможность заранее уйти из зоны поражения, так что уничтожить стало бы уже просто некого. И единственное, к чему бы все это привело – к напрасному расходу боеприпасов.

Таким образом, помимо выполнения боевой задачи и без того повышенной сложности, организаторам химического нападения предстояло разрешить еще две проблемы, каждая из которых в тех конкретных условиях в значительной степени исключала другую – обеспечить защиту гражданского населения и избежать утечки информации. Все это ставило выполнение приказа № 0116 на грань срыва.

Ядовитые удушливые газы

Напомним формулировки приказа № 0116 от 12 июня 1921 года:

«Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.

2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.

3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.

4. О принятых мерах донести.

*Командующий войсками Тухачевский
Наштавойск генштаба Какурин» [37].*

Из формулировок приказа следует, что командование войсками Тамбовской губернии планировало проводить против засевших в лесах повстанцев, в том числе газобаллонные или, иначе, волновые атаки – самый ранний изобретенный на фронте Первой мировой войны способ химического нападения. На это указывает упоминание о «потребном количестве баллонов с ядовитыми газами» и о «нужных специалистах», поскольку они как раз и требовались для проведения волновых атак.

Что это такое, хорошо видно из инструкции Касинова:

«I. Газобаллонная атака

Атака противника посредством непосредственного выпуска газов на противника производится газами 1-й категории, т.е. удушающими.

Метеорологические условия.

Необходимым условием для производства атаки является ветер, дующий с определенной скоростью от нас в расположение противника. Незначительные отклонения вправо и влево, если они не превышают 20°, не играют существенной роли. Наиболее благоприятной является скорость ветра 3-4 метра в одну секунду. Правда газовая волна будет двигаться на противника и при скорости ветра 1 метр в секунду и, казалось бы, что эта скорость наиболее благоприятная, так как она сообщает большую устойчивость облаку. Но неудобство в том, что этот слабый ветер обычно бывает неустойчивым и мы рискуем, что газы пойдут обратно на наши части с изменением ветра. Более сильный ветер, чем 3-4 метра в секунду, тоже не благоприятствует выпуску газов, так как газовое облако быстро рассеивается. Сильный дождь и густо падающий снег не благоприятствуют выпуску газов. Роса, иней, туман, мелко морозящий дождь не оказывают существенного влияния на газовое облако. Поэтому, прежде чем произвести газовую атаку, метеорологи тщательно изучают силу и направление господствующих ветров, и выждав благоприятные условия, производят выпуск газов.

Топографические условия.

Густые леса не благоприятствуют производству атаки, так как газовая волна частью обтекает их, частью проносится над поверхностью леса, а если и протекает в

глубину леса, то концентрация газа падает в резкой степени. Лес редкий, места, поросшие кустарником, засеянные хлеба же благоприятны для газо-атаки; газ в них задерживается долго, даже после прохода волны. Впадины, лощины, долины, седловины, занятые противником, при условии расположения наших частей на командующих высотах, благоприятствуют выпуску газа.

Большие водоемы, озера и т.п. в теплое, летнее время образуют около себя собственные воздушные течения, зависящие от разностей в быстроте охлаждения земной и водной поверхности. Ночью воздух со всех сторон стекается к обширным водоемам. Ветер этот сравнительно слаб, но очень устойчив, а поэтому благоприятен для выпуска газа.

Расчет количества газа.

Одним из важных условий удачной атаки является точный расчет количества газа, потребного для выпуска. Наиболее простым является расчет, основанный на том, что для достаточной насыщенности воздуха ядовитыми веществами требуется выпустить 50 пудов газа на версту фронта в течении 1 минуты (30 баллонов) ...

Производство атаки.

Баллоны с газом при выпуске соединяются вместе посредством особых свинцовых трубок (коллекторов) по 3-6 штук, а к коллектору присоединяется общая труба – шапка. По открытии баллонов газ с шумом и свистом начинает выходить из баллонов, где находится сжатым до жидкого состояния.

В целях наблюдения за ходом газовой волны, а также для усиления морального эффекта, к волне примешивают дым от дымовых шашек. Район действия удушливых газов, при настоящих условиях не может превышать 4-5 верст, хотя в мировую войну, когда немцы выпускали 5-6 волн одну за другой с небольшими промежутками, то сфера действия их простиралась до 20 верст в глубину».

Следует подчеркнуть, что указанная инструкция не столько раскрывает и конкретизирует замыслы тамбовского командования на планируемые газовые атаки, сколько является кратким введением в военно-химическое дело для повышения образовательного уровня бойцов и командиров РККА. На это указывают, в частности, неактуальные в конкретных условиях Тамбовской губернии пункты, касающиеся газообороны, например: «По прохождении газовой волны прежде всего надо позаботиться об очистке окопов и помещений от газа. Лучшее и проще всего это достигается при помощи дыма от костров или дымовых шашек. Если очищается воздух кострами, то нужно на дне окопа или помещения развести костер, но такой, который давал бы наибольшее количество дыма. Т.е. разведя костер навалить на него сырой травы, мху или сырых веток, вместе с дымом будут уходить газы. Если имеются дымовые шашки, то зажегши их обходить с ними окопы и помещения. Шашку следует держать сзади от себя и идти с ней тоже задом, тогда несущий шашку будет входить уже в очищенное от газов место. Очищают воздух еще при помощи разбрасывания в воздухе различных жидкостей, уничтожающих вредное действие газов. Приборы эти называются гидропульты. Но если в части будут получены гидропульты, то при них будут инструкторы, которые объяснят как с ними обращаться» [38]. Кроме того, инструкция рассылалась начальникам боеучастков, для которых информация, к примеру, о технике проведения газобаллонных атак никакого практического интереса не представляла, поскольку проводить их должны были специальные химические части.

У Касинова описано проведение так называемых «тяжелых» волновых атак [39]. На это указывают и вес баллонов, и упоминание о коллекторных батареях, и ожидаемая площадь поражения, и расчеты количества газа.

Однако применительно к тамбовской ситуации идея газобаллонных атак осложнялась как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, их предполагалось проводить против такого высокоомобильного противника, как партизанские отряды. И во-вторых, газ должен был проходить через лес, то есть в условиях, заведомо неблагоприятных. Эти моменты делали предстоящие волновые атаки задачей повышенной сложности.

Уместно вспомнить, что на фронтах Первой Мировой войны газовые атаки путем простого выпуска газов в качестве единственного вида химического нападения долго не

продержались, поскольку, помимо очевидных плюсов, имели и крупные недостатки. Это, прежде всего, необходимость сложной, требующей больших затрат труда и времени, подготовки, затем полная зависимость от метеорологических условий – скорости, направления и устойчивости ветра, осадков, инея, тумана или росы [40], от температуры воздуха, от времени суток, а также от конфигурации почвы - наличия лесов, водоемов, болот, оврагов и т.д. [41] И, наконец, этот способ мог применяться только в отношении тех токсичных веществ, которые являлись газами в физическом смысле при обыкновенной температуре и давлении и в то же время обладали достаточной плотностью для образования компактной газовой волны, а таковыми были в то время только хлор и хлоро-фосгенная смесь [42]. В силу указанных причин уже в ходе Первой мировой войны газобаллонные выпуски стали вытесняться [43] другими, более совершенными и удобными видами химического нападения – минометной и газометной стрельбой, а также газоснарядной стрельбой из орудий всех калибров. Они гораздо менее зависимы от внешних факторов, никак не зависящих от воли командования. Кроме того, для газоснарядной стрельбы не требовалось ни специальной материальной части, ни особых специалистов. Хотя она и отличалась от таковой осколочными или фугасными снарядами, но теоретически эту разницу обязан был знать любой мало-мальски грамотный артиллерист и, как следствие, должен был уметь с химическими снарядами обращаться.

В силу всего вышесказанного газобаллонные атаки как вид химического нападения, предназначенный для поражения значительных районов по фронту и в глубину (в частности, при прорыве укрепленной полосы противника или с ограниченной целью нанесения ему ущерба в конкретном районе), будучи исключительно громоздкими, капризными и трудноисполнимыми, в определенных военных кругах вообще считались возможными только в условиях позиционной войны, в специфических условиях которой они и появились, когда противник основательно укрепился в определенном районе и не собирался покидать его в течение ближайших недель (а, возможно, и месяцев – так, первая газобаллонная атака немцев под Ипром готовилась в течение нескольких месяцев), а у нападающих имелась возможность не только обеспечить всю организационно-техническую сторону атаки, но и дожидаться благоприятной погоды.

Такого мнения, в частности, придерживались весной 1919 года Главком и Полевой штаб РВСР [44], а также Артиллерийский комитет ГАУ: «...для активного применения газобаллонных атак требуется соблюдение одновременно стольких самых разнообразных условий, стечение которых вряд ли возможно при подвижном характере войны. Достаточно упомянуть, что далеко не всякий участок позиции пригоден по местным условиям для выпуска газа; если же и пригоден, то в нужный момент могут быть совершенно не подходящие атмосферные условия, как, например, сила и направление ветра. Кроме того, для выбора газо-пригодного участка требуется выполнить, хотя бы самую поверхностную химическую разведку позиции, для чего также необходимо время; если же принять ещё во внимание, что для возможности размещения баллонов с газом в окопах выбранного участка требуется выполнить некоторые (хотя бы и не в полной мере) работы, подвезти баллоны, арматуру, материалы и инструмент, то, достаточно ясно, что при подвижном характере настоящей войны применение газобаллонных атак весьма затруднительно, если невозможно. Руководствуясь теми же соображениями, Всеросглавштаб не нашёл нужным формировать в настоящее время химические войсковые части для активного применения химических средств...» [45]

«Этот способ химического нападения противника, в виду его громоздкости и зависимости от метеорологических условий, рассчитан на применение исключительно в условиях позиционной войны» [46].

В 1923 году Главное артиллерийское управление РККА, прогнозируя возможности применения химического оружия в будущих войнах, полагало:

«Специальные химические войска будут применять О.В. в виде облачных атак и обстрела из окопных мортир и химических минометов. Применение того или иного способа будет зависеть от благоприятных атмосферных условий и тактической задачи.

Атака облаком может быть произведена из газовых баллонов, снаряженных хлором и фосгеном, или при помощи ядовитых свечей большой мощности, снаряженных дифенилхлорарсином или аналогичными веществами.

Газобаллонная атака, как требующая времени на подготовку и находящаяся в большой зависимости от метеорологических условий, будет применяться главным образом, как указано выше, в позиционной войне. Принимая же во внимание чрезвычайно сильное действие хлора и фосгена на организм незащищенного человека и громадное преимущество газобаллонной атаки, перед другими способами нападения, в смысле покрытия больших пространств облаком удушливого газа – этот вид химического нападения, надо полагать, будет применяться и в будущих войнах, и главным образом, при комбинации выпуска газа из баллонов с одновременным обстрелом первых линий из химических минометов снарядами, снаряженными ОВ; в этом случае возможно заставить противника снять противогаз и тем самым он попадет в волну газового облака линий незащищенным и понесет огромные потери.

Применение ядовитых свечей, как не требующее большой подготовки к атаке, будет значительно чаще, но так же в зависимости от благоприятных метеорологических условий. Атака облаком ядовитого дыма может широко применяться как в позиционном, так и в маневренном бою.

При газобаллонной атаке и атаке облаком ядовитого дыма всегда возможно применение волн безвредного дыма, в облаках коего могут двигаться атакующие части» [47].

Таким образом, один из существовавших в те годы среди военных специалистов взглядов на волновые атаки заключался в том, что возможны они только в позиционной войне и непригодны для условий войны «полевой», т.е. маневренной. Тем более сомнительной могла быть их успешность против такого мобильного и трудноуловимого противника, как партизанские отряды.

Такая точка зрения в РККА была, однако, не единственной.

Несмотря на недостатки, газобаллонные атаки имели целый ряд преимуществ, в силу которых от них не хотели полностью отказываться – бесшумность и, как следствие, более высокая вероятность застать противника врасплох, возможность создания газового облака высокой концентрации и значительная площадь поражения. В Первую Мировую войну во время тяжелых газобаллонных атак, состоявших из нескольких газопусков, газовые волны проходили на десятки километров в глубину при ширине фронта в несколько километров. Такая площадь поражения при других способах химического нападения была недостижима.

Поэтому в те же 1920-е годы военные, как отечественные, так и зарубежные, разрабатывали возможность использования газовых баллонов в условиях маневренной войны. В частности, уже в 1924 году Владимир Никитич Баташев [48], преподававший военно-химическое дело в Военной академии РККА, объяснял слушателям: «В маневренном бою, особенно встречном, когда войска находятся в движении, нельзя иметь большое количество баллонов с газом под рукой и нельзя рассчитывать на большое время для подготовки к газовой атаке. Поэтому, в данных условиях газовые атаки могут производиться на узких фронтах и из баллонов легкого типа (1. В этом отношении американцы, учитывая выгоду газобаллонного способа в смысле поражения больших пространств, уменьшили вес баллона до 20 фун., что позволяет переносить его на спине). Задачи, выполняемые газобаллонной атакой – поражение ложбин и долин, идущих вглубь расположения противника, имеющих или много разветвлений, или переход в укрытую котловину, конечно, при условии, если там предполагается противник – его резервы, штабы и тыловые учреждения. При системе легких баллонов и простоте установки, не требующей заблаговременного размещения баллонов в окопах (в соответствующих нишах), вынос и установка баллонов будут непродолжительными. Применение газобаллонного выпуска в этих случаях может дать большие преимущества по сравнению с другими способами поражения. Принимая во внимание условия маневренного боя, когда нет газозубежищ, газовая же дисциплина не может быть такой совершенной, как в позиционной войне, когда связь не такая широкая, утомленность же войск переходами и боями значительная, можно неожиданной атакой в указанных выше районах нанести весьма большие потери живой силе противника, потрясти его дух

морально и тем самым в значительной степени понизить его боеспособность. Кроме того, учитывая естественную тревогу на соседних участках противника, можно рассчитывать, если атака производится ночью, что наши части и в этих местах к утру будут иметь противника, морально подавленного и утомленного бессонной ночью ... Резюмируя все сказанное о газобаллонной атаке и об атаке облаком ядовитого дыма в маневренном бою, можно рассчитывать при благоприятных метеорологических условиях на большое применение их на нешироких фронтах, с благоприятным рельефом местности для поражения и в глубину пехоты при ее современных глубоких боевых порядках» [49].

Таким образом, допускалась возможность сивелировать по крайней мере часть объективных свойств газобаллонной атаки, а именно ее громоздкость, необходимость длительного времени на предварительные подготовительные работы, а также большое количество боеприпасов. «Маневренные» газопуски предполагалось проводить на узких участках фронта с помощью баллонов облегченной конструкции.

В царской армии таковые имелись - Е30 (емкостью до 30 фунтов сжиженного газа), предназначенные для кратковременных газопусков продолжительностью не более 10 минут. Они несколько отличались от больших баллонов Е70 (емкостью до 70 фунтов сжиженного газа) устройством сифонных трубок (их свободные концы были не прямыми, а загнутыми, благодаря чему ОВ из баллона можно выпускать как из лежачего положения, так и из положения стоя), длиной выводных шлангов (у Е30 – укороченный, длиной 2 м, тогда как у Е70 – длиной 6 м). Переносить их мог один человек в специальном заплечном мешке, тогда как Е70 чаще всего носили двое в специальных бандажах. Аналогичные баллоны облегченного веса существовали и в зарубежных армиях [50]. Согласно изданной в 1924 г. Военной академией РККА методичке для старших курсов «Справочные данные по военно-химическому делу (к тактическим задачам)» в состав химической роты (батальона) должны были входить, помимо всего прочего, одна баллонная батарея из 500 баллонов Е30. Такие облегченные баллоны были более удобны и безопасны. Поскольку они устанавливались не в окопах, в случае их разбития угроза распространения газа высокой концентрации практически исключалась. К тому же, ввиду скоротечности самих выпусков можно было не опасаться сильного артиллерийского огня по месту выпуска. С помощью таких баллонов предполагалось создавать газовые волны на узких участках фронта с помощью кратковременных газопусков до 10 минут каждый.

От волновых атак не хотели полностью отказываться даже в 30-е годы, хотя и признавали, что в будущих войнах широкое применение они вряд ли найдут (сама возможность массированного применения химического оружия в будущей войне сомнению в 20-30-е годы никем не подвергалась) [51].

Таким образом, в чуть более поздние времена идея применения газовых волн против мобильного противника вновь стала официально считаться вполне возможной, хотя реального боевого опыта в этой области не было ни у кого – ни у европейцев, ни в царской армии, ни в РККА. Тот же Баташев подчеркивал, что «*в современной военной литературе еще мало освещен вопрос применения химических средств в условиях маневренного боя. Вместе с тем, полагаем необходимым оговорить, что, ввиду чрезвычайно малого боевого опыта применения химических средств в маневренной войне, мы освещаем некоторые вопросы тактики химического нападения только с нашей точки зрения, учитывая характер химического нападения и современные формы боя*» [52].

Однако в 1921 году в Тамбове таких легких баллонов не было. Еще в 1919 году Главный артиллерийский комитет признал единственно годными для боевого применения Е70 [53], а сохранившиеся с царских времен, но еще годные к использованию Е30 были переданы в ВСНХ для борьбы с сельскохозяйственными вредителями [54]. Кроме того, летом 1920 года ГАУ уже приходилось готовить химбоеприпасы для отправки на Южный фронт при подготовке к штурму Перекопа, и туда отправляли именно Е70. Так что и в Тамбов должны были привезти Е70 для «окопной войны».

Вторым обстоятельством, осложняющим будущие газовые атаки, являлась необходимость применения газов в лесу или против лесного массива. Так, С.М. Касинов указывал: «*Химические снаряды могут применяться в тех случаях, когда газо-баллонный выпуск невозможен по метеорологическим или топографическим условиям, например:*

при полном отсутствии или чрезвычайно слабом ветре, если противник засел в лесах или за возвышением, в местах трудно доступных для газов, но имеющих то преимущество, что если туда попал газ, то он держится там упорно ...» [55]

Таким образом, инспарт считал газопуск из баллонов в случае, если противник засел в лесу, т.е. в месте, труднодоступном для газов, невозможным по топографическим условиям – хотя сам при этом требовал газовые баллоны из центра, заранее зная, что предназначаются они для использования против повстанцев, как раз засевших в лесах...

Между тем, военные специалисты 1920-х годов были не столь категоричны в этом вопросе:

«Встречая густые высокие леса, газовая волна частью обтекает лес вдоль опушки, частью же пронесется над вершинами деревьев, благодаря особым воздушным токам, образующимся над лесом. Небольшое количество газа все же проникает в лес, отчасти непосредственно попадая туда, отчасти проникая в лес по время прохождения над лесом. Однако концентрация облака газа в лесу очень незначительна. Редкий лес без поросли, в которых свободно может проходить ветер, мало нарушает течение газовой волны, но густые мелкие поросли, высокая трава, поля покрытые злаками, надолго задерживают затекающий в них газ, особенно при слабом ветре» [56].

«При встрече с лесом газовая волна будет частично проникать в него через опушку, большей же массой подниматься вверх и проходить поверху. Пройдя над лесом, газовая волна снова спускается и дальше двигается по поверхности земли, но концентрация ОВ после прохождения через лес сильно уменьшается. Небольшая часть ОВ проникает в лес с опушки на сравнительно небольшую глубину (сотни метров), а затем вихревыми движениями рассеивается. Идущая над лесом масса отпавленного воздуха также будет проникать в лес сверху между кронами деревьев, увлекаемая туда вихревыми движениями. В этом случае проникновение ОВ в лес будет идти много медленнее, чем через опушки, и большая концентрация ОВ в лесу будет создаваться только при длительном времени прохождения газовой волны. С другой стороны, ОВ, проникшие в лес на те глубины, где нет прямого протока воздуха от опушки, будут там задерживаться более долгое время, чем на открытом месте.

Редкий лес без поросли, отдельные деревья и редкий кустарник мало нарушают движение газовой волны, задерживая лишь частично ОВ на некоторое, сравнительно короткое время.

Густая, высокая трава, хлебные поля и частый мелкий кустарник, вследствие затухания ветра там, удерживают ОВ на долгое время» [57].

Таким образом, лес для газобаллонной атаки - фактор неблагоприятный. Поэтому и сама идея, строго говоря, была сомнительной, хотя все же возможной – в зависимости от густоты леса, объема газа, длительности газопуска, а также расположения линии фронта выпуска газов. В противном случае волновая атака могла быть лишь напрасным расходом боеприпасов.

Однако заложенная в приказе № 0116 идея - «леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось», в процессе его выполнения стала окончательно бессмысленной. Потому что для выполнения любой задачи нужно располагать соответствующими силами и средствами. А их в итоге не оказалось.

Во-первых, полностью небоеспособной оказалась единственная имевшаяся в распоряжении тамбовского командования химическая часть [58] - отдельная химрота, на 60% доукомплектованная местным губвоенкоматом [59]. В нее С.М. Касинов направил газотехника В. Пуськова с проверкой. 5 июля 1921 года последний представил рапорт, из которого следовало, что рота небоеспособна и выполнить поставленные перед ней задачи не может. Качество предоставленного губвоенкоматом пополнения по своему уровню было совершенно неудовлетворительным. Около 20% новобранцев были неграмотными, а образование остальных ограничивалось сельской школой, так что для службы в технических войсках они не годились. В итоге «7/. Большая часть красноармейцев только недавно прибыла из г. Тамбова и специальной подготовки не имела. 8/. Из учебных пособий имеются: учебные (пустые) баллоны, 2 ящика коллекторного набора <...> 11/. Боевых

химических средств рота не имеет, химразведка и наблюдение не ведутся <...> Благодаря вышеизложенному, а именно: постоянные наряды и отсутствие комсостава и обмундирования, учебные занятия не ведутся, люди совершенно не обучены и химрота в отношении газо-борьбы является абсолютно не подготовленной и не боеспособной. Газотехник В. Пуськов» [60]. То есть проводить газовые атаки оказалось некому.

Второй причиной стало количество газовых баллонов.

«Количество ОВ, которое необходимо выпускать, чтобы получить газовую волну с концентрацией, достаточной для выведения из строя противника, - устанавливается чисто опытным путем на основании полигонных выпусков. Этот расход ОВ приводится к условной величине, так называемой боевой норме, показывающей расход ОВ в килограммах на единицу длины фронта выпуска в единицу времени. За единицу длины фронта выпуска обычно принимается один километр; за единицу времени газобаллонного выпуска – одна минута. Так, например, боевая норма 1200 кг/км/мин – означает расход газа в 1200 кг на фронте выпуска в один километр в течение одной минуты. В большинстве случаев нормы вырабатываются в каждой армии самостоятельно и составляют секрет каждой армии. Однако, несмотря на секретность и самостоятельную проработку этих норм в каждой армии, большого разнообразия в них не оказывается. Боевые нормы, которые применялись различными армиями в минувшую мировую войну, колебались для хлора (или смеси его с фосгеном) в пределах от 800 до 1200 кг на 1 км в 1 минуту – для выпусков при более сильных ветрах (от 2 до 5 метров в секунду) и от 720 до 400 кг для выпусков при слабых ветрах (от 0,5 до 2 м/сек). Данные боевые нормы обеспечивают в большинстве случаев боевой эффект газовой волны при наличии метеорологических и топографических условий, не исключающих возможность выпуска. В отдельных случаях, если имеются особо неблагоприятные метеорологические или топографические условия, эти нормы повышаются.

Общий расход ОВ для того или иного газобаллонного выпуска вычисляется при помощи следующей простой формулы:

$$X = НФТ \quad (1)$$

Где

X – общий расход ОВ в килограммах

H – боевая норма, выражающая расход ОВ в кг на фронте 1 км в течение одной минуты.

T – продолжительность выпуска в минутах.

Φ – фронт выпуска в км.

При подсчете количества баллонов с ОВ, потребных для выполнения газобаллонного выпуска, следует только разделить общий расход ОВ, подсчитанный по вышеуказанной формуле, на весовое количество ОВ, содержащееся в одном баллоне и выраженное в кг. Соединяя оба действия в одно, можно потребное количество баллонов прямо подсчитать по следующей формуле:

$$B = \frac{НФТ}{E} \quad (2)$$

Где B – число баллонов, H – боевая норма, Φ – фронт выпуска в км, T – продолжительность газобаллонного выпуска в минутах, E – вес ОВ в одном баллоне, выраженный в кг.

Пример: определить число баллонов Е-70, потребных для выполнения выпуска с фронта в 2 км, продолжительностью 30 минут, при силе ветра в 4 м в секунду.

Для данного случая возьмем боевую норму в 1200 кг.

Вес ОВ в баллоне Е-70 = 28 кг.

Подставляя эти числовые значения в формулу (2), получим следующее количество баллонов: $(1200 \times 2 \times 30) / 28 = 2571$ баллон.

Число баллонов, подсчитанное по формуле, практически увеличивается на разные случайности, примерно, на 5-10%

Таким образом общее число баллонов, необходимых для выполнения данного выпуска, с добавкой 10% запасных, будет равно 2828» [61].

«Количество необходимых баллонов вычисляется по формуле:

$$B = \frac{\Phi T H}{V}$$

Где B – количество баллонов, Φ – длина фронта, T – время выпуска газа, H – норма выпуска и V – вес OB в баллоне.

При фронте выпуска в 6 км, $T = 20$ мин., $H = 1000$ кг на 1 км в минуту, $V = 30$ кг получим:

$$B = (6 \times 20 \times 1000) / 30 = 4000 \text{ баллонов} \text{ [62].}$$

Уместно вспомнить, какое количество газовых баллонов получили в Тамбове.

«<...>доношу сего числа мною были осмотрены газо-баллоны и газовое имущество, прибывшие на Тамбовский арт. склад.

При чем нашел: баллоны с хлором марки Е56 в количестве 250 шт находятся в исправном состоянии, утечки газа нет, к баллонам имеются запасные колпаки; технические принадлежности: ключи, шланги, резиновые и свинцовые трубки, шайбы и проч. мелкий инвентарь находятся в исправном состоянии и сверхкомплектном количестве. Металлические части свежеекрашены масляной краской без побоев и ржавчины, резиновые трубки из свежей резины, достаточно эластичны и не ломки. Противогазов нет. При наличии противогазов из имеющихся на складе баллонов может быть произведена атака без всякого дополнительного инвентаря, т.к. имеется все техническое оборудование, даже бандаж для переноски баллонов.

Прибывшие на склад два вагона хим. снарядов мною осмотрены быть не могли, т.к. вагоны только что были поданы со ст. Тамбов и находились в состоянии маневрирования. Газотехник В. Пуськов» [63].

Следует отметить ошибку газотехника. Баллонов марки Е56 на снабжении РККА не существовало. Были Е70 и Е30 емкостью 70 фунтов и 30 фунтов сжиженного хлора соответственно [64], причем последние к 1921 году были сданы в народное хозяйство. Так что, скорее всего, речь должна идти о Е70, признанных единственно годными для боевых целей. На это косвенно указывает и упоминание о бандажах в рапорте Пуськова. Баллоны Е70 должны были переносить два человека как раз с помощью бандажей.

Далее читателям предоставляется возможность самим рассчитать, куда можно было употребить аж целых 250 газовых баллонов, не забывая сделать поправку на неблагоприятные условия, увеличивавшие расход газа, а также имея в виду фактическое распределение баллонов по участкам: «Баллоны с газами распределены и уже доставлены: 50 в боеучасток и 200 во второй» [65].

Нельзя сказать, что тамбовское командование не представляло себе, какие объемы газа требуются для проведения волновых атак.

Так, в составленных Касиновым «Кратких указаниях о защите от удушливых газов и способах применения их», в частности, отмечалось: «Для производства газо-баллонного выпуска заранее вычисляют количество необходимого к выпуску газа, считая, что в среднем надо выпустить на 1 версту фронта около 50 пудов газа в 1 минуту и если мы хотим продолжать атаку 1 – 1 1/2 часа, то получится, что на версту фронта потребно 2000 – 3000 шт. полуторапудовых баллонов, кроме того нужно выждать благоприятного ветра. Ясно, что газо-баллонная атака дело чрезвычайно сложное, требующее огромные затраты технических и транспортных средств и кроме того хорошо обученного кадра газовых техников...» [66]

Предложенная Касиновым боевая норма вполне укладывается в принятые в РККА для благоприятного ветра, а время выпуска газов достаточно для тяжелой волновой атаки. Все расчеты приведены для Е70.

Однако после получения боеприпасов тамбовское командование, по идее, уже не должно было испытывать никаких иллюзий относительно своей возможности «очистить ядовитыми удушливыми газами» «леса, где прячутся бандиты» и «точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось». О глубине прохождения газовой волны при условии падения скорости ветра в лесном массиве, о значительной площади поражения, а также о токсичности собственно газового облака в таких условиях говорить и вовсе не приходится.

Теоретически, конечно, оставалась еще возможность проведения, в случае необходимости, газовой атаки на узком участке, но ее полностью исключало отсутствие квалифицированных кадров.

Мы не можем сказать, кто впервые предложил цифру – 250 баллонов, и почему именно такое их количество было в итоге прислано. Однако обращает на себя внимание, что тамбовское командование, заказывая боеприпасы, нигде количества газовых баллонов не озвучивало. Просили 2000 химснарядов, 5 химкоманд с «соответствующим количеством» баллонов с газами и двух газотехников. Среди всех обнаруженных в настоящее время по этому вопросу документов цифра 250 впервые зафиксирована в телеграмме Шейдемана от 21 июня 1921 года: «на № 659/сек. Делаются срочные распоряжения о подготовке и отправки из Москвы 250 баллонов с газами и отправке с Украины одного химического отряда. Все отправляется в распоряжение Инспарта командования в Тамбов...<...> Инспартресп Шейдеман Военком Васильев» [67]. Как представляется, количество боеприпасов определялось в Москве. Что прислали, тем и предложено было обойтись. Имеет смысл вспомнить, что когда в 1920 году Главное артиллерийское управление готовило боеприпасы для Южного фронта, вместо заявленных 10 тыс. баллонов, 40 тыс. 3-х дм и 10 тыс. 6-ти дм снарядов удалось подготовить лишь 3000 баллонов, 13360 и 6000 снарядов соответственно [68]. Вполне возможно, что и в данном случае прислали все, что смогли.

Таким образом, приказ № 0116, который часто приводится в пример в качестве доказательства особого изуверства и бесчеловечности тамбовского командования и лично М.Н.Тухачевского, стал по определению невыполнимым после того, как в Тамбове получили боеприпасы.

Единственная документально установленная «газовая атака» - учебное окуривание красноармейцев учебной артиллерийской команды 16-х пехотных курсов в манеже Тамбовских кавалерийских казарм [69], которое проводилось после лекции по военно-химическому делу. На него было израсходовано два баллона с хлором [70]. Неиспользованные боеприпасы в сентябре 1921 года было приказано отправить обратно на склад удушающих средств «Очаково» Московско-Киевско-Воронежской железной дороги в Подмоскowie [71].

Вскоре после этого, 8 сентября, отозвали и химроту: «Сообщаю, что согласно доклада Командира Отдельной Химической роты недочеты, обнаруженные газотехником В. Пуськовым в химроте, расположенной в с. Инжавино Тамбовской губернии, в настоящее время в отношении условий помещения и снабжения красноармейцев роты устранены. Приношу сердечную благодарность за наблюдение и прошу впредь не оставлять ее без надзора. Вместе с этим прошу при первой же возможности, как только позволит оперативная обстановка освободить химроту от того назначения, которое она в данное время выполняет и командировать в г. Москву, так как химрота, как единственная в своем роде часть в Республике, являющаяся двигателем и проводником новых идей в области химической борьбы, должна находиться в центре научной мысли в Москве и использование ее как стрелковой единицы неминуемо отражается на успехе подготовки роты и на постановке дела газовой борьбы в Республике» [72].

Обращает на себя внимание мотив, по которому ее предлагалось отозвать – часть используется как стрелковая единица, то есть не по назначению. Указанный документ является еще одним доказательством того, что выполнять свои прямые обязанности химроте так и не пришлось. Самое большее, что ей довелось делать – проводить учебные занятия.

Не удивительно, что, несмотря на попытки тамбовских краеведов найти свидетелей, помнивших или слышавших о газовых атаках, таковых обнаружить не удалось [73].

Правда, тамбовский краевед Б.В. Сенников [74] приводит «воспоминания» некоей Акулины Ивановны – жительницы безымянной деревни в районе Пахотного Угла о том, что она якобы своими глазами видела газовую атаку. Однако «увиденное» и «рассказанное» настолько не соответствует технике проведения газобаллонных атак, многократно описанной в специальной литературе 1920-х годов и, как следствие, хорошо известной, что признать их подлинными не представляется возможным.

В заключение нужно сказать следующее. Перед тамбовским командованием встала по местным условиям задача повышенной сложности, но, тем не менее, выполнимая. Однако средства для этого оказались совершенно негодными – абсолютно неподготовленный личный состав и заведомо недостаточное количество боеприпасов. Поэтому выполнена она быть не могла. Никаких газобаллонных атак на Тамбовщине не только не было, но и быть не могло.

Примечания:

1. Первые публикации, посвященные использованию химического оружия при подавлении Тамбовского восстания: Фельдман Д. Крестьянская война // Родина. 1989. №10; Аптекарь П.А. Как Тухачевский крестьянское восстание подавлял // Независимая газета. 1992. 22 авг. № 161; Аптекарь П.А. Крестьянская война // Военно-исторический журнал. 1993. № 1; «Химчистка» по-тамбовски. Публикации П. Аптекаря // Родина. 1994. № 5 и др.

2. В начале XX века термина «химическое оружие» не существовало. Он появился несколько позднее. В начале 1920-х годов все боевые ОВ именовались «газами» (с соответствующими композитами - «газоборьба», «средства газовой борьбы», «газооборона», «газонападение» и т.д.) или «удушающими средствами». Термин возник отчасти исторически, поскольку в Первую мировую войну самые первые ОВ, примененные на фронте - хлор (впервые применен немцами 22 апреля 1915 года) и фосген (впервые применен немцами в смеси с хлором при газобаллонной атаке в декабре 1915 года) - как в обычном, так и в боевом состоянии (т.е. в состоянии, в котором ОВ находится в момент применения, вызывая при этом максимальный эффект в поражении живой силы) были именно газообразными. Кроме того, несмотря на то, что большинство ОВ, применявшихся на фронтах (свыше 40 токсичных веществ в течение всей войны), представляли собой либо жидкости, либо твердые вещества в нормальных условиях, т.е. при обыкновенной температуре и давлении, в боевом состоянии все равно характеризовались той или иной степенью дисперсности. В настоящее время термин «газы», будучи изначально достаточно условным, является устаревшим, однако в настоящей книге используется наравне с современным, поскольку определение понятия «химическое оружие», сформулированное в ныне действующей Конвенции о запрещении химического оружия, полностью покрывает его тогдашнее значение.

3. См. Бобков А.С. Тамбовское восстание: вымыслы и факты об использовании удушающих газов // Военно-исторический журнал. 2011. № 1; Бобков А.С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис. 2011. Сетевой журнал. http://scepsis.ru/library/id_2974.html.

4. См. в частности: Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1929-1933 гг. М.: Посев, 2004 и др.

5. К началу мая 1921 года большая часть разрозненных в прошлом партизанских отрядов была сведена в две армии, состоявшие каждая из нескольких полков, численность которых варьировалась от 350 до 500 человек. Общая численность вооруженных повстанцев в Тамбовской губернии к 1 мая 1921 года, по данным военной разведки, составляла 21 тысячу человек. Из них примерно 9 тысяч находились в составе мелких отрядов, не входивших в состав двух партизанских армий и действовавших самостоятельно. См. Антошкин В.В. Антоновское восстание. М., 2005. С. 98-99.

6. Инструкция по искоренению бандитизма в Тамбовской губернии, 12 мая 1921 года // «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 363.

7. Из протокола № 19 заседания Полномочной комиссии ВЦИК от 9 июня 1921 г. РГВА. Ф.235. Оп.2. Д.13. Л.34 - 34 об. Заверенная копия. Цит. по: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 401.

8. Приказ №130 командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского о мерах борьбы с повстанцами. 12 мая 1921 г. Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. Р-1832. Оп. 1. Д. 1000. Л. 9а. Типографский экземпляр. См. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 361-362.

9. Какурин Н.Е. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований // Военная наука и революция. Военно-научный журнал. 1922. Книга 1. С. 93.

10. Согласно приказу № 108/опс. от 15 мая 1921 года о разграничении боеучастков, их границы сочетались с административными границами уездов губернии. «2-й боеучасток – Тамбовский уезд в его административных границах на севере, восток и запад, и на юге до условной линии селение Павлодарово, озеро Лебяжье, озеро Ильмень, селение Семеновка и далее по рекам Солонка, Плоскуша до административных границ Усманского уезда». Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 366.

11. Протокол № 19 заседания Полномочной комиссии ВЦИК – о результатах проведения на местах приказа №130 и катастрофическом продовольственном положении в губернии. 9 июня 1921 г. Цит. по: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 401.

12. Протокол № 19 заседания Полномочной комиссии ВЦИК – о результатах проведения на местах приказа №130 и катастрофическом продовольственном положении в губернии. 9 июня 1921 г. Цит. по: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 400.

13. Этот документ представляет собой не стенограммы выступлений, а именно протокольные фрагменты, т.е. содержит только наиболее важные положения, без подробностей.

14. Заключение по историческим материалам о роли Тухачевского в применении химического оружия в Тамбовской области. С. 12.

15. «Чтобы окончательно ввести нас в заблуждение о намеченном главном ударе в Восточную Пруссию, фельдмаршал Гинденбург приказал 9-ой армии произвести энергичное наступление в последних числах января на Бзуре в районе Болимова. 29-го и 30-го января обозначилась германская усиленная рекогносцировка, после которой последовало трехдневное, крайне энергично ведущееся наступление семью дивизиями на десятиверстном фронте против стыка между нашими 1-ю и 2-ю армиями. После артиллерийской подготовки огнем до 100 батарей, из которых около 40 больших калибров, с применением, впервые в эту войну, удушливых газов, действующих также и на глаза (так назыв. слезоточивые газы) – противник был вполне уверен в своем успехе. Однако, эти газы еще не были достаточно испытаны при различных атмосферических условиях. Оказалось, что их действие в холодное, сырое время, как в данном случае, далеко не отвечало ожиданиям. Помимо выпущенного большого количества (до 8000) таковых гранат еще было пущено в дело и другое новое изобретение – так называемые огнеметы. Хотя первое впечатление было ошеломляющим и даже вызвало частичные паники в 1-ом Сиб. и У1-ом корпусах, там не менее эти отличные корпуса весьма скоро оправались и в течение всего этого дня сдерживали напор уверенного в крупной победе противника. Мы потеряли пространство глубиной в 3-4 версты. В последующие дни мы успели подвезти резервы, и бой был локализован около Господского Двора Воля-Шидловска... При рассмотрении всех обстоятельств этого германского наступления против Варшавы, невольно возникает некоторое сомнение в его цели. Употребление новых боевых средств – газов и огнеметов, сосредоточение невиданного до того времени количества артиллерии и наступление семи дивизий на узком десятиверстном фронте – носили все признаки прорыва. Он не удался лишь по случайности – от неожиданно слабого действия газов. Противник до атаки, очевидно, возлагал большие надежды на эффект от газов. Если прорыв увенчался бы успехом, то противник наверное использовал бы выгодное положение, ибо резервы еще имелись наготове; они лишь позже поступили на формирование группы генерала Гальвица. Наступление, поэтому, фактически сыграло роль лишь сильнейшей демонстрации». Генерал-лейтенант Хольмсен. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимою 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935. С. 51-52.

16. Войска радиационной, химической и биологической защиты 1918-2008 / под ред. Е.Г. Старкова. М.: Си-Эс-Ди, 2008. С.29.

17. Сведения о расходе и наличии огнеприпасов в войсковых частях 5 армии фронта. РГВА. Ф. 106. Оп. 5. Д. 632. Л. 3-125а.

18. Бобков А.С. Тамбовское восстание: вымыслы и факты об использовании удушающих газов // Военно-исторический журнал. 2011. № 1; Бобков А.С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скепсис: сетевой журнал. 2011 г. http://scepsis.net/library/id_2974.html.

19. Подробнее об истории боевого применения химического оружия на фронтах Первой Мировой войны смотри: Де Лазари А.М. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914-

1918 г. Краткий исторический очерк. Научная редакция и коммент. М.В. Супотницкого. М., 2008, а также серию статей М.В. Супотницкого в журнале «Офицеры» за 2010-2011 годы. <http://www.supotnitskiy.ru/book/book5.htm>.

20. R.M. Douglas. Did Britain Use Chemical Weapons in Mandatory Iraq? // The Journal of Modern History 81 (December 2009): pp. 859-887. // J. Davidson Pratt, First Report of the Secretary of the Chemical Warfare Committee, para. 255.PRO, WO 33/987B.

21. Приказ-обращение Полномочной комиссии ВЦИК к повстанцам. 11 июня 1921 г. Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 402-403.

22. Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев. 12 июня 1921 года Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 406.

23. Телеграмма Инспектору Артиллерии Республики Ю.М. Шейдеману. 13 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.17.

24. Телеграмма Главкому С.С. Каменеву. 14 июня 1921 года. РГВА. Ф.7. Оп.2. Д.511. Л.1470б.

25. Телеграмма Инспектору Артиллерии Республики Ю.М. Шейдеману. 13-15 июня 1921 года. На документе дата отсутствует. Дата указана ориентировочно. РГВА. Ф.235. Оп. 3. Д.59. Л.15.

26. Телеграмма Главкому С.С. Каменеву. Июнь 1921 года. Дата отсутствует. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.19.

27. Выписка из регулярного рапорта Тамбовского Инспарта Касинова Комвойсками Тухачевскому. 15 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.34. Л.7.

28. Из протокола №18 заседания Комиссии по борьбе с бандитизмом при РВСР – о положении в Тамбовской губернии. 19 июня 1921 года. Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 418.

29. Телеграмма из Штаба РККА Командвойск Тухачевскому. 20 июня 1921 года. РГВА. Ф.7. Оп.2. Д.511. Л.151.

30. Циркуляр Тамбовского командования, 20 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.8; Телеграмма из Штаба РККА Командвойск Тухачевскому, 20 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.2. Д.82. Л.40.

31. Известно, что во время экспериментального газопуска 10 февраля 1915 года на полигоне из-за внезапно изменившегося ветра от хлора едва не погиб изобретатель газобаллонного способа химического нападения профессор Фриц Габер - начальник военно-химической службы германской армии, директор Института физической химии и электрохимии кайзера Вильгельма, лауреат Нобелевской премии по химии (за 1918 год).

32. Заключение по историческим материалам о роли Тухачевского в применении химического оружия в Тамбовской области. С. 1-3.

33. Приказ-обращение Полномочной комиссии ВЦИК к повстанцам. 11 июня 1921 года. Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 402-403.

34. Циркуляр Тамбовского командования. 17 июня 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.56. Л.4.

35. Краткие указания о защите от удушливых газов и способы применения их. 22 июля 1921года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.13.

36. Тухачевский М.Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями. // Война и революция. 1926. №7. С. 7-8.

37. Приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев. 12 июня 1921 года. Смотри: «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 годах. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 406.

38. Краткие указания о защите от удушливых газов и способы применения их. 22 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.13.

39. *«К первому виду, к так называемым большим (тяжелым) газобаллонным выпускам, относятся такие, которые имеют продолжительность выпуска от одного часа и более. Выпуск производится обычно несколькими последовательными волнами, продолжительностью от 20 и до 60 минут каждая. Промежутки между отдельными волнами колеблются от 20 минут и до 1 часа. Таким образом, общее время газобаллонного*

выпуска составляет от одного и до нескольких часов (4-6). Фронт такого выпуска бывает или сплошным, или составляется из нескольких участков с общим протяжением от одного до пяти, а иногда и более километров. Общая площадь, занимаемая отравленным воздухом при больших газобаллонных выпусках, достигает нескольких сот квадратных километров, при глубине проникновения газовой волны до 15-25 и более км. Никаким другим способом химического нападения (обстрел артиллерийскими химическими снарядами, газометный обстрел) невозможно покрыть таких громадных площадей. В этом состоит основная особенность данного способа химического нападения» // Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело: пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я.М. Фишмана. М. - Л., 1930. С. 82.

40. Подробнее об условиях, влиявших на газобаллонный выпуск, смотри: Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело. Пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я. М. Фишмана М. Л., 1930. С. 85-90; Главное артиллерийское управление. Сведения по военно-химическому делу. М., ВВРС, 1923. С. 24-28 и др.

41. Некоторое представление о том, как выглядела волновая атака, можно составить по фрагментам учебного фильма по противогазовой обороне, показанным в «Исторических хрониках Николая Сванидзе. 1921 год. Маршал Тухачевский». На кадрах видно, как бойцы химкоманды, прикрепив концы выводных шлангов к вентилям баллонов, выбрасывают за пределы окопа, в котором установлены баллоны, свободные концы шлангов с дисками-распылителями, где и происходит переход сжиженного ОВ в газообразное состояние. Баллоны, судя по их размерам и длине выводных шлангов – Е70. Фильм, однако, не следует воспринимать как полностью документальный. Он именно учебный и посвящен противохимической обороне, популяризации противогазов как средства индивидуальной защиты и отечественных фильтрующих противогазов Кумманга-Зелинского. На это указывает не только показанный во всех подробностях процесс одевания указанных противогазов, но и некоторая условность самой газовой атаки. В ленте присутствует целый ряд неточностей, не имевших места при реальных газобаллонных атаках. Так, бойцы химкоманды в окопах – без противогазов, тогда как при подготовке и проведении газопуска на них противогазы должны были быть в обязательном порядке. Еще одной явно выраженной неточностью относительно реальной боевой обстановки является то обстоятельство, что газопуск начался до окончания его подготовки – на одном конце окопа уже начали выпуск газа, тогда как на другом конце окопа его еще только начали отрывать. И наконец, на ленте представлены единичные газопуски, тогда как на практике тяжелые газовые баллоны чаще всего собирали в батарею, когда несколько баллонов подсоединяли к одному коллектору с общим выводным шлангом – это позволяло экономить арматуру и сократить число людей, обслуживавших батарею. В фильме показана не реальная газовая атака, а лишь условно обозначено ее наличие с одновременной демонстрацией фрагментов ее подготовки.

42. Фишман Я.М. Газовая война. М., 1924. С. 282. В конце войны, но главным образом уже после нее, были предприняты попытки снаряжать баллоны фосгеном с углекислотой или сжатым воздухом для распыления. Смотри: Фишман Я.М. Военнохимическое дело в современной войне. М.-Л., 1930. С. 61.

43. Для усиления эффекта газобаллонные выпуски могли сопровождаться газоснарядной стрельбой ствольной артиллерии.

44. «...Главком полагает, что в настоящей войне, в коей боевые действия носят чисто полевой характер, случаи применения выпуска газов едва ли возможны. Однако возможны исключения для тех участков фронтов, где боевые действия носят характер позиционной войны (Карельский перешеек)...» - Резолюция Главкома о применимости газов в условиях текущей войны. 22 мая 1919 года. РГВА Ф.20. Оп.9. Д.94. Л.78.

45. РГВА Ф.6. Оп.6. Д.87. Л.74-76. Подробнее смотри: Бобков А. С.. Об одном случае подготовки газовой атаки во время Гражданской войны // Скеписис. Сетевой журнал. http://scepsis.ru/library/id_3051.html.

46. Главное артиллерийское управление. Сведения по военно-химическому делу. М., ВВРС, 1923. С. 28.

47. Главное артиллерийское управление. Сведения по военно-химическому делу. М., ВВРС, 1923. С. 45-46.

48. Владимир Никитич Баташев - военный инженер-технолог, редактор Артиллерийского комитета; мл. инспектор (с июня 1924 года), пом. по химии инспектора (с ноября 1924 года), для особых поручений 1 разряда Инспекции артиллерии и бронесил РККА; инспектор химической подготовки РККА (с февраля 1925 года), член Химического комитета при РВС СССР (с июля

1925 года); пом. нач. Военно-химического управления УС РККА, Инспектор Химической подготовки РККА (с сентября 1927 года). Смотри: Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923-1926 гг. Кн. 2. М., 2006. С. 494.

49. Баташев В.Н. Вопросы тактики химической войны. Издание Военной академии РККА. М., 1924. С. 13-15.

50. Подробнее смотри: Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело. Пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я. М. Фишмана М.- Л., 1930. С. 77-82.

51. Смотри, в частности, Фишман Я.М. Военнохимическое дело в современной войне. М. – Л., 1930. С. 62-64 и далее.

52. Баташев В.Н. Вопросы тактики химической войны. Издание Военной Академии РККА. М., 1924. С. 1.

53. Рапорт ГАУ о планах снабжения химическими боеприпасами и другим имуществом. 30 ноября 1919 года. РГВА Ф.20. Оп.9. Д.94. Л.207

54. Доклад начальника ГАУ по вопросу о возможности выдачи газовых баллонов из боевого запаса на нужды ВСНХ. 14 марта 1919 года. РГВА Ф.46. Оп.4. Д.479. Л.55 и др.

55. Краткие указания о защите от удушливых газов и способы применения их. 22 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.13.

56. Главное артиллерийское управление. Сведения по военно-химическому делу. М., ВВРС, 1923. С. 27.

57. Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело. Пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я. М. Фишмана М.- Л., 1930. С. 86-87.

58. В это время большая часть специалистов – военных химиков находилась в экспедициях по линии Наркомата земледелия, главным образом на Кубани, для борьбы с нашествием саранчи. Отозвать их в Тамбов для «выкуривания повстанцев из лесов» никому даже в голову не пришло. Это обстоятельство само по себе говорит о приоритетах советского правительства и о том, что на самом деле тогда было важнее.

59. РГВА. Ф.12163. Оп.1. Д.2. Л. 62-150. Смотри: Бобков А.С. К вопросу об использовании удушающих газов при подавлении Тамбовского восстания // Скеписис, 2011. Сетевой журнал. http://scepsis.ru/library/id_2974.html.

60. Рапорт Пуськова об инспектировании Химроты. 5 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.35. л. 9.

61. Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело. Пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я. М. Фишмана. М.- Л., 1930. С. 87-89.

62. Фишман Я.М. Военно-химическое дело в современной войне. М.-Л., 1930. С. 62.

63. Рапорт Пуськова об осмотре прибывших газовых баллонов. 1 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.42. Л.43.

64. Военно-химическое управление РККА. Военно-химическое дело: пособие для начальствующего состава РККА. Под ред. Я.М. Фишмана. М.-Л., 1930. С. 77-78. Смотри также Приложение к настоящей главе.

65. Выписка из регулярного рапорта Тамбовского Инспарта Касинова Комвойсками Тухачевскому. 13 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.34. Л.17.

66. Краткие указания о защите от удушливых газов и способы применения их. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л. 10 об.

67. Об отправке Украинского Химотряда в Тамбов. 21 июня 1921года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.9.

68. Подробнее см.: Бобков А. С. Об одном случае подготовки газовой атаки во время Гражданской войны // Скеписис. Сетевой журнал. http://scepsis.ru/library/id_3051.html.

69. Рапорт о проведенных учениях. 27 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.31,31об.

70. Запрос Касинова на отпуск баллонов для учений. 20 июля 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.25.

71. Ответ ГАУ об отправке неиспользованных химических боеприпасов. 6 сентября 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.4. Д.72. Л.11.

72. Письмо НачАОН Тамбовскому Инспарту относительно Химроты. 8 сентября 1921 года. РГВА. Ф.235. Оп.3. Д.59. Л.43.

73. Писарев Е.В. Газовая атака // Белая гвардия. 2002. №6. С. 105.

74. Сенников Б.В. Тамбовское восстание 1918-1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. Серия «Библиотечка россияведения». Выпуск 9. М.: Посев, 2004.

УДК 94

**«Леса, где прячутся бандиты,
очистить ядовитыми, удушливыми газами...»:
Мифы и факты о Тамбовском восстании**

¹ Александр Валентинович Глушко

² Наталья Игоревна Шило

¹ Научно-производственное объединение Энергомаш им. акад. В.П. Глушко,
Российская Федерация
E-mail: generalmajor_72@mail.ru

² Институт миграции и межнациональных отношений, Российская Федерация
сотрудник
E-mail: n_shilo@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются события, связанные с подавлением антисоветского крестьянского восстания в Тамбовской губернии («антоновщины») летом 1921 г. в контексте применения против повстанцев химического оружия. На основе новых архивных документов и малоизвестных работ советских и зарубежных военных химиков рассматривается процесс принятия решения на применение химического оружия, подготовка к химическому нападению, вопросы тактики и состав токсичных веществ в боеприпасах. В статье делается вывод о том, что в ходе подготовки и применения химического оружия были нарушены все условия, обеспечивающие его успешность. В частности, использование газовых баллонов в условиях повышенной сложности поставленных задач оказалось невозможным наличными силами и средствами по причине неподготовленности личного состава и заведомо недостаточного количества боеприпасов. Также неэффективными оказались артобстрелы с использованием химических снарядов по причине необученности личного состава артиллеристов и недостаточного расхода боеприпасов. И наконец, присланные в Тамбовскую губернию снаряды предназначались для выведения противника из строя, а не для его физического уничтожения, поскольку их основной боевой эффект обеспечивался с помощью токсичного вещества слезоточивого действия. В итоге делается вывод о невозможности эффективного применения химического оружия и тем более о невозможности человеческих жертв. Его использование носило единичный характер и не оно явилось решающим фактором для ликвидации восстания.

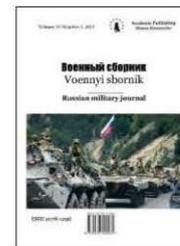
Ключевые слова: Тамбовское восстание 1921 г.; антоновщина; Красная армия; М.Н. Тухачевский; химическое оружие; газы; крестьяне; газобаллонная атака; архимстрельба; тактика; токсичные вещества; жертвы.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94

Junior Members of the House of Romanov at the Fronts of World War I

Il'ya A. Kovalev

Kuban State University, Russian Federation

Abstract. This article reconstructs the story of military service by members of the Russian Imperial House serving with field troops on the front line based on published and unpublished archive information, memoirs of White emigrants, and publications of veteran emigration associations.

Keywords: the Romanovs; kniazes; World War I.

Введение. Одним из последствий распада Советского Союза стало постепенное разрушение устоявшейся системы исторических воззрений и ценностей. Герои поколения, чьё мировоззрение сложилось в условиях коммунистического государства, всё менее привлекательны для современной молодёжи. Процесс десакрализации образов советских героев усугубляется общей тенденцией десоветизации общества. После 1991 года российское общество увидело обратную сторону 75 летнего опыта построения коммунизма. Не будем сейчас вдаваться в спор об объективной оценке этого периода. Для нас важен результат: разрушение устоявшейся системы ценностей привело к поиску новых ориентиров и образцов для подражания, а десоветизация – к отрицанию всего опыта постреволюционного периода (даже положительного). Нежелание молодого поколения отождествлять себя с советским прошлым, ощущать преемственность часто приобретает радикальные формы. Русскому человеку свойственен максимализм: отрицая одно, он со всей страстью отдаётся прямо противоположному. Отсюда нездоровая германофилия, которая в своих радикальных проявлениях приводит к героизации русской молодёжью деятелей Третьего Рейха. Что ж, каждый по-своему заполняет идеологический вакуум.

Однако сегодня, когда мы становимся свидетелями и активными участниками складывания новой русской ментальности, необходим «правильный фундамент». История Отечества подаёт нам множество примеров героизма, как военной, так и гражданской доблести, не нуждающейся в приукрашивании. Особенно стоит обратить внимание на период, отстоящий от нашего времени не слишком далеко и имеющий с ним связь, но в то же время достаточно далёкий того, чтобы быть воспринятым в большей или меньшей степени аполитично. Таким требованиям удовлетворяет последний период развития Российской Империи в период правления Николая II, чрезвычайно насыщенный военными действиями.

Тем более, сейчас самое подходящее время пересмотреть события первых десятилетий XX века. 2013 год – год 400-летия Дома Романовых, а 2014 – столетия со дня начала Первой мировой войны. Юбилей – органичная возможность привлечь внимание широкой аудитории к вопросам истории. В связи с этим актуальность темы не подлежит сомнению.

Для большинства россиян Первая мировая война – своеобразная *terra incognita*, знание о которой исчерпывается вполне «логичным» предположением: раз Великая Отечественная Война – Вторая Мировая, то, следовательно, есть и первая. Советская историография заклеила эту войну, назвав её «империалистической» и

«несправедливой», направленной против пролетариата, а стало быть, как бы ненужной. Не будем говорить о том, насколько такое отношение было вызвано желанием большевиков снять с себя ответственность за конечный пункт поражения России – Брестский мир. Важно, что на протяжении значительного периода времени осмысление опыта Первой мировой войны было невозможно. Вследствие чего в современном обществе абсолютно неизвестны герои войны, а также её знаковые события. На сегодняшний день известность имеют лишь такие эпизоды войны, как Брусиловский прорыв и оборона крепости Осовец.

Материалы и методы. В основу предлагаемой статьи легли следующие группы источников: 1) личная и деловая переписка членов Российского Императорского Дома; 2) мемуары сослуживцев и самих князей; 3) издания эмигрантских ветеранских объединений. Также была использована единственная статья, посвящённая данному вопросу «Романовы на фронте в восточной Пруссии» К. Пахалюка.

1 августа Германская Империя объявила войну России. Стратегической задачей Германии, как лидера Центральных держав, было претворение в жизнь плана Шлиффена – концентрации основных военных усилий на западном фронте с целью быстрого разгрома Франции и последующим перенесением театра военных действий в Россию. Чтобы помешать этому, по договорённости с французскими союзниками русская армия нанесла недостаточно подготовленный, но неожиданный удар по немецким позициям в Восточной Пруссии. В этих первых приграничных боях принял участие цвет императорской армии – гвардейские полки, в которых служили и родственники императора.

Рассмотрим для начала боевой путь кузена царя, великого князя Дмитрия Павловича, служившего в Лейб-Гвардии Конном полку. Четвёртого августа князь вместе с полком выехал из Петербурга, а уже 19 числа принял участие в знаменитом сражении при Каушене – одной из самых известных атак конной гвардии, в которой русским противостояла немецкая 2-я ландверная бригада¹. Переломным моментом боя стала лихая атака ротмистра барона П.Н. Врангеля (будущего Главнокомандующего белыми войсками в Крыму), за которую барон был награждён первым за кампанию орденом св. Георгия Победоносца 4-й степени. 1-й гвардейской конной дивизией в которую входил лейб-гвардии конный полк командовал генерал Хан Нахичеванский. Князь Дмитрий Павлович во время Каушенского боя исполнял обязанности вестового: передавал донесения командующего младшим командирам и доставлял в штаб ориентировки с поля боя. По воспоминаниям Г.Гюштовта, это была опасная задача, так как вестовой был желаемой целью для немецких стрелков, и князь находился под обстрелом².

Впоследствии за участие в этом бою князь получил орден Св. Георгия 4-й степени. Его сестра, княгиня Мария Павловна, работавшая в это время в прифронтовом госпитале медсестрой, в своих воспоминаниях упоминает о том, что одной из причин награждения Дмитрия орденом было спасение им из-под обстрела раненого конногвардейца³. Мы не можем уверенно отрицать, что этот эпизод имел место, но не можем не подвергнуть его сомнению. Во-первых, упоминание о спасении солдата не встречается в мемуарах других сослуживцев великого князя. Во-вторых, (и этот аргумент кажется нам решающим), формулировка приказа о награждении орденом гласила: «за то, что в самый разгар боя с явной опасностью для жизни доставил верные сведения о неприятеле, вследствие чего были приняты меры, увенчавшиеся полным успехом».

В 20-х числах августа Дмитрий Павлович был переведён в штаб 1-й армии в Истенбург. Некоторые исследователи, например К. Пахалюк, считают, что такое назначение было следствием закулисной игры командующего 1-й армией ген. Ренненкампа. Возможно, генерал, пытаясь упрочить свои карьерные позиции, пытался создать себе своеобразное «придворное лобби», покровительствуя князьям. В его штабе работал как великий князь Дмитрий Павлович, так и Иоанн Константинович, речь о котором пойдёт позже. Также Ренненкампа лично наградил Дмитрия пожалованным ему орденом в присутствии его сестры Марии Павловны, объяснив это желанием сделать ей приятно. Действительно, такие факты могут быть косвенным свидетельством карьеристских интриг генерала.

В дальнейшем Дмитрий Павлович нёс службу в различных штабах, отлучаясь в тыл по состоянию здоровья (у него начал развиваться туберкулёз). Одно время обсуждался вопрос о его назначении командиром казачьей сотни, однако тяжёлое состояние здоровья князя

помешало претворению этой идеи в жизнь. В декабре 1916 года, он вместе с князем Ф. Юсуповым и депутатом Думы Пуришкевичем принял участие в убийстве Распутина. В наказание он был сослан на Персидский фронт в отряд генерала Баратова несмотря на прошение о помиловании, написанное другими членами Правящего Дома Императору Николаю II. После революции 1917 года он поступил на службу в английскую миссию в Персии, а позже эмигрировал.

Перейдём к службе князей Константиновичей. Они были детьми Константина Константиновича Романова, более известного под его поэтическим псевдонимом К.Р. В их семье было 9 детей, воспитываемых родителями в духе православной набожности, любви к Родине и служении ей. Однако регулярной воинской службе князей препятствовала наследственная предрасположенность к болезни лёгких. К началу войны только князь Иоанн Константинович нёс службу в своём полку. Князя Гавриил и Олег по состоянию здоровья были в увольнении. Однако после опубликования Высочайшего Манифеста об объявлении войны они вернулись в свои полки.

Князя Олега ждал неприятный сюрприз: полковое начальство, сославшись на отсутствие его имени в списках полка, слабое здоровье и незнание строевой службы, порекомендовало ему зачислиться ординарцем в Ставку. Лишь после долгих хлопот ему удалось добиться того, чтобы его оставили в полку: его назначили в штаб полка и поручили вести полковой дневник. При этом князь высказал начальнику недовольство, связанное с назначением на «бумажную» должность и выразил надежду на то, что сможет вскоре перевестись в строй. Немного позже, когда император и императрица благословляли своих родственников, уходящих на войну, царь усомнился в том, что Олег может нести службу, сославшись на его здоровье. Однако даже это не остановило молодого князя. Он записал в своём дневнике: «Мы все пять братьев идём на войну со своими полками. Мне это страшно нравится, так как это показывает, что в трудную минуту Царская семья держит себя на высоте положения»⁴.

Князь Гавриил занял должность заведующего разведчиками 4-го эскадрона. Перед отправкой полка на фронт ему поручили почётную миссию – торжественный вынос полкового знамени⁵.

Нужно отметить, что быт и служба Константиновичей не отличались от других офицеров. Так, князь Гавриил Константинович, единственный из братьев оставивших мемуары, в которых цитирует и дневник своего брата Олега, вспоминал, что им приходилось не спать днями, ночевать в скирдах сена и терпеть другие «прелести» походной жизни. Князь Олег в одном из своих писем отцу делился «интимной подробностью» о том, что из-за неразберихи с обозом, ему, как и всем офицерам, не удавалось переменить нательное бельё 2 недели. А однажды ему пришлось резать кур для полкового собрания. О том, что Константиновичам поручали задания не менее опасные, чем другим офицерам, говорит например то, что князя Игоря посылали в разъезд⁶.

Князь Иоанн Константинович проходил службу отдельно от своих братьев, вместе с Дмитрием Павловичем он принадлежал к Лейб-Гвардии Конному полку. Воспоминания о князе оставил один из его сослуживцев: «Вспоминая эти дни, нельзя не вспомнить о прикомандировании к штабу его высочества князя Иоанна Константиновича. Он был штабс-ротмистром Л. Гв. Конного полка. Однажды, неожиданно для нас, он прибыл в прикомандирование к штабу. Явившись командиру корпуса, он вошел в нашу комнату. Осмотревшись, он подошел ко мне, как старшему, весьма отчетливо представился уставным рапортом и просил представить его остальным офицерам, что я и сделал. Около месяца он жил среди нас, удивляя нас всех чрезвычайной дисциплинированностью в отношении старших и самыми простыми и сердечными отношениями с младшими. Мне приходилось видеть, как в часы досуга он мальчишески возился с лихими корнетами, адъютантами командира корпуса, которые, не стесняясь, боролись с ним.

Служебных познаний у него было немного, но усердие по службе огромное и он всегда старался кому-нибудь помочь в его работе. Будучи человеком религиозным, он немедленно организовал в штабе церковный хор и, пользуясь наличием в Рыгалавке церкви и священника, организовал говенье желавших чинов штаба. 8 сентября большая часть офицеров, во главе с командиром корпуса, была за обедней и причастилась, что весьма отвечало настроению после первых боев. Сам Иоанн Константинович служил за дьячка»⁷.

Будучи человеком религиозным, князь Иоанн подарил солдатам 29-го Сибирского стрелкового полка древнюю икону Спаса Нерукотворного в память об августовских боях⁸.

Иоанн Константинович принимал участие в Каушенском сражении, за свою службу он получил Георгиевское Оружие и орден св. Владимира 4-й степени. В приказе по армии в связи с этим говорилось: «Флигель-адъютанту, поручику Его Высочеству Князю Иоанну Константиновичу, за то, что в боях 2, 4 и 6 августа, состоя ординарцем у начальника дивизии, неоднократно передавал с явную опасностью для жизни распоряжения и этим способствовал достижению успеха»⁹.

Жизнь на линии фронта и служебные обязанности оставляли мало времени на ведение переписки, однако в ГАРФ сохранились несколько писем, отправленные князем Иоанном родителям. Иоанн писал их карандашом, из за чего некоторые слова нечитаемые, почерк неровный, спешащий.

Восточная Пруссия 24 авг. 1914

Дорогая моя Мама!

Очень тебя благодарю за карточку. Вот пошёл уже второй месяц как мы уехали. Я слава Богу здоров и бодр. Был три раза под огнём. Господь миловал <...> Бывает, что идёшь, идёшь, весь день от утра и до темноты. <...>¹⁰.

Боевой путь Константиновичей, служивших в Гусарском полку начался в августе 1914 года в г. Ширвиндте (ныне пос. Кутузово Калининградской области). 9 августа князь Гавриил принял участие в его взятии. В Каушенском сражении Гавриилу не удалось принять непосредственное участие—его эскадрон был назначен в охрану обоза¹¹.

Позже, во время действий 4-го эскадрона в районе крепости Тапиау, Гавриилу пришлось временно командовать всем эскадром, т.к. ротмистр Раевский отбыл в штаб за приказаниями. В это время князь провёл атаку на лес, занятый неприятелем, и гусары овладели линией окопов, вытеснив из них противника. Игорь Константинович участвовал в этом бою вместе с братом¹².

28 августа подразделение, в рядах которого находились князья Игорь и Гавриил, попало в окружение в районе Нейдзальского леса. Единственной возможностью пробиться к своим стало отступление через болото. Немцы открыли огонь шрапнелью по отступавшим группами гусарам. Лошади и люди вязли в болоте, некоторых засасывала трясина. Князь Гавриил выводил подчинённых разведчиков, князь Игорь, пропустив вперёд других солдат, отступал последним. По воспоминаниям поручика С.Т. Роопа, когда Гавриил Константинович уже почти выбрался из болота, ехавший следом за ним вольноопределяющийся Эрдели доложил, что князь Игорь остался позади и, по-видимому, пеший. Так и оказалось: когда удалось добраться до князя, он был зажат в болото почти до самого подбородка, а его лошадь уже скрылась под воду. В это время недалеко появился немецкий уланский разъезд. Опасаясь быть взятыми в плен, наши гусары поспешили выбраться на твёрдую землю. На их счастье немцы по какой-то причине не стали приближаться к ним и вскоре скрылись¹³.

Князь Олег продолжал нести службу в штабе и, хотя бывал под огнём, продолжал рваться в строй. В ГАРФ, сохранилось письмо, написанное им матери из Владислава 31-го июля.

"Дорогая Мусь. Вчера писал Папа, а сегодня Тебе. Братья просили, чтобы я заведовал нашей корреспонденцией, потому что я свободнее их, так как нахожусь в штабе полка. Ещё не решено, когда меня переведут в 5ый эскадрон. Все совсем здоровы и чувствуют себя хорошо.<...> В полку отношения великолепные"¹⁴.

После долгих уговоров ему удалось добиться перевода: он был назначен командовать взводом. Это и погубило молодого князя. 27 сентября в районе д. Шарвинишки он был ранен и через два дня скончался в госпитале в Вильно. Обстоятельства этого события приводят в своих воспоминаниях Н.Н. Ермолинский и Г. Гоштвот. Также подробное описание случившегося в письме к матери князя Великой Княгине Елизавете Маврикиевне приводит взводный унтер офицер Карлов, из эскадрона, взводом которого командовал Его Величество в роковой день.

"27-го сентября сего года наш полк шёл в авангарде. Два эскадрона, наш и его Величества шли впереди своего полка, от вышеназванных эскадронов были высланы вправо

и влево заставы. Через некоторое время какая-то боковая драгунская застава заметила неприятельский разъезд и начала его обстреливать. Разъезд, спасаясь от драгунской заставы, нечаянно наскочил на наши главные силы авангарда, во главе которого шёл 4 эскадрон. Названный эскадрон открыл по наскочившему неприятельскому разъезду огонь, который повернул в сторону как раз на заставу эскадрона Его Величества, которая была под командой корнета Безобразова. Желая окончательно разбить наскочивший германский разъезд, корнет Безобразов стал просить о помощи, как только в этом услышал Его Высочество князь Олег Константинович, они немедленно стали просить у эскадронного командира графа Игнатьева разрешения участвовать при атаке неприятельского разъезда, ротмистр граф Игнатьев не разрешили им идти, Его Высочеству очень хотелось быть при этом деле и они выпросились. Его Высочество князь Олег Константинович во главе 3-го взвода пошли преследовать удирающий немецкий разъезд. Мы нанесли неприятелю страшный удар; удирающий разъезд обстреливался; около полверсты я ехал с их Высочеством вместе; так как лошадь их Высочества была гораздо быстрее моей, то я ни в коем случае не мог следовать и остался позади. Первого взвода взводный Попанов с оставшими людьми под командою князя Олега Константиновича, который не от их высочества, с ними вместе ехал эскадрона Его Высочества вольноопределяющийся Бобринский. Взводный Попанов видел как Их Высочество упали с лошади, подъехал с вольноопределяющимся Бобринским к Е.В., стали поднимать их, и увидели что они ранены, они стали спрашивать Е.В., что больно вам, Их В. говорили, что мне не больно."¹⁵

Князю сделали перевязку и отправили в госпиталь в Вильно. Ранение оказалось смертельным, о чём князь долго не подозревал.

Лёжа в госпитале, князь Олег сказал посетившему его Б.А. Адамовичу: «Я так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведёт хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского Дома»¹⁶.

Перед смертью он был награждён Орденом св. Георгия 4-й степени. Корнет Безобразов за этот бой получил такую же награду.

Гавриил и Игорь Константиновичи получили отпуск, чтобы принять участие в похоронах брата. К моменту их возвращения Гусарский полк, истощённый многомесячными боями, был отведён на отдых в Ставку в Барановичах, где он нёс охранную службу. Там во время одного из своих визитов Император пожаловал князьям Георгиевское Оружие, а также орден св. Владимира 4-й степени. Однако после лишений, перенесённых во время августовских боёв, здоровье братьев сильно пошатнулось¹⁷. Князя Гавриила отправили в тыл, в Петроград. В конце 1916 года в Петрограде открылись подготовительные курсы первой очереди военного времени при Императорской Николаевской военной академии, и Гавриил сразу же воспользовался возможностью продолжить военную карьеру. Благодаря ускоренному производству военного времени он получил чин полковника и сдал экзамены 4-м из всего курса. Однако Февральская Революция помешала планам князя продолжить службу в Генеральном Штабе¹⁸.

Князя Игоря, как более здорового, оставили на фронте, однако, несмотря на его протесты, отчислили в Свиту Императора, в которой он и находился до 1917 года. Позже он вместе с братьями Константином и Иоанном был арестован. Вместе с некоторыми другими членами дома Романовых они были зверски замучены большевиками в Алапаевске.

Стоит также упомянуть, что в описываемый период времени воевал ещё один из братьев – князь Константин Константинович младший. В отличие от братьев, он пошёл по стопам отца и нёс службу в лейб-гвардии Измайловском полку. Будучи оторван от семьи и родственников, Константин зачастую находил утешение в письмах к отцу и тётке Великой Княгине Ольге Константиновне, которые сейчас хранятся в ГАРФ. Первое (из сохранившихся) письмо отцу князь написал уже 18 августа из поезда, подходившего к фронту.

3 сентября Измайловский полк перешёл через р. Сан на австрийскую территорию. Вместе с полком князь участвовал в сражениях у р. Сан, Галицийской битве, многочисленных стычках. Ниже приведены цитаты из его писем, посвящённые боям.

"... Ты спрашиваешь, в каких боях я участвовал4 собственно говоря во всех. Но дело в том, что в цепи я не лежал, а всё находился при командире. Один раз я ездил для связи с колонной генерала Брингера. Противник отступал, но всё же его артиллерия стреляла и

шрапнели рвались совсем недалеко. Вообще с пулями и снарядами пришлось познакомиться. Последние рвались над головой неоднократно. Кроме того, в расположении полка приходилось ходить под огнём довольно часто. Бои были у нас начиная с 21 августа по 27 включительно: д. Жуково, у усадьбы Липняк, Ольшанский лес, Романовской роще, у д. Зараюво..."¹⁹

"...Вот уже восьмые сутки, что я в окопах. Правда, не всё время на передовой линии, т.к. несколько дней я был в батальонном резерве, но в этом почти нету разницы. Немцы от нас в тысячи и более шагах. Но всегда приходится быть осторожным, т.к. часто летают как прицельные, так и шальные пули. Вчера у нас зажгли деревню тяжёлыми снарядами..."²⁰

"... После довольно долгой стоянки, мы вчера, или, вернее, третьего дня, попали в бой. Это было нечто совершенно неопишное. Противник почти не переставал, обкатывал нас снарядами. Огонь был адский. У нас убыло 9 офицеров, из которых один скончался. Я был с ротой в резерве, и не пришлось участвовать, но тяжело было за тех, которые были в передовой линии. Несмотря на то, что рота была в резерве, у меня вышибло случайным снарядом 6 человек; раны довольно тяжёлые..."²¹

За участие в боях Константин Константинович был представлен к награждению Георгиевским оружием. Официальное сообщение гласило: "Лейб-гвардии Измайловского полка флигель-адъютанту, поручику Его Высочеству Князю Константину Константиновичу за то, что с отличным мужеством и храбростью во время боёв 21/27 августа 1914 года, при поражении 10-го австрийского корпуса, состоя ординарцем при командире полка, пренебрегая явной опасностью, с полным успехом неоднократно под сильным огнём исполнял ответственные поручения, передавая приказания начальникам боевых участков и выясняя на месте положение наших и неприятельских сил, чем содействовал успешному исходу боёв" Однако начальник дивизии решил что князь достоин Ордена Св. Георгия 4-й степени. Награду Константину Константиновичу вручил сам император."²²

"...Здесь на вспаханном поле построили всю нашу дивизию. Государь обошёл весь фронт и, проходя мимо меня, отдельно со мной поздоровался. В виду того, что офицеров не хватало, мне было приказано принять Царскую роту на время смотра. После обхода были вызваны нижние чины, которым Государь выдавал Георгиевские кресты и медали. <...> Наконец очередь дошла и до нас. Построили всех четырёх командиров: меня, барона Бринкена и ещё нескольких офицеров. Когда Царь ко мне подошёл, Он вручил мне красивую коробочку с крестом и сказал: "Вот тебе". Мне почему-то показалось, что в Его голосе была грустная нота. Потом, конечно, была масса поздравлений. Мне только грустно, что крест я получил по представлению начальства. Я был представлен к Георгиевскому оружию за Люблинские бои, а начальник дивизии написал на реляции, что считает меня достойным Георгия. Собственно говоря, я, по-моему, не подхожу по статуту. С другой стороны, раз Царь мне пожаловал крест, я молчу и буду стараться оправдать эту великую царскую милость..."²³

Заключение. Подводя итог нашему исследованию, скажем, что молодые Романовы с честью исполнили свой долг перед Родиной. Сами они не могли повлиять на ход сражений, так как занимали низшие командные должности, но их участие в кампании 1914-1915 гг. было освещено прессой и использовалось в официальной пропаганде. Конечно, появление на поле боя членов Императорской Фамилии поднимало дух солдат их подразделений, считавших совместную службу с князьями большой честью.

Примечания:

1. Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. 2009. № 3. С. 180—191.
2. Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. 2009. № 3. С. 183.
3. Мария Павловна, великая княгиня. Воспоминания. М.: Захаров. 1998.
4. Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Воспоминания. 2-е изд. М.: Захаров, 2005. С. 215.
5. Там же. С. 218-219.
6. Там же. С. 240.

7. Сергеевский Б. Пережитое, 1914. Белград, 1933. С. 69.
8. Пахалюк К. Романовы в сражениях в Восточной Пруссии в 1914 г. // Рейтар. 2009. № 3. С. 180—191.
9. Отечественная война 1914 года Ч.2. Геройские подвиги русских воинов в Отечественную войну 1914 года. М., 1915. С. 11-12.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ф. 653. оп.1. д. 96.
11. Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Воспоминания. 2-е изд. М.: Захаров, 2005, С. 231.
12. там же, С. 231
13. там же, С. 233-239
14. ГАРФ. ф. 653. оп.1. д. 121
15. ГАРФ. ф. 653. оп.1. д. 123
16. Князь Олег: Репринтное воспроизведение издания 1915 г./ Предисловие и примечания протоиерея Игоря Цветкова. Казань, 1995. С. 180.
17. ГАРФ. ф.657. оп. 1. д. 96
18. Гавриил Константинович, великий князь. В Мраморном дворце: Воспоминания. 2-е изд. М.: Захаров, 2005, С. 282-285.
19. "Милый мой аракчеевец". Переписка великого князя Константина Константиновича с сыном Константином. 1901-1915 гг. / Вступ. ст. публ., коммент. Т.А. Лобашковой//Исторический архив. 2004. №3. С. 136.
20. «Тянет к нормальной жизни – к камину». Письма князя Константина Константиновича великой княгине Ольге Константиновне. 1914-1916 гг./ Вступ. ст., публ., коммент. Т. А. Лобашковой//Исторический архив. 2004. №3. С. 116.
21. «Тянет к нормальной жизни – к камину». Письма князя Константина Константиновича великой княгине Ольге Константиновне. 1914-1916 гг./ Вступ. ст., публ., коммент. Т. А. Лобашковой//Исторический архив. 2004. №3. С. 117.
22. "Милый мой аракчеевец". Переписка великого князя Константина Константиновича с сыном Константином. 1901-1915 гг. / Вступ. ст. публ., коммент. Т.А. Лобашковой // Исторический архив. 2004. №3. С. 139-140.
23. "Милый мой аракчеевец". Переписка великого князя Константина Константиновича с сыном Константином. 1901-1915 гг. / Вступ. ст. публ., коммент. Т.А. Лобашковой // Исторический архив. 2004. №3. С. 110-120.

References:

1. Pakhalyuk K. Romanovy v srazheniyakh v Vostochnoi Prussii v 1914 g. // Reitar. 2009. № 3. S. 180—191.
2. Pakhalyuk K. Romanovy v srazheniyakh v Vostochnoi Prussii v 1914 g. // Reitar. 2009. № 3. S. 183.
3. Mariya Pavlovna, velikaya knyaginya. Vospominaniya. M.: Zakharov. 1998.
4. Gavriil Konstantinovich, velikii knyaz'. V Mramornom dvortse: Vospominaniya. 2-e izd. M.: Zakharov, 2005. S. 215.
5. Tam zhe. S. 218-219.
6. Tam zhe. S. 240.
7. Sergeevskii B. Perezhitoe, 1914. Belgrad, 1933. S. 69.
8. Pakhalyuk K. Romanovy v srazheniyakh v Vostochnoi Prussii v 1914 g. // Reitar. 2009. № 3. S. 180—191.
9. Otechestvennaya voina 1914 goda Ch.2. Geroiskie podvigi russkikh voinov v Otechestvennuyu voinu 1914 goda. M., 1915. S. 11-12.
10. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF). f. 653. op.1. d. 96.
11. Gavriil Konstantinovich, velikii knyaz'. V Mramornom dvortse: Vospominaniya. 2-e izd. M.: Zakharov, 2005, S. 231.
12. tam zhe, S. 231
13. tam zhe, S. 233-239
14. GARF. f. 653. op.1. d. 121
15. GARF. f. 653. op.1. d. 123

16. Knyaz' Oleg: Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1915 g./ Predislovie i primechaniya protoiereya Igorya Tsvetkova. Kazan', 1995. S. 180.
17. GARF. f.657. op. 1. d. 96
18. Gavriil Konstantinovich, velikii knyaz'. V Mramornom dvortse: Vospominaniya. 2-e izd. M.: Zakharov, 2005, S. 282-285.
19. "Milyi moi arakcheevets". Perepiska velikogo knyazya Konstantina Konstantinovicha s synom Konstantinom. 1901-1915 gg. / Vstup. st. publ., komment. T.A. Lobashkovoii//Istoricheskii arkhiv. 2004. №3. S. 136.
20. «Tyamet k normal'noi zhizni – k kaminu». Pis'ma knyazya Konstantina Konstantinovicha velikoi knyagine Ol'ge Konstantinovne. 1914-1916 gg./ Vstup. st., publ., komment. T.A. Lobashkovoii//Istoricheskii arkhiv. 2004. №3. S. 116.
21. «Tyamet k normal'noi zhizni – k kaminu». Pis'ma knyazya Konstantina Konstantinovicha velikoi knyagine Ol'ge Konstantinovne. 1914-1916 gg./ Vstup. st., publ., komment. T.A. Lobashkovoii//Istoricheskii arkhiv. 2004. №3. S. 117.
22. "Milyi moi arakcheevets". Perepiska velikogo knyazya Konstantina Konstantinovicha s synom Konstantinom. 1901-1915 gg. / Vstup. st. publ., komment. T.A. Lobashkovoii // Istoricheskii arkhiv. 2004. №3. S. 139-140.
23. "Milyi moi arakcheevets". Perepiska velikogo knyazya Konstantina Konstantinovicha s synom Konstantinom. 1901-1915 gg. / Vstup. st. publ., komment. T.A. Lobashkovoii // Istoricheskii arkhiv. 2004. №3. S. 110-120.

УДК 94

Младшие члены Дома Романовых на фронтах Первой мировой войны

Илья Александрович Ковалев

Кубанский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе опубликованных и неопубликованных архивных данных, мемуаров белоэмигрантов и изданий ветеранских объединений эмиграции реконструируется прохождение воинской службы представителями Российского Императорского Дома в полевых войсках на линии фронта.

Ключевые слова: Романовы; князья; первая мировая война.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal
--

UDC 947.0

Seizure of Maikop by the Wehrmacht (August 9–10, 1942)

Evgeny F. Krinko

Institute of Social-economic and Humanities Researches
of Southern Scientific Center of Russian Academy of Science, Russian Federation
Rostov-on-Don, 344006, Chekhov's Avenue, 41
Deputy Director, Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Abstract. In the summer of 1942, the Wehrmacht took hold of a large share of North Caucasus towns. This article is dedicated to the seizure of the town of Maikop by German troops within two days – August 9 and 10. It is written based on a number of archive documents and publications of recent years, as well as the reminiscences of participants in and witnesses to these events, including testimonies personally recorded by the author. This information made it possible to not just trace the course of events but assess the way they were perceived by the very residents of the area. The reasons behind such a quick seizure of Maikop are in large measure associated with the course of development of events in the southern sector of the Soviet-German front and the military-technical superiority of the advancing Wehrmacht troops in the course of the second summer campaign of the Great Patriotic War. The Red Army's rifle divisions and brigades weakened in previous battles were unable to withstand the onslaught of the opponent's tank and mechanized formations. The town's unpreparedness to mount a serious defense, a lack of coordination in the actions of the army command and local leadership took the toll. No small part in the seizure of Maikop was played by German diversionists from the "Brandenburg" special-purpose regiment, who managed to sow disarray in the actions of the town's defenders. The sudden occupation of Maikop proved a tragedy for most of its residents.

Keywords: Great Patriotic War; Red Army; Wehrmacht; Maikop; occupation.

Введение. Судьба многих советских городов в годы Великой Отечественной войны складывалась трагично, особенно в ее начальный период. Далеко не все они смогли оказать наступавшему противнику упорное сопротивление, а некоторые были сданы вообще без боя. Крупными «котлами», в которых оказались сотни тысяч бойцов и командиров РККА, завершились оборонительные бои за Минск и Киев. Напротив, оборона Одессы, Ленинграда, Севастополя стала примером стойкости и героизма советских войск в 1941 г.

Летом 1942 г. стратегической инициативой вновь овладело немецкое командование. Для захвата Кавказа была создана группа армий «А» под командованием генерал-фельдмаршала В. Листа, включавшая 1-ю и 4-ю танковые, 17-ю полевую немецкие, 3-ю румынскую армии, при поддержке 4-го воздушного флота. Противостоявшие этой группировке войска РККА существенно уступали ей в военно-техническом отношении, особенно в количестве самолетов и танков. Нанося мощные удары с воздуха по советским позициям, части вермахта переправились через Дон [1. С. 71–91]. Именно тогда, 28 июля появился приказ наркома обороны № 227 («Ни шагу назад!»), запрещавший отступление без приказа вышестоящего командования и предусматривавший создание в РККА

заградительных отрядов, штрафных рот и батальонов. Нелегкая задача сдержать продвижение вермахта на юг возлагалась на Северо-Кавказский фронт, которым командовал Маршал Советского Союза С.М. Буденный. Учитывая отсутствие в степной зоне значительных естественных рубежей, он еще 25 июля писал в Ставку Верховного Главнокомандования о невозможности имеющимися силами остановить вражеское наступление, предлагая отвести войска за реки Кубань и Терек, в предгорья Главного Кавказского хребта, где противник не мог реализовать свое превосходство в технике. К подобному выводу пришел и Генеральный штаб РККА [2. С. 56].

В то же время отдать врагу без боя территорию Северного Кавказа советское руководство не могло. Командование РККА издавало приказы о наведении порядка в отступавших войсках и переходе к наступлению. Но ослабленные в предыдущих боях войска отступали, причем так стремительно, что штаб Северо-Кавказского фронта за семь дней, со 2 по 9 августа, шесть раз поменял дислокацию: из Краснодара переместился в село Новокубанское, оттуда в станицу Белореченскую, затем в поселок Хадыженский, село Георгиевское и, наконец, в район Туапсе [3]. В этих условиях командование нередко теряло управление войсками. Вследствие быстрого продвижения частей вермахта оборона и эвакуация населения и имущества большинства городов Северного Кавказа оказались [4, 5]. Среди них был и административный центр Адыгейской автономной области (в настоящее время – Республики Адыгея) Майкоп, насчитывавший в начале 1942 г. около 62 тыс. чел. [6].

Материалы и методы. Обращение к захвату противником Майкопа позволяет в рамках микроисторического исследования рассмотреть на локальном примере типичные судьбы городов Северного Кавказа в условиях летнего наступления вермахта 1942 г. Статья написана на основе различных источников, включая рассекреченные архивные материалы и документальные публикации последних лет, позволяющие восстановить ход рассматриваемых событий. Немаловажное значение для их осмысления имеют также воспоминания участников и очевидцев захвата Майкопа, как уже опубликованные, так и записанные непосредственно самим автором и содержащиеся в его личном архиве. Проведение опросов опиралось на собственные разработки, а также опыт других российских и зарубежных исследователей в области устной истории.

Обсуждение. В советской военной историографии боевые действия на Северо-Западном Кавказе с 6 по 17 августа 1942 г. обычно рассматриваются как Армави́ро-Майкопская оборонительная операция Северо-Кавказского фронта, предпринятая с целью прикрыть район Майкопа – Туапсе и не допустить противника на побережье Черного моря [7 и др.]. При этом большинство исследователей приводят в качестве даты захвата войсками вермахта Майкопа 9 августа 1942 г. [8. С. 78]. В других работах захват Майкопа датируется 10 [9] и даже 12 августа [10. С. 55]. Главными мотивами захвата противником города считается стремление овладеть Майкопскими нефтяными месторождениями, в связи с чем нередко приводятся слова Гитлера на совещании в штабе группы армий «Юг» 1 июня 1942 г. в районе Полтавы. По словам Ф. Паулюса, фюрер заявил, что если «не получит нефть Майкопа и Грозного, то он должен будет покончить с этой войной» [11. С. 455].

Но о конкретных обстоятельствах захвата Майкопа вплоть до недавнего времени практически ничего не говорилось – ни в воспоминаниях современников, ни в профессиональных исследованиях. В значительной степени это объясняется неудачным ходом боевых действий за Майкоп и в то же время типичностью рассматриваемых событий для многих городов Северного Кавказа, их кажущейся тривиальностью, отсутствием ярких, хорошо известных примеров подвигов советских бойцов и командиров, заведомо снижавшим интерес мемуаристов и историков. Немало сведений о взятии Майкопа приводится в книге участника войны В. Тике, стремившегося описать рассматриваемые события глазами солдат и офицеров вермахта. Написанная еще в 1960-е гг., она была издана на русском языке только в середине 2000-х гг. [12]. Незадолго перед этим вышли первые специальные публикации по данному вопросу и в России [13].

В последние годы получили широкое распространение конспирологические версии прошлого, выступающие формой современной мифологии: быстрый захват советских городов противником нередко объясняется предательством или трусостью их защитников. Несколько лет назад автор получил по электронной почте письмо, написанное, вероятно, под влиянием книги В. Тике. В числе прочих, в нем ставился и следующий вопрос: «Кто из

руководителей понес ответственность и был ли наказан по 227 приказу “ни шагу назад” [стилистика и пунктуация оригинала сохранены – *Е.К.*]. Вероятно, разъяснений о том, что действие приказа № 227 распространялось только на военнослужащих, а гражданских лиц по нему не расстреливали, все-таки недостаточно, и трагические для Майкопа события 9–10 августа 1942 г. нуждаются в дополнительном прояснении.

Результаты. Война с самого начала изменила жизнь Майкопа, как и других советских городов. Многие майкопчане были призваны на фронт, промышленные предприятия перешли на выпуск военной продукции, горожане участвовали в строительстве оборонительных сооружений. Уже в ноябре 1941 г. начались, а в конце июля 1942 г., когда войска вермахта прорвались на Северный Кавказ, возобновились формирование партизанских отрядов, подготовка к эвакуации и уничтожению оборудования, вывозу людей, техники и скота. На казарменное положение был переведен городской истребительный батальон, на основе которого планировалось создание трех партизанских отрядов. Однако события развивались слишком стремительно. В первые дни августа между Донской и Приморской оперативными группами Северо-Кавказского фронта возник стокилометровый разрыв. С севера на Краснодар продвигалась 17-я армия генерал-полковника Р. Руоффа, с востока и северо-востока в направлении Армавира, Майкопа и далее на Туапсе наступала 1-я танковая армия генерал-полковника Э. фон Клейста. Она включала 3-й танковый корпус генерала от кавалерии Э. фон Макензена, 57-й танковый корпус генерала танковых войск Ф. Кирхнера и 44-й армейский корпус генерала артиллерии М. де Ангелеса. Стремясь прорваться к Майкопскому нефтяному району и Черноморскому побережью в районе Туапсе, немецкое командование бросило на это направление шесть дивизий, в том числе две танковые, три моторизованные и одну легкопехотную при поддержке крупных сил люфтваффе. Против ослабленных соединений 12-й армии генерал-майора А.А. Гречко и 1-го отдельного стрелкового корпуса полковника М.М. Шаповалова противник сосредоточил 16-ю моторизованную дивизию генерала танковых войск З. Хенрици, моторизованную дивизию СС «Викинг» группенфюрера СС Ф. Штайнера и 13-ю танковую дивизию генерал-майора Т. Херра. В пехоте противник превосходил советские войска в 4 раза, в авиации – в 7,7 раза, в артиллерии и минометах – в 10 раз, в танках – абсолютно [8. С. 78 и др.].

В ночь на 5 августа Ставка ВГК приказала Северо-Кавказскому фронту «немедленно прочно прикрыть район Майкоп и дорогу Майкоп – Туапсе, с тем, чтобы ни в коем случае не дать противнику возможности выйти с армавирско-майкопского направления на побережье Черного моря». В случае прорыва к Туапсе противник выходил в тыл советских войск, оборонявших Закавказье, а армии, оборонявшиеся на Кубани, оказывались в глубоком «котле». Но протяженность линии фронта 12-й армии достигла 115 км или до 40 км на дивизию. В некоторых стрелковых дивизиях и бригадах к этому времени оставалось по 500–600 бойцов, заканчивались боеприпасы [14. С. 350–351]. Поэтому маршал Буденный приказал командующему 18-й армией генерал-лейтенанту Ф.В. Камкову передать 353-ю и 395-ю стрелковые дивизии, 16-ю и 68-ю стрелковые бригады в состав 12-й армии, а остальными силами – 31, 236-й и 383-й стрелковыми дивизиями, 9-й мотострелковой дивизией НКВД, майкопским и белореченским гарнизонами – прикрыть майкопско-туапсинское направление, не допустив здесь прорыва противника. Со стороны Краснодара в этот район также отходили части 17-го кавалерийского казачьего корпуса. Для поддержки войск, прикрывавших район Майкопа, командование 18-й армией создало артиллерийскую группу из 59 орудий и 60 минометов [10. С. 54–55].

Для большинства майкопчан 9 августа, по-видимому, начинался так же, как и многие другие дни тяжелого лета 1942 г. Майкоп жил в напряженном ритме прифронтового города, жители которого могли получать информацию только из доступных им средств. Таковыми в условиях обязательной сдачи населением радиоприемников еще в начале войны являлись сводки Совинформбюро. С начала августа Совинформбюро сообщало об ожесточенных боях советских войск на территории Краснодарского края и Ростовской области – за станицу Куцевскую, город Сальск, село Белую Глину. Эти сведения выглядели настораживающими, но еще не катастрофическими: все-таки, Куцевскую от Майкопа отделяло 259 км, Белую Глину – 268 км, а Сальск вообще располагался в 329 км. Только 7 августа впервые прозвучало сообщение о боях за Армавир, расстояние до которого составляло 119 км.

В реальности же бои за Армавир начались еще 3 августа, когда к городу подошли передовые части 3-го танкового корпуса. 7 августа город фактически был захвачен вермахтом, хотя его последние защитники продолжали сражаться, покинув Армавир только в ночь на 9 августа [15. С. 88–89].

Между тем, уже 6 августа 13-я танковая дивизия захватила плацдарм на реке Лабе поблизости от станицы Курганной (в настоящее время – город Курганинск) в 84 км от Майкопа. 16-я моторизованная дивизия в тот же день вышла к Лабе у станицы Лабинской (в настоящее время – город Лабинск) в 60 км от Майкопа и на следующий день форсировала ее. Последняя крупная речная преграда была пройдена, а левые притоки Лабы не представляли серьезных трудностей для преодоления. 8 августа 13-я танковая дивизия и 16-я моторизованная дивизия уже готовились к штурму Майкопа [12. С. 68].

Однако в утреннем сообщении Совинформбюро 8 августа говорилось о том, что в течение ночи «наши войска вели бои с противником в районах Клетская, севернее Котельниково, Армавир и южнее Куцевская». В вечернем: «В течение 8 августа наши войска вели ожесточенные бои в районах Клетская, северо-восточнее Котельниково, а также в районах Армавир и Кропоткин» [16]. Эти сведения были фактически повторены на следующее утро [17]. Неудивительно, что предприятия и учреждения Майкопа 9 августа продолжали работать, в них сжигали документы, готовились к эвакуации. Милиционеры и бойцы истребительного батальона стояли на своих постах, охраняя различные объекты. Начать эвакуацию ранее положенного срока означало проявить трусость, а дезертирство сурово каралось по законам военного времени.

Впрочем, о приближении к городу войск противника было известно. В течение нескольких дней через Майкоп шел непрерывный поток отступавших красноармейцев и беженцев. Особенно тревожным выглядело то, что три дня они отступали в направлении Армавира, по улице Некрасова, так как Северная (сейчас – Хакурате), выведившая к Кужорскому переезду, была грязной и разбитой (горожане выгоняли по ней скот на пастбище), а затем повернули в обратную сторону, на Туапсе. Н.П. Кардашов в письме в редакцию газеты «Майкопские новости» отмечал, что лето было жарким, и жители поили усталых красноармейцев водой из колодцев [18]. Оперативный уполномоченный Управления НКВД по Адыгейской АО Иван Петрович Уткин вспоминал, что отступавшие летчики советовали ему: «Уходите отсюда, чего вы сидите, немецкие танки уже под [станцией] Гиагинской в кукурузе стоят» [19].

Был и еще один источник сведений, усиливавший напряжение – это слухи, появлявшиеся всегда, когда официальные средства информации не удовлетворяли граждан. Виктор Максимович Чуканов в своих воспоминаниях отмечал: «Мы ждали немцев, все вроде было нормально, но шли слухи, что учреждения уже эвакуировались, по городу якобы ходили немцы, переодетые в нашу форму» [20]. За распространение слухов в годы войны грозило уголовное наказание. По Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» от 6 июля 1941 г. виновные в этом карались тюремным заключением на срок от двух до пяти лет, если действие не влекло более тяжкого наказания – например, когда слухи распространяли диверсанты врага. Чуканова насторожила пара молодых людей: «Смотрю, ко мне все ближе, метров шесть до ворот, прижимается молодой такой холеный лейтенант, не фронтовик, я сразу отличил. И молодая девушка, может быть, его жена. Девушка говорит: “Ваня, Ваня, слушай, передают, что за Армавир ведутся ожесточенные бои. А ведь Армавир три дня тому назад как сдали немцам”» [20].

Анализ источников позволяет утверждать, что Майкоп оказался практически не готов к серьезной обороне. В объяснительной записке первого секретаря Адыгейского обкома ВКП(б) А.Н. Ермакова впоследствии говорилось: «Имея систематическую связь с командованием Красной Армии, мы не располагали данными об угрозе г. Майкопу в ближайшее время. Кроме того, вокруг г. Майкопа были произведены окопные сооружения, и хотя бы продолжительное время, но бой за Майкоп должен быть. Однако немецкие войска вошли в город без боя и неожиданно не только для нас, но и для командования Красной Армии» [14. С. 403–404]. Воспоминания очевидцев дополняют картину состояния обороны города накануне вторжения вермахта. Н.П. Кардашов по окончании восьми классов работал на механическом заводе имени Фрунзе. Завод не успели эвакуировать, но рабочих

распустили по домам, и он решил пойти посмотреть, какие меры предпринимались для организации обороны города. На западной окраине, у последних домов возле дороги, ведущей на станицу Ханскую, Кардашов увидел врытый в землю легкий танк и проволочные заграждения. Возле вокзала стояла полутоннажная машина, с установкой из четырех пулеметных стволов в кузове. У моста через реку Белую были вырыты окопы, на восточной окраине находились две зенитные пушки. По словам очевидца, впоследствии восемь лет прослужившего в армии: «Сделано было мало, хотя отступающих войск было много. Но без оружия они мало чем могли помочь Майкопу» [19].

Примерно в 10 часов утра 9 августа в небе над городом появились низко летевшие немецкие самолеты, бомбившие и обстреливавшие из пулеметов колонны отступавших красноармейцев и беженцев. В ответ по ним открыла огонь зенитная установка со стороны вокзала. В течение дня самолеты появлялись еще не раз, особенно интенсивно они кружились над мостом через Белую. Очевидцы утверждают, что с самолетов разбрасывались листовки, в которых говорилось: «Ждите нас вечером» [21].

Появившись в очередной раз над Майкопом во второй половине дня, самолеты сбросили бомбы между городом и станицей Ханской. Вслед за ними во второй половине дня в Майкоп вошли немецкие бронетранспортеры и танки, а за ними автоматчики. Это были ударные части 13-й танковой дивизии. Для захвата Майкопа было создано три ударные штурмовые группы – Кризолли, фон Рачека и Штольце. В первую штурмовую группу входило девять бронетранспортеров 1-го батальона 66-го полка, ее действия поддерживали танки второй группы, третью составил 43-й мотоциклетный батальон. Согласно В. Тике, штурмовые группы начали атаку Майкопа в 13 часов со стороны станицы Кужорской. В город они вошли после нескольких мелких боев в 15 часов, а в 18 часов 50 минут боевая группа фон Рачека сумела овладеть районом железнодорожного вокзала. Боевая группа Штольца столкнулась с упорной обороной советских войск у северо-западного въезда в Майкоп и была вынуждена в наступившей темноте отойти на 3 км от города [12. С. 75, 77]. Противник опасался вести бой в ночном городе. К этому моменту областные и городские руководители также покинули Майкоп, считая, что он находится в руках немцев. В докладной записке секретаря по кадрам Адыгейского обкома ВКП(б) Л.Н. Бондаренко сообщается, что город был захвачен в 18 часов 30 минут [14. С. 402].

Немаловажную роль в дезорганизации советской обороны сыграли действия немецких диверсантов из 800-го полка особого назначения «Бранденбург». Группа из 62 военнослужащих – специально подготовленных прибалтийцев и судетских немцев, говоривших по-русски, переодетых в форму солдат НКВД, на трофейных ЗИСах еще 2 августа проникла в Майкоп. Командовал отрядом под видом майора государственной безопасности Трухина лейтенант Адриан фон Фелькерзам – прибалтийский барон, родившийся в Санкт-Петербурге, не одно поколение предков которого верой и правдой служило России (дед, контр-адмирал Д.Г. фон Фелькерзам, был младшим флагманом 2-й Тихоокеанской эскадры в 1905 г.). Пользуясь преимуществом, которое давала форма и документы военнослужащих НКВД, немецкие диверсанты получили необходимую информацию о расположении основных узлов обороны и общей ситуации в городе. Вечером 8 августа они взорвали городской узел связи и вывели из строя все линии связи. Затем захватили телеграфную станцию. На все запросы передавался один ответ: «Город оставлен. Телеграф прекращает свою работу!». На следующий день Фелькерзам, перемещаясь по городу, вносил путаницу и деморализацию в действия его защитников, рассказывая о том, что Майкоп скоро будет обойден, а им следует как можно быстрее оставить позиции и уходить. Другие диверсанты имитировали взрывами гранат артиллерийский обстрел, стремясь вызвать панику, а часть отправилась на буровые и нефтехранилища с приказом об отмене их уничтожения.

Немецкие танки и бронетранспортеры уверенно продвигались по городу, в частности, вышли прямо к зданию обкома партии. Стратегически важный мост через реку Белую захватил переодетый в советскую форму взвод солдат полка «Бранденбург» под командой лейтенантов Прохазки и Зойберлиха на четырех грузовиках. Остановившему их генералу РККА диверсанты объяснили, что едут на усиление охраны моста. Добравшись до моста, «бранденбуржцы» перебили охрану и удерживали его до подхода главных сил, помешав отходу частей РККА [12. С. 75–77]. Но за мостом упорное сопротивление противнику оказали

отступавшие красноармейцы, среди которых были казаки 17-го кавалерийского корпуса. Пристрелив своих лошадей и создав из них подобие бруствера, пулеметчики несколько часов сдерживали атаки намного превосходивших их в численности немецких солдат [22]. Ценой своей жизни отдельные бойцы и командиры задержали дальнейшее продвижение частей вермахта.

Семнадцатилетнему бойцу истребительного батальона Виктору Чуканову, окончившему летом 1942 г. второй курс Майкопского механического техникума, первая встреча с немцами запомнилась на всю жизнь. 9 августа он стоял часовым на посту возле ворот казармы, располагавшейся в здании бывшей городской бани на углу улиц Пролетарской и Жуковского. Около 17 часов по улице Краснооктябрьской со стороны вокзала выехал и остановился прямо посередине перекрестка немецкий танк. От ворот казармы его отделяло всего метров шестьдесят. Из люка вылез танкист в комбинезоне и огляделся по сторонам, вероятно, ориентируясь, куда дальше ехать. Бойцы батальона, первый раз увидев живого немца, забыв об опасности, выбежали на улицу. Окончивший летом курсы снайперов, Чуканов решил застрелить танкиста из винтовки СВТ, однако пожилой боец удержал его от этой рискованной затеи. Танкист сел, танк ушел в сторону городского парка [20].

Старший лейтенант госбезопасности Михаил Васильевич Бучкин, находившийся с другими сотрудниками Управления НКВД по Адыгейской АО в детском приемнике на улице Пушкина, недалеко от городского парка, примерно в это время искал машину для отправки в горы секретных документов. Когда на улицу вышел начальник следственного отдела областного Управления НКВД, лейтенант госбезопасности Б.И. Восс, неожиданно раздались лязг гусениц и автоматные очереди. Он только и успел крикнуть: «Немцы!», как «пулеметные очереди врезались в забор и стены здания, со звоном полетели на тротуар разбитые стекла» [23].

Источники свидетельствуют, что местные власти оказались в растерянности, оставив при отходе документы и материальные ценности, не успели организовать уничтожение предприятий, учреждений и других объектов (в документах отмечалось, что специальные мероприятия в городе были проведены частично). Из города не успели эвакуироваться ни раненые красноармейцы и краснофлотцы, находившиеся на лечении в госпиталях, ни семьи многих коммунистов. Ермаков утверждал, что он неоднократно ставил перед крайкомом партии «вопрос демонтажа предприятий, вывоза продукции, отправки семей нач. состава и ответработников». Однако только «в последние дни перед оставлением г. Майкопа стали давать вагоны» [19. С. 403]. Лидия Михайловна Ксендз рассказала, что когда уже появились немецкие танки, ее мать, инструктора горкома партии, прямо с работы на машине отправили в лес: «А я здесь была. Ко мне мальчишки прибежали и сказали: “Лида, уходи скорее, иначе немцы тебя расстреляют!”». И она убежала из города в лес, прямо в том, в чем была – в летнем платье и тапочках, ничего не взяв с собой [24]. Однако многие уйти не успели. Из 900 членов городской партийной организации на оккупированной территории остались 228 человек, впоследствии часть из них исключили из партии. После освобождения города секретарь Майкопского горкома ВКП(б) Ф.В. Ключко признавался в том, что многие коммунисты упрекали его: «Зачем вы нас здесь бросили». Действительно, по его словам, многие жители просто не смогли выехать, «ведь никто не знал, что 9 августа город будет сдан» [25].

Не успели отойти и советские войска, прикрывавшие Майкоп. Вечером, ночью и на следующий день через город в горы пытались пробиться отдельные красноармейцы и командиры, даже небольшие подразделения. Майкопчане показывали им дорогу, порой сопровождали, некоторых прятали и передевали в гражданскую одежду. По воспоминаниям Владимира Чемгуевича Мезоха, вскоре после того, как в город вошли немцы, к ним во двор «забежал небольшого роста военнослужащий с зелеными петлицами, рванув на себе ворот гимнастерки, закричал: “Женщины, спасите!”... он оказался военным фельдшером первого ранга... Вскоре во дворе появились еще двое военных – моряк и артиллерист, оба офицеры». Раненого моряка перевязали, всех переодели в штатскую одежду и спрятали. Затем к ним присоединились еще один лейтенант и двое солдат [26. С. 11–13]. В.А. Передний вспоминал, что вечером 9 августа «по улице Больничной (сейчас – Гагарина) в сторону Белой отступали наши многочисленные войска. Техники было мало, в

основном “полуторки”. Проезжая часть Больничной была вымощена булыжником, и когда на ней появлялась “полуторка” без скатов, на дисках, раздавался ужасный грохот. Часто такую технику красноармейцы бросали и, прихватив вещмешки, шли пешком. С северной части города немецкая артиллерия обстреливала мост через Белую. Слышались и ружейные выстрелы. К полуночи раздался рокот мотоциклов и грузовиков – это входили в город немецкие войска» [27].

О действиях областного руководства непосредственно 9 августа в докладной записке Бондаренко говорится следующее: «Областной руководящий партийно-советский актив, будучи обстрелян с танков пулеметным огнем и автоматчиками, рассредоточился по близ окружающим дворам и огородам, ибо, будучи вовсе не вооруженными, либо имеющими при себе пистолеты “Коровина”, никакого сопротивления оказать не смогли». Сам Ермаков так описал происходившие события в своей объяснительной записке: «9 августа 1942 г. в 6 ч вечера я решил уничтожить шифродокументы. Спустившись в подвал обкома ВКП(б) с шифрработником обкома ВКП(б) т. Гостевой, сжигая шифродокументы, я заметил, что секретари крайкома тт. Бычков и Попов бросились к свои машинам. Выйдя из подвала, я спросил у т. Бычкова, куда они едут? Т. Бычков ответил, что едут за мост. Я, ничего не подозревая, спустился в подвал и закончил уничтожение шифродокументов. Выйдя из подвала, я понял, что в городе немцы, и мы окружены» [14. С. 404]. В соседнем дворе к ним присоединились другие военные и партийные работники, включая председателя областного исполкома А.Х. Чамокова. Образовавшаяся группа в 30–35 чел. решила выходить из окружения. Журналистка Н.П. Резникова приводит дополнительные драматические подробности поспешного отступления: страдавший грудной жабой Ермаков задыхался, настаивал: «Бросайте меня здесь, а то из-за меня все погибните...». Инструктор отдела агитации и пропаганды обкома ВКП(б) Н.П. Служава отпаивала его водой из фляги [28]. Поскольку мост был захвачен немцами, областными и городскими руководителям пришлось переходить реку вброд. Под вражеским обстрелом погибла Н.Е. Гостева.

По признанию Ермакова, 9 августа они успели сжечь только шифродокументы, а до этого уничтожили архив Адыгейского обкома ВКП(б), текущую переписку и ряд других материалов. Но руководители Адыгеи не сумели вывезти мобилизационный план на случай эвакуации, содержащий данные о расстановке коммунистов для ведения подпольной работы, с указанием их фамилий, мест явок, паролей и отзывов, баз областного и районных подпольных центров, план базирования партизанских отрядов, список их руководящего состава и некоторые другие документы. В несгораемом ящике осталась партийная касса в размере 70 тыс. руб. (по другим данным – 50 тыс. руб.) [14. С. 401, 403–404].

Не успел вывезти шифродокументы и старший лейтенант госбезопасности Бучкин. Его жена, Клавдия Бучкина, работавшая в милиции начальником адресного бюро, отступая вместе с другими сотрудниками НКВД через поселок Краснооктябрьский, к ночи добралась до станицы Дагестанской. Через день она встретила на улице мужа, который, по его словам, просидел весь день 10 августа в Александровской церкви, а ночью добрался до Дагестанской. По воспоминаниям К.А. Бучкиной, муж решил возвращаться в Майкоп за шифродокументами, заявив: «Я один знаю, где они находятся. Враг не должен ими воспользоваться». И они пошли назад в Майкоп, остановились на западной окраине города у лесничего Марьина. Клавдия Бучкина отправилась в город на разведку и выяснила, что в детском приемнике расположилось немецкое подразделение, во дворе находилось много мотоциклов. Когда стемнело, супруги зашли к матери К.А. Бучкиной, проживавшей на улице Максима Горького, где по доносу старшего лейтенанта арестовали. Вначале его отвезли в полицейское управление в районе Старого базара, а оттуда отправили в контрразведку (в настоящее время – гостиница «Майкоп»). Здесь он находился около двух недель, по крайней мере, столько времени от его жены принимали передачи, а затем, вероятно, был расстрелян [23].

Обстоятельства оставления города, действия отдельных руководителей и сотрудников партийных, советских и правоохранительных органов впоследствии стали предметом специальных разбирательств. Лица, поведение которых вызвало сомнения, подвергались дополнительной проверке, к ним применялись различные взыскания и наказания. В частности, крайком партии освободил от должности секретаря по кадрам Адыгейского обкома ВКП(б) Л.Н. Бондаренко, секретаря по промышленности и транспорту горкома

ВКП(б) М. Автаева. Очевидцы рассказывали о расстреле женщины – сотрудника секретного отдела обкома партии, которая не явилась на сборный пункт и не эвакуировалась [29].

Вследствие внезапного захвата города, по словам Бондаренко, «не был выведен организованно истребительный батальон, он бежал поодиночке или мелкими группами, не вооруженным. Абсолютное большинство вооружения и боеприпасов осталось в городе» [14. С. 402–403]. Воспоминания участников событий рисуют достаточно противоречивую картину отхода в лес истребительного батальона. В. Мосягин подтверждал, что планомерный выход был сорван неожиданным появлением немецких войск. По его словам, рота истребительного батальона, в которой он находился, «собралась ехать в лес партизанить. Весь личный состав с оружием в руках вышел со двора здания бывшего сельхозтехникума [в годы войны – механического техникума, в настоящее время – корпуса Майкопского государственного технологического университета – *Е.К.*] и стал готовиться к посадке на автомашину». Однако сначала в небе появились немецкие самолеты, а затем с северной стороны города подошла «колонна стальных громад с крестами». Очевидец сообщил примечательный факт – немецкие танки шли в походном, а не в боевом порядке, по-видимому, даже не ожидая сопротивления: «Орудия зачехлены, люки открыты, из них выглядывают танкисты». Подобная картина не позволяла поверить в реальность происходящего, скорее, напоминала сцену из кинофильма, у Мосягина даже мелькнула мысль: «Наши на трофейных». Лишь появление немецких мотоциклистов развеяло сомнения: «Танки прошли мимо двора, где мы затаились за забором. Сомнения исчезли – в город входил враг. Мелкими группами мы стали пробираться к кирпичному заводу. Перебравшись вброд через Белую, бойцы истребительного батальона скрылись в лесу» [30].

Иван Уткин перед выходом из города также оказался в здании механического техникума. По его словам, после того, как немецкий танк выстрелил по воротам, «через [реку] Белую все ушли. Отступали, как попало» [19]. Следовательно, отдельные бойцы истребительного батальона, вместе с сотрудниками правоохранительных органов, городскими и областными руководителями выбирались из города, как могли, на юг, в направлении Апшеронска и гор.

Напротив, воспоминания Чуканова рисуют более планомерную картину отхода в лес другой части бойцов истребительного батальона, которую сумел собрать в здании городской бани командир одной из рот Ф.М. Стрельников. Вплоть до наступления ночи бойцов не распускали и держали в полном неведении, поскольку командиры и сами не знали, какова ситуация в городе и что им следует предпринять. В 12 часов ночи всех построили в казарме, отдали приказ: «Отходим в лес. Кто не желает идти, уходите, мы вас не принуждаем». По словам Чуканова, все сначала «остались, потому что неудобно было уйти, скажут, что предатель. Но по пути некоторые ночью смылись». Мимо дубзавода, по Профсоюзному переулку колонна вышла в лес. На опушке леса, на рассвете, около 3–4 часов утра, командиры построили бойцов и объявили приказ, по которому истребительный батальон превратился в Майкопский партизанский отряд № 1 «Народные мстители» [31].

В Майкопе 10 и 11 августа продолжались боевые действия. Боевая группа фон Рачека снова перешла в атаку из района вокзала под прикрытием боевой группы Штольца. Несмотря на массивную поддержку артиллерии, в 15 часов она была остановлена ожесточенным сопротивлением советских войск. Только при помощи танков немцам удалось расшить занимаемый плацдарм на Белой. Остатки 9-й мотострелковой дивизии НКВД и 31-й стрелковой дивизии продолжали бои в юго-западной части Майкопа и под станцией Ханской [32. С. 34]. Лишь к вечеру 11 августа противник смог захватить важный шоссе́нный мост на дороге, ведущей к Туапсе, обойдя его защитников с тыла. Тем не менее, уже вечером 10 августа последовало специальное сообщение немецкого радио о взятии Майкопа. За этот успех командир 13-й танковой дивизии генерал-майор Херр был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту [12. С. 77–78]. лейтенант Фелькерзам удостоен Рыцарского креста Железного креста.

Вечером 10 августа об ожесточенных боях в районе Майкопе впервые сообщило и Совинформбюро [33]. Эти же сообщения продолжали передаваться в течение последующих пяти дней, и только вечером 16 августа последовало признание: «Наши войска оставили город Майкоп». При этом отмечалось: «Оборудование майкопских нефтепромыслов и все наличные запасы нефти своевременно вывезены, а сами нефтепромыслы приведены в

полную негодность. Немецкие фашисты, рассчитывавшие то взятием Майкопа поживиться за счет советской нефти, просчитались: советской нефти они не получили и не получают» [34]. К этому времени войска противника были остановлены в предгорьях западной части Главного Кавказского хребта. Прорваться к Туапсе им не удалось.

Заключение. Причины неожиданно быстрого захвата немецкими войсками Майкопа в значительной степени объясняются превосходством вермахта в военной технике, вооружении, боевом опыте и подготовке войск. Ослабленные стрелковые дивизии и бригады РККА не сумели остановить натиск танковых и механизированных соединений противника. Отрицательную роль сыграла несогласованность в действиях военного командования и местного руководства, не сумевших подготовить серьезную оборону города. Противника ждали с севера, со стороны Краснодара и станицы Белореченской (в настоящее время – город Белореченск), а он появился с востока, со стороны Армавира. Следует отметить решительность и инициативу в действиях частей вермахта. По словам В. Тике: «Штурм Майкопа представлял собой одну из самых отчаянных операций в военной истории» [12. С. 73]. Действительно, диверсанты-«бранденбуржцы» помогли уже первым штурмовым отрядам овладеть центром города, что позволило противнику избежать его длительной и утомительной осады. Тем не менее, диверсантам не удалось предотвратить уничтожения нефтепромыслов и нефтехранилищ, являвшегося их главной задачей. Немало советских бойцов и командиров продолжало сражаться, даже находясь в окружении, ценой своей жизни задерживая дальнейшее продвижение вермахта.

Приход оккупантов вызвал шок у многих жителей города. Г. Горбатенко так запомнила начало оккупации: «Накануне, на ночь, нас мама повела ночевать в соседский окоп (рыли несколько соседей вместе). Накрыли окоп периной, и мы, дети уснули. Матери сидели над нами. Проснулись вскоре от крика. В окоп прыгнули двое пареньков – солдат. Говорили, что отстали от роты, просили укрыть их. Матери плакали, и мы просили их уйти, боялись, чтоб из-за них немцы не постреляли нас. Солдаты ушли на рассвете, а днем появились немецкие мотоциклисты, танки» [35]. По словам С. Фирсова: «В далекий августовский день сорок второго, как сейчас помню, я впервые увидел немецкие машины, движущиеся по склону Северо-Восточных садов со стороны станицы Кужорской. Еще не все происходящее осознавая до конца, мы, восьмилетние пацаны, твердо поняли одно – наступили оккупация» [36]. Еще одна жительница Майкопа писала: «Мне было тогда шесть лет, но я хорошо помню, как это было. Над городом нависла какая-то черная туча. Наверное, что-то горело. К нашему домику (в начале улицы Шовгенова) подкатили немцы на мотоциклах. Забежали в дом, начали хватать продукты – молоко, сало, яйца – и тут же начали кормить своих собак» [37].

«Черная туча, накрывшая город», стала своеобразным символом времени немецкой оккупации для многих жителей города. Трудно установить, была ли на самом деле погода пасмурной, стоял ли над городом дым от разрывов, или это лишь образное выражение, отразившее соответствующую эмоциональную реакцию на приход захватчиков. Но очевидно, что в той гамме чувств, которую испытывали многие майкопчане 9–10 августа, присутствовал не только страх за свою судьбу и судьбу своих близких, но и тревога за родной город. Находившаяся в лесу Любовь Фролова (дочь лесника М.Х. Щербаня, ставшего в период оккупации проводником Майкопского отряда № 1 «Народные мстители»), вспоминала, что 9 августа слышала «со стороны Кужорского шляха лязг гусениц, столько немецких танков шло, что все грохотало. Со стороны Майкопа была слышна канонада, а потом зарево поднялось, все горело. Все, даже мужчины, стояли и плакали». Кормившая четырехмесячную дочь, Фролова так сильно переживала сдачу Майкопа, что «наутро молока не стало» [29].

9 августа 1942 г. – день начала немецкой оккупации – стал экстремальной ситуацией, которая перечеркнула пополам судьбы многих майкопчан, разделив их жизнь на две половины. С этого дня жизнь в городе резко изменится, будет введен комендантский час, ограничено свободное передвижение. На улицах станет звучать чужая речь, в домах расположатся немецкие, австрийские, словацкие, румынские солдаты и офицеры, нередко выселявшие хозяев в подсобные помещения. Стены домов и фонарные столбы оклеят приказами немецкого коменданта, обещавшими расстрел за любые нарушения «нового порядка». Через пять с половиной месяцев, в самом конце января 1943 г. в город войдут

партизаны и части РККА, освобождая его от солдат вермахта. Но последствия оккупации будут сказываться и потом: в советских анкетах требовалось указывать сам факт пребывания гражданина на оккупированной территории, и это обстоятельство могло негативно повлиять на поступление человека в институт, его продвижение по службе, выезд за границу. Но все эти события произойдут уже после 9 августа 1942 г. В тот день в город только входили немецкие войска, и майкопчане могли лишь предполагать, что будет дальше. Каждый оказался в ситуации глубокого нравственного выбора, решая для себя, что делать: уйти к партизанам, оказаться на службе в полиции и местной администрации или жить, как ни в чем не бывало. Выбор решения зависел от разных факторов, но во многом определял дальнейшую жизнь человека.

Примечания:

1. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф., Курбат Т.Г. Война. Юг. Перелом (лето 1942 – осень 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 284 с.
2. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. М.: Воениздат, 1989. 560 с.
3. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-а. Оп. 2. Д. 391. Л. 1–2.
4. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 564 с.
5. Кринко Е.Ф. Трагический август. Кубань в 1942 году // Кубанский сборник: сб. науч. статей по истории края. Краснодар: ООО «Книга», 2006. Т. 1 (22). С. 225–236.
6. Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 7. Л. 1.
7. Гречко А.А. Годы войны, 1941–1943. М.: Воениздат, 1976. 574 с.
8. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М.: Воениздат, 1967. 424 с.
9. Освобождение городов: справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Воениздат, 1985. 598 с.
10. Битва за Кавказ. М.: Триада-ф, 2002. 411 с.
11. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 г. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.). М.: Воениздат, 1961. 682 с.
12. Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
13. Кринко Е.Ф. Майкоп, 9 августа 1942 года // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: «Меоты», 2003. Вып. 6, 7. С. 307–314 и др.
14. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Кн. 1.: Хроника событий 1941–1942 гг. 2-е изд. Краснодар: Диапазон-В, 2005. 816 с.
15. Яковлев С.Ю. Армавир в годы оккупации // Вклад кубанцев в победу над фашизмом. Краснодар: Краснодарские известия, 1996.
16. От Советского Информбюро. 08 августа 1942. URL: <http://9may.ru/08.08.1942/inform> (дата обращения 14.11.2013).
17. От Советского Информбюро. 09 августа 1942. URL: <http://9may.ru/09.08.1942/inform> (дата обращения 14.11.2013).
18. Личный архив Е.Ф. Кринко. Письмо Н.П. Кардашова в редакцию газеты «Майкопские новости» (январь 2001 г.).
19. Личный архив Е.Ф. Кринко. Респондент: Уткин Иван Петрович, 1916 г.р., записан Е.Ф. Кринко 03.08.2002 в г. Майкопе.
20. Личный архив Е.Ф. Кринко. Респондент: Чуканов Виктор Максимович, 1925 г.р., записан Е.Ф. Кринко 03.11.2001 в г. Майкопе.
21. Игнатова Ф. Немцам нравилась Любовь Орлова // Майкопские новости. 2002. 25 января.
22. Роженкова В. Последний защитник моста // Майкопские новости. 2000. 28 января.
23. Алексеев А. Поиск продолжается // Майкопские новости. 1995. 18 апреля.
24. Личный архив Е.Ф. Кринко. Респондент: Ксендз Лидия Михайловна, записана Е.Ф. Кринко 16.11.2001 в г. Майкопе.
25. Хранилище документов новейшей истории Национального архива Республики Адыгея. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1. Л. 9.

26. Мезох В.Ч. Жизнь и профессия летчика-испытателя Гражданской авиации. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. 344 с.
27. Оккупация // Майкопские новости. 2001. 26 января.
28. Резникова Н. Наташа – партизанка // Адыгейская правда. 1968. 27 января.
29. Личный архив Е.Ф. Кринко. Респондент: Фролова (в девичестве – Щербань) Любовь Михайловна, записана Е.Ф. Кринко 27.07.2002 в г. Майкопе.
30. Мосягин В. Как появился враг // Советская Адыгея. 1993. 30 января.
31. Кринко Е.Ф. Майкопские партизаны. Майкоп: ООО «Аякс», 2007. 347 с.
32. Пятигорский Э.И. На острие войны. Кубань. 1942. Август. Туапсе: ГУ «Краснодарский краевой центр военно-патриотической и поисковой работы и допризывной подготовки молодежи», 2005. 48 с.
33. От Советского Информбюро. 10 августа 1942. URL: <http://9may.ru/10.08.1942/inform> (дата обращения 14.11.2013).
34. От Советского Информбюро. 16 августа 1942. URL: <http://9may.ru/16.08.1942/inform> (дата обращения 14.11.2013).
35. Горбатенко Г. До сих пор жду отца // Советская Адыгея. 1994. 8 декабря.
36. Фирсов С. Кусочек белого хлеба // Майкопские новости. 1995. 26 апреля.
37. Шкурина Н. Нависла черная туча // Советская Адыгея. 1993. 30 января.

References:

1. Matishov G.G., Afanasenko V.I., Krinko E.F., Kurbat T.G. Voina. Yug. Perelom (leto 1942 – osen' 1943 gg.). Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2012. 284 s.
2. Shtemenko S.M. General'nyi shtab v gody voiny. V 2 kn. M.: Voenizdat, 1989. 560 s.
3. Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraya. F. 1774-a. Op. 2. D. 391. L. 1–2.
4. Linets S.I. Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg.). Rostov n/D: Izd-vo SKNTs VSh, 2003. 564 s.
5. Krinko E.F. Tragicheskii avgust. Kuban' v 1942 godu // Kubanskii sbor-nik: sb. nauch. statei po istorii kraya. Krasnodar: ООО «Kniga», 2006. T. 1 (22). S. 225–236.
6. Natsional'nyi arkhiv Respubliki Adygeya. F. R-4. Op. 2. D. 7. L. 1.
7. Grechko A.A. Gody voiny, 1941–1943. M.: Voenizdat, 1976. 574 s.
8. Grechko A.A. Bitva za Kavkaz. M.: Voenizdat, 1967. 424 s.
9. Osvobozhdenie gorodov: spravochnik po osvobozhdeniyu gorodov v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945. M.: Voenizdat, 1985. 598 s.
10. Bitva za Kavkaz. M.: Triada-f, 2002. 411 s.
11. Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuza 1941–1945 gg. T. 2. Otrazhenie sovetskim narodom verolomnogo napadeniya fashistskoi Germanii na SSSR. Sozdanie uslovii dlya korenного pereloma v voine (iyun' 1941 g. – noyabr' 1942 g.). M.: Voenizdat, 1961. 682 s.
12. Tike V. Marsh na Kavkaz. Bitva za neft'. 1942/1943. M.: Eksmo, 2005. 448 s.
13. Krinko E.F. Maikop, 9 avgusta 1942 goda // Informatsionno-analiticheskii vestnik. Istoriya. Etnologiya. Arkheologiya. Maikop: «Meoty», 2003. Vyp. 6, 7. S. 307–314 i dr.
14. Kuban' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945: rassekrechennye dokumenty. Khronika sobytii: v 3 kn. Kn. 1.: Khronika sobytii 1941–1942 gg. 2-e izd. Krasnodar: Diapazon-V, 2005. 816 s.
15. Yakovlev S.Yu. Armavir v gody okkupatsii // Vklad kubantsev v pobedu nad fashizmom. Krasnodar: Krasnodarskie izvestiya, 1996.
16. Ot Sovetskogo Informbyuro. 08 avgusta 1942. URL: <http://9may.ru/08.08.1942/inform> (data obrashcheniya 14.11.2013).
17. Ot Sovetskogo Informbyuro. 09 avgusta 1942. URL: <http://9may.ru/09.08.1942/inform> (data obrashcheniya 14.11.2013).
18. Lichnyi arkhiv E.F. Krinko. Pis'mo N.P. Kardashova v redaktsiyu gazety «Maikopskie novosti» (yanvar' 2001 g.).
19. Lichnyi arkhiv E.F. Krinko. Respondent: Utkin Ivan Petrovich, 1916 g.r., zapisan E.F. Krinko 03.08.2002 v g. Maikope.
20. Lichnyi arkhiv E.F. Krinko. Respondent: Chukanov Viktor Maksimovich, 1925 g.r., zapisan E.F. Krinko 03.11.2001 v g. Maikope.
21. Ignatova F. Nemtsam nrazilas' Lyubov' Orlova // Maikopskie novosti. 2002. 25 yanvarya.
22. Rozhenkova V. Poslednii zashchitnik mosta // Maikopskie novosti. 2000. 28 yanvarya.

23. Alekseev A. Poisk prodolzhaetsya // Maikopskie novosti. 1995. 18 ap-relya.
24. Lichnyi arkhiv E.F. Krinko. Respondent: Ksendz Lidiya Mikhailovna, zapisana E.F. Krinko 16.11.2001 v g. Maikope.
25. Khranilishche dokumentov noveishei istorii Natsional'nogo arkhiva Respubliki Adygeya. F. 1. Op. 3. D. 1. L. 9.
26. Mezokh V.Ch. Zhizn' i professiya letchika-ispytatelya Grazhdanskoi aviatsii. Maikop: GURIPP «Adygeya», 2001. 344 s.
27. Okkupatsiya // Maikopskie novosti. 2001. 26 yanvarya.
28. Reznikova N. Natasha – partizanka // Adygeiskaya pravda. 1968. 27 yanvarya.
29. Lichnyi arkhiv E.F. Krinko. Respondent: Frolova (v devichestve – Shcher-ban') Lyubov' Mikhailovna, zapisana E.F. Krinko 27.07.2002 v g. Maikope.
30. Mosyagin V. Kak poyavilsya vrag // Sovetskaya Adygeya. 1993. 30 yanvarya.
31. Krinko E.F. Maikopskie partizany. Maikop: OOO «Ayaks», 2007. 347 s.
32. Pyatigorskii E.I. Na ostrie voiny. Kuban'. 1942. Avgust. Tuapse: GU «Krasnodarskii kraevoi tsentr voenno-patrioticheskoi i poiskovoi raboty i doprizyvnoi podgotovki molodezhi», 2005. 48 s.
33. Ot Sovetskogo Informbyuro. 10 avgusta 1942. URL: <http://9may.ru/10.08.1942/inform> (data obrashcheniya 14.11.2013).
34. Ot Sovetskogo Informbyuro. 16 avgusta 1942. URL: <http://9may.ru/16.08.1942/inform> (data obrashcheniya 14.11.2013).
35. Gorbatenko G. Do sikh por zhdu ottsa // Sovetskaya Adygeya. 1994. 8 dekab-rya.
36. Firsov S. Kusocek belogo khleba // Maikopskie novosti. 1995. 26 apre-lya.
37. Shkurina N. Navisla chernaya tucha // Sovetskaya Adygeya. 1993. 30 yanvarya.

УДК 947.0

Захват вермахтом Майкопа (9–10 августа 1942 г.)

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра РАН, Российская Федерация
Заместитель директора, доктор исторических наук
г. Ростов-на-Дону, 344006, проспект Чехова, 41
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Аннотация. Летом 1942 г. вермахт овладел значительной частью городов Северного Кавказа. Статья посвящена захвату немецкими войсками города Майкопа в течение двух дней – 9 и 10 августа. Она написана на основе архивных документов и публикаций последних лет, а также воспоминаний участников и очевидцев рассматриваемых событий, в том числе, записанных непосредственно автором. Они позволили не только проследить ход событий, но и оценить их восприятие самими жителями. Причины столь быстрого захвата Майкопа во многом объясняются общим ходом развития событий на южном участке советско-германского фронта и военно-техническим преимуществом наступавших частей вермахта в ходе второй летней кампании Великой Отечественной войны. Ослабленные в предыдущих боях стрелковые дивизии и бригады Красной армии не сумели остановить натиск танковых и механизированных соединений противника. Сказались неподготовленность города к серьезной обороне, несогласованность в действиях армейского командования и местного руководства. Немаловажную роль в овладении Майкопом сыграли немецкие диверсанты полка специального назначения «Бранденбург», сумевшие внести дезорганизацию в действия защитников города. Неожиданная оккупация Майкопа стала трагедией для большинства его жителей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Красная армия; вермахт; Майкоп; оккупация.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94(520).03

The Death of an Old Enemy. Cruiser "Niitaka" End

Roman V. Lapshin

Union of Youth "ZAZ", Ukraine

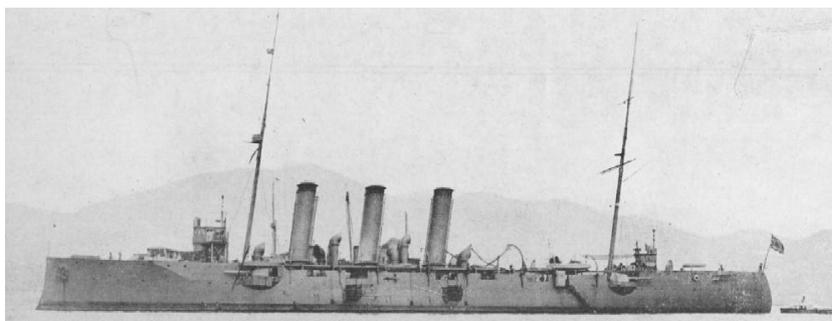
Abstract. The paper presents a biography of the Japanese cruiser «Niitaka», an active participant in the Russian-Japanese war. There was reconstructed the end of her career, the death of a typhoon in August 1922.

Keywords: Japan; Russia, intervention; Far East, Navy.

Введение. Крах старой России привел к вооруженной интервенции со стороны ее бывших союзников в гражданской войне. Действия противников новой власти поддерживали части под различными флагами. На Дальнем Востоке, кроме американских, английских, французских и китайских кораблей, обеспечение и перевозки на море вели и давние противники бывшей Империи: корабли японского флота – участники войны 1904–1905 гг. С лета 1918 г. немногочисленные корабли русской Сибирской флотилии плотно стояли во Владивостоке и в море ходили редко. Корабли и суда интервентов плавали у берегов Камчатки, Командорских островов, северного Сахалина, в устье Амура. Японские миноносцы осенью 1918 г. дошли до Хабаровска – даже русские корабли класса до этого заходили туда всего пару – тройку раз. Интервенты высаживали десанты, стреляли по берегу, контролировали перевозки, а единственную потерю понесли на закате Сибирской экспедиции, но она была весьма символичной. Будто разгневавшись на прощание, врагу отомстила природа: в конце августа 1922 г. жертвой тайфуна у берегов Камчатки стал японский «Niitaka».

Результаты. Бронепалубный крейсер с таким именем был назван в честь горы на острове Формоза (Тайвань – в те годы в составе Японии) и заложен в военно-морском арсенале в Йокосуке 7 января 1902 г. Чуть больше чем через полгода – 15 ноября 1902 г. его спустили на воду и до начала войны с Россией он успел вступить в строй. Двухвинтовой корабль имел отношение к широко известной в то время так называемой «эльзвикской» серии и имел такие характеристики: водоизмещение 3420 (3760 максимум) т. Длина 102 / 104,1 м. Ширина 13,44 м. Осадка 4,92 м. Бронирование – палуба: 37-63 мм. Боевая рубка: 102 мм. Силовая установка – 2 вертикальные машины тройного расширения 16 котлов Никлосса 9500 л.с. Скорость 20 узл. (37 км/ч.). Дальность плавания 4000 миль. Вооружение 6 152-мм. 10 76-мм. 4 47-мм. Экипаж в различные годы включал: 290-320 чел. Однотипным собратом был «Tsushima». Корабли планировались для разведывательной и сторожевой службы и по конструкции мало отличались от крейсера «Suma», обладая большим водоизмещением, что позволило повысить мореходность и усилить вооружение (152-мм орудия вместо 120-мм). Их 152-мм орудия, для повышения остойчивости, поставили в спонсонах по бортам, но довольно низко к воде и в свежую погоду их заливали волны. Противоминная артиллерия была в центральной части корпуса, установка боевых марсов не предусматривалась, от торпедных аппаратов решили отказаться.

Вскоре после вступления в строй «Niitaka» получил боевое крещение - 27 января 1904 г., в составе 4-го боевого отряда Соединенного флота под командованием контр-адмирала С. Уриу, он принял участие в бою у Чемульпо с русским крейсером «Варяг» и канонеркой «Кореец». Утром 1 августа 1904 г., в составе 2-й эскадры Соединенного флота вице-адмирала Х. Камимуры, участвовал в бою с владивостокским отрядом крейсеров, в котором русские потеряли крейсер «Рюрик» и спасал моряков его команды. В ходе битвы в Желтом море вел перестрелку с прорывавшимся крейсером «Аскольд», а после падения Порт-Артура был в числе дозорных кораблей базировавшихся на Пескадорских островах.

Крейсер «Niitaka» на рейде

В ходе Цусимского сражения в составе 3-го боевого отряда вице-адмирала Дева, под командованием капитана 1-го ранга Соодзи, снова удалось отличиться. Если 14 мая 1905 г. особых успехов не было – шла перестрелка с крейсерами контр-адмирала Энквиста, с утра 15-го наступил «звездный час». Вначале, с крейсером «Otowa» и миноносцем «Murakumo», он вел преследование поврежденного днем 14 мая крейсера «Светлана» и около 11 дня смог добить противника. Сразу после этого, ушли за сопровождавшим русский крейсер миноносцем «Быстрый» и вынудили выбраться на берег, где экипаж взорвал миноносец. С вечера того же дня, в составе отряда из шести крейсеров и четырех миноносцев добивал поврежденный «Дмитрий Донской». Бой затянулся – русские долго отстреливались и лишь ранним утром 16 мая затопили крейсер близ острова Дажелет в Японском море. Его гибель стала последним аккордом Цусимы.

Хотя бои на суше длились еще несколько месяцев – исход войны стал ясен после разгрома флота. Одним из следствий Портсмутского мира стало заключение между Россией и Японией в июле 1907 г. конвенции, упорядочившей отношения в рыболовной сфере. Срок ее действия – 12 лет. Япония получала серьезные преференции на лов рыбы в русских водах и не преминула ими воспользоваться. Особый интерес тут представляла Камчатка с огромными запасами крабов и красной рыбы. Если в 1903 г. выставлялись на торги всего 8 участков, в 1907 г. их стало 74, а в 1912 г. - уже 197. При этом на долю русских рыболовов приходилось не более 15 % их числа и часто арендованные промыслы сдавались в субподряд японцам. Причем еще в 1907 г., в камчатские воды, для поддержки собственных рыбаков, зашел старый корвет «Hiei», к тому времени ставший судном охраны рыболовства. «Niitaka» после войны участвовал в патрульной службе у китайских берегов и у корейского побережья, ходил с визитом в Манилу.

Если до начала гражданской войны действия вели с оплатой аренды и контролем за деятельностью со стороны промыслового надзора, после падения Советской власти во Владивостоке и фактического открытия границ пришло время начать «ловлю рыбы в мутной воде». Достаточно было иметь военную силу – за такой «мелочью» дело не стало. Уже 14 июля 1918 г. Усть-Большерецк посетил японский корвет «Musashi» (в русских документах – крейсер). 31 июля он зашел в Петропавловск словно на разведку и 4 августа покинул Авачинскую губу. Однако уже 10 августа корвет вернулся, привезя японского консула С. Огата. До весны 1920 г. серьезных эксцессов не было и боевые корабли были в Петропавловске периодически, но после разгрома Колчака и смены власти ситуация изменилась – 25 июня в Авачинскую губу вошел отряд в составе вооруженного транспорта «Koshu» как плавбазы и 9-го отряда миноносцев. Командир заявил, что их цель охрана

рыбалок и японских подданных, на территории Камчатской области. В то же время, в восточной части полуострова, объявился крейсер «Niitaka» под командованием капитана 1-го ранга Хиеда Ричи Арита.

К тому времени корабль успел поучаствовать в мировой войне – осенью 1914 г. участвовал в осаде германской базы Циндао, затем, в составе 3 флота базировался в Сингапуре прикрывая союзные перевозки в Индийском океане. В феврале 1915 г. 158 моряков с него и крейсера «Otowa» совместно с десантниками русского вспомогательного крейсера «Орел» и английскими силами подавляли мятеж индийских сипаев в Сингапуре.

С середины 1915 по конец 1916 г. попеременно с «Tsushima» базировались в Кейптауне в Южной Африке. С января 1917 г., в составе 1-го Специального эскадрона, куда также входили крейсера «Yahagi» и «Tsushima» и 4 эсминца 2 дивизиона, ходил к Малаккскому проливу для конвоирования транспортов, а с 26 марта 1917 г. вошел в 3 Специальный эскадрон, который действовал у восточного побережья Австралии и Новой Зеландии. В родные воды он вернулся в октябре 1918 г.

В начале августа 1920 г. «Niitaka» зашел в Петропавловск и утром 10 августа ушел в Усть-Камчатск, 31 августа вернувшись в Авачинскую бухту. 26 августа «Koshu» и миноносцы ушли из Петропавловска, а занявший их место «Niitaka» 17 сентября даже устроил гонки экипажа на шлюпках. В конце месяца крейсер убыл на родину, а на смену прибыли броненосец «Iwami» (бывший русский «Орел») и транспорт «Kanto» (до войны 1904–1905 гг. пароход Русской Восточно-Азиатской кампании «Манчжурия»). Поначалу интервенты вели себя прилично и 9 октября 1920 г. Камчатский облисполком даже удовлетворил просьбу командира «Iwami» капитана 2 ранга Сиране о сдаче в аренду бывшего здания суда для отдыха матросов на берегу. Однако зимовка вызвала скандалы.

Петропавловск в те годы был небольшим портопунктом, в котором отсутствовала инфраструктура обеспечения крупных кораблей. Не было хороших причалов, порталных кранов, утилизационных емкостей – японцы зимой сбрасывали отходы на лед, а это могло повредить рыбалке жителей, в чьем рационе рыба играла важную роль. Протесты властей японцы не воспринимали, продолжая загрязнять экологию – безобразие окончилось после схода льда и отбытия в середине июня 1921 г. незваных гостей на родину. Перед этим прошел и вовсе вопиющий случай – 20 мая «Iwami» посетил остров Беринга, где команда споила местных жителей и оставила на берегу «подарки» в виде 9 пудов риса и старого обмундирования. Жители решили вернуть дар японцам, использовав зашедшую на остров бывшую яхту губернатора «Адмирал Завойко», но шторм вынудил ее уйти в море.

«Niitaka» в том году на Камчатку не приходил – окончившаяся мировая война и начатая новая гонка вооружений поставили перед властями страны выбор о списании устаревших кораблей. Хотя потери флота в войне были минимальны, а территорий даже прибавилось, интервенция в Сибири стоила немалых денег, начался новый экономический кризис, а планы усиления флота были готовы вылиться в грандиозную программу «8 – 8» для новых линкоров – кое от кого пришлось избавляться. «Niitaka» в «расстрельный» список не попал – ему не было и 20 лет, но в том году прошел модернизацию – сняли 4 76-мм и все 47-мм орудия, на корме появилась зенитная пушка, вооружение дополнили 4 пулемета «Льюис» на мостике. Сразу после ремонта он снова ушел на патрулирование в южный Китай и воды северной части голландской Ост-Индии (соврем. Индонезия).

7 сентября 1921 г. очередные японские миноносцы снова покинули Камчатку уйдя на зимовку домой. Крупные корабли чувствовали себя в Петропавловске как дома – досуга особо не было и 13–14 сентября команду сменившего миноносцы крейсера «Chitose» возили для тренировки в стрельбе из ружей в район Култучного и Халктырского озер. К тому времени Петропавловск был неким анклавом – на полуострове оставалась Советская власть, хотя во Владивостоке ее свергли еще в мае. Долго так продолжаться не могло – 25 сентября из Владивостока ушла экспедиция с десантом «для наведения порядка». 28 октября один из ее кораблей – буксир «Свирь» - вошел в Авачинскую губу и 29 октября власть сменилась. 11 ноября в порт пришел пароход «Кишинева», на нем приехал новый начальник края – Х.П. Бирич.

Японцы на русских внимания не обращали. «Chitose» в начале октября 1921 г. сменил «Kanto», правда в этот раз об утилизации позаботились и скандалов не было. Транспорт

зимовал в порту, а экипаж старался наладить отношения с жителями: 7 февраля 1922 г. его представители прибыли на первое заседание новой городской Думы, 9 апреля, на праздник Вербного воскресенья, учащиеся городского училища посетили «Kanto», в пасхальные торжества на берегу играл его духовой оркестр, 16 мая, по случаю ухода в Японию, командир, капитан 1-го ранга Сицида, устроил прием для жителей. Вскоре «Kanto» ушел на восточный берег и 25 мая отбыл в свои воды, а 29 мая снова появился «Musashi». Затем интервенты стали появляться и уходить с калейдоскопической быстротой – вечером 12 июня прибыл пароход «Kosoku-Maru», доставивший уголь для военных кораблей.

16 июня в Петропавловск прибыл «Niitaka» (еще 1 сентября 1921 г. пониженный в звании до корабля береговой обороны 2 класса) в сопровождении новых эсминцев «Maki» и «Keyaki». 20 июня на бывшем крейсере устроили прием для городских властей. В этот же день на западный и восточный берега Камчатки ушли эсминцы, в Усть-Камчатск и Анадырь убыл транспорт «Koshu», а на север «Musashi». Эсминцы вернулись в воскресенье 2 июля. Рано утром 5 июля на западный берег снялся «Niitaka». 15 июля в порт прибыл транспорт «Tsurugisaki», привезший отряду продукты. 20 июля вернулся «Niitaka», а на смену вышли миноносцы: один на север, другой – на западное побережье. 25 июля в порт пришел транспорт «Nojima» и 27-го ушел в воды восточной Камчатки. Интервенты не встречали противодействия и плавали в русских водах как хотели, но и в этих условиях пром. надзор вел борьбу с браконьерами.

4 августа в Петропавловск приехал заведующий промыслами Командорских островов Храмов, сообщивший, что 11 июля, на острове Медном, надзор задержал шлюпку с пятью японцами со шхуны «Nichiman-Maru». Сама шхуна успела уйти. 23 июля надзор арестовал шхуну «Scito-Maru», везшую 96 котиковых шкур и 5 живых песцов. Всего на борту было 19 браконьеров, которых эсминец «Maki» доставил в Петропавловск. Сама шхуна стояла на острове Медном до выяснения.

В воскресенье 6 августа командир «Niitaka» решил устроить спортивные игры и бег на призы, для чего дал объявление: «Начало в 12 часов дня. Вход бесплатный. Японское командование приглашает смотреть игры и желающих принять участие». 8 августа вернулся «Keyaki», а утром 11 августа на восточный берег ушел «Maki». 12 августа, на западное побережье отбыл «Niitaka» - как оказалось в последний поход.

Как разворачивались события, повествует японская сводка для прессы: «Крейсер «Niitaka» стоял на якоре в море у реки Озерной, в точке 51° с. ш. и 32° в. д. Ночью 23 августа подул тайфун с юго-востока и экипаж приготовился к встрече. Утром 26 августа юго-восточный ветер сменился, и тайфун подул с юго-запада. Набежали волны и покрыли палубу сплошным валом, вода полилась во внутренние части и лишила возможности топить котел. Берег покрылся густым туманом и вскоре корабль соприкасался с берегом.

Волны повалили крейсер на борт. Все утонули вместе с ним». Не забыли отметить про патриотизм – якобы когда «Niitaka» тонул, оркестр играл национальный гимн. Вот только кто это слышал – бывшие на борту 286 моряков погибли с кораблем. Удалось спастись лишь бывшим на берегу 16 морякам. Это матросы: Окада, Акагава, Такаяна-ги, Янагизава, Итакава, Кояма, Такахати, Маэда, Хиросэ, Цукада, Чисики, Кавахара, Ямагабаями, Танигучи и унтер-офицеры Камихуза и Хатакеяма. Последний был ранен.

Тайфун прошел быстро и вечером 26 августа, с получением известия о гибели, на место катастрофы вышел «Maki». К полудню 29 августа море выбросило на берег трупы 16 моряков. Среди них: командир капитан 1-го ранга Кога, штурман лейтенант Нураяма, мичманы Ота и Хакамада, старший унтер-офицер Хирай, унтер-офицеры Кобаяси и Кубота, матросы Наказима, Иноуэ, Накано, Макикава, Сато, Имадоме, Огава, Маэда, Такино. Как отмечалось в донесении, «все покойные прилично одеты. На них форма и признаков мучения не заметно». Дальнейшие поиски помогли найти еще два десятка трупов. 11 сентября в Петропавловск, с места крушения, прибыл транспорт «Nojima», доставивший останки моряков. 15 сентября состоялось прощание с ними. В 12 часов, поклониться праху прибыли делегации русского гарнизона и гражданского управления. Маленькие гробы с кремированными останками стояли в одном из трюмных помещений в носовой части транспорта, охраняемые часовыми, спасшимися с погибшего «Niitaka».

17 сентября 1922 г. транспорт увез их в Японию. 19 октября командир дивизиона миноносцев капитан 2-го ранга Накаяма посетил городского голову, а 26 октября 1922 г.

японские корабли оставили Авачинскую губу. Вскоре город навсегда покинут и белые части, но точку ставить еще рано. Вечером 21 мая 1923 г. в Петропавловск снова вошли «Kanto» и три миноносца. По заявлению командира отряда, корабли «прибыли спасать утонувший в прошлом году крейсер «Niitaka». 30 мая «Kanto» ушел к месту его гибели.

Заключение. В ходе длившихся около месяца работ, часть оборудования и приборов сняли и погрузили на транспорт. Останков погибших больше не нашли. Чтобы очистить район для свободного мореплавания, остатки корпуса было решено взорвать. Японские моряки своим погибшим соотечественникам установили бетонный памятник, сохранившийся даже через столько лет до нашего времени в сильно поврежденном состоянии. Из списков крейсер исключили только 1 апреля 1924 г. Старый враг погиб у берегов страны, в которую его не звали. Мир праху его.

Примечания:

1. Верещага Е, Витер И. По следам кораблекрушения // Камчатский край №30 05.08.2009 г.
2. Гаврилов С. Маленькие камчатские истории. Петропавловск-Камчатский, 2002
3. Русско-японская война: Осада и падение Порт-Артура. М. 2002.
4. Русско-японская война: От Владивостока до Цусимы. М.2002.
5. Сулига С. Корабли русско-японской войны. 1993. Вып. 2. Японский флот.
6. Jentsura, H. Jung.D. Warships of the Imperial Japanese Navy, 1869-1945. Naval Institute Press 1976.

References:

1. Vereshchaga E, Viter I. Po sledam korablekrusheniya // Kamchatskii krai №30 05.08.2009 g.
2. Gavrilov S. Malen'kie kamchatskie istorii. Petropavlovsk-Kamchatskii, 2002
3. Russko-yaponskaya voina: Osada i padenie Port-Artura. M. 2002.
4. Russko-yaponskaya voina: Ot Vladivostoka do Tsusimy. M.2002.
5. Suliga S. Korabli russko-yaponskoi voiny. 1993. Vyp. 2. Yaponskii flot.
6. Jentsura, H. Jung.D. Warships of the Imperial Japanese Navy, 1869-1945. Naval Institute Press 1976.

УДК 94(520).03

Гибель старого врага. Конец крейсера «Niitaka»

Роман Витальевич Лапшин

ОАО "Запорожский автомобилестроительный завод", Украина

Аннотация. В работе дается биография японского крейсера «Niitaka», активного участника русско-японской войны. Реконструирован конец его карьеры, гибель в тайфуне в августе 1922 г.

Ключевые слова: Япония; Россия; интервенция; Дальний восток; военно-морской флот.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal

UDC 94(47)

The Features of Family Relations in Terms of the Great Patriotic War of 1941-1945

Irina G. Tazhidinova

Kuban State University, Russian Federation
350063 Krasnodar, Kuban Naberezhnaya street, 4
PhD (History)
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Abstract. The article presents the experience of reconstruction relations Red Army soldiers and their relatives on the basis of private correspondence. The documents of private origin, which were published in the last decade, and epistolary sources from Russia Archives are used as a source base. The sources, that contain personal experience of the war, make it possible emotional experience of combatants and their families (parents, wives, children), the basic problems of family relations in wartime (moral, financial, material). This article discusses the nature and content of the written communication with relatives in the Red Army, 1941-1945.

Keywords: The Great Patriotic War 1941–1945; front-line soldiers; family correspondence; front-line and rear routine; financial and moral support.

Введение. Влияние Великой Отечественной войны на быт, жизнеустройство и жизнедеятельность семей советских граждан прослеживается во многих аспектах, но, пожалуй, наиболее сильно отразилось на базисных: материальном благосостоянии и внутрисемейных коммуникациях. Разумеется, 22 июня 1941 г. масштаб грядущих перемен предположить было невозможно, тем более что задолго до этого момента усилиями советской пропаганды в сознании советских людей был создан образ войны как быстрой, практически бескровной и победной. И все же опыт предыдущих, не так давно пережитых войн напоминал об их печальных, не всегда предсказуемых последствиях, круто меняющих течение повседневной жизни, безжалостно изламывающих людские судьбы. «Распространилась [весть о войне] очень быстро. Где-то примерно после обеда, где-то после часа узнал, – рассказывает А.П. Обозьянский, которому в 1941 г. исполнилось 14 лет. – Ну, и потом... рев по станице. Знаете, как женщины [могут]... Не плач, а рев. Очень страшно как-то. Не видишь ничего, а... как стон [идет] по всей станице. <...> Тогда те войны [были в памяти], люди понимали, что такое война. Поэтому – просто плач, плач, плач женщин» [1].

Что касается уровня жизни советских семей, который и в предвоенные годы был, мягко говоря, невысоким, то оккупация значительной части территории СССР, эвакуация мирного населения и сосредоточение всех имеющихся в стране ресурсов для перелома ситуации на фронте и скорейшей победы над врагом губительно сказались на нем и повлекли самые трагические последствия. В то же время на переживание тягот и лишений, которые принесла война, наложили отпечаток стандарты материального благополучия семей и практики решения бытовых проблем, закрепившиеся еще в довоенный период. Такого рода стандарты можно охарактеризовать как универсальные, непритязательные, скромные, что верно для большинства населения. Для него же оставались актуальными и важными

традиции взаимопомощи (родственной, соседской) в решении разнообразных семейных проблем.

Накануне войны безбедность, зажиточность существования была свойственна для крайне небольшого числа советских семей. В этом смысле показательны письма красноармейцам от членов их семей, написанные в период советско-финской войны (декабрь 1939 г. – март 1940 г.), которые были найдены и проанализированы В.М. Зензиновым. Согласно заключению Зензинова, в этой «как бы зачерпнутой ложкой пробе из огромного котла народной жизни» преобладали свидетельства о трудностях повседневной жизни. О многом говорит тот факт, что из 542 писем, прошедших через руки исследователя, о благополучии свидетельствуют не более десятка, причем, вследствие обязательных оговорок авторов, и они оставляют впечатление об относительности такой безбедной жизни. Даже в этих письмах речь идет, главным образом, о недостатке в питании и наличии скота, который есть чем прокормить «взиму», т.е. ресурсах, позволяющих удовлетворить физиологические нужды; остальные письма повествуют об откровенной нужде. Выручала непритязательность, о чем свидетельствует письмо В. Меламеду, служившему в 273-м горнострелковом полку, от жены из Ленинграда: «...все есть всего достаточно и если ты слышал, что плохо с продуктами и что мол ничего не достать, так это нет и не хватает для тех, кому нужны запасы до самой смерти, а нам запасы не нужны, а продукты нужны на пятитдневку». Спустя неделю женщина писала: «Если б только не надежда что скоро все кончится так есть от чего с ума сойти ты дорогой мой бодрись ты не один а миллионы нас таких же как мы» [2].

Интервью также подтверждают, что материальные трудности имели хронический характер. Особенно остро они ощущались в многодетных семьях, которых было немало, и, преимущественно, в сельской местности. А.С. Гончаров (1927 г.р.), уроженец села Шведино (в настоящее время – Ставропольского края), был младшим в семье, где, кроме него, росло еще девять детей. Детство вспоминает так: «Была полная, можно сказать, нищета. Я вам скажу, до войны... хорошего, вообще, нечего сказать. В селе все время была бедность. Чтобы жили мы в достатке, этого не было, вот...». Примечательно, что свое добровольчество в войну Гончаров объясняет именно безысходными условиями жизни семьи в колхозе [3]. «Жили бедно, прямо скажем», – лаконичен в описании материальных условий своей семьи перед войной сверстник Гончарова, А.П. Обозьянский. Из детства вспоминает хату в станице Черноморской, где у одной на всех чашки рассаживалась кругом семья – родители и четверо детей. Впоследствии Обозьянский постигла «трагедия», так как мать оставила семью, а отец привел в дом мачеху, отношения с которой у детей не сложились. С началом войны и мобилизацией отца условия жизни в семье, естественно, не улучшились, и данные обстоятельства прежде времени привели Сашу Обозьянского на фронт [4].

Семейные проблемы являлись одним из мотивов к добровольному уходу на фронт, на что, в частности, обращает внимание Е.Н. Боле, проанализировавшая письменные заявления добровольцев, поступавшие в военкоматы Коми АССР [5]. Основываясь на устных свидетельствах, можем подтвердить, что отсутствие крепких родственных связей, семейного уюта, действительно, подталкивало молодых людей к такому решению. Р.Я. Дворцова, воспитывавшаяся в детдоме (семья была раскулачена, родители в 1933 г. «с голоду поухли»), вспоминала, как после освобождения родного ей Ставрополя «ходили с военкомата, кто желает добровольно, [обращайтесь] в сельсовет». «Я с радостью, тетка не возражала. Это был 1943 год» [6]. Н.П. Жуган – выходец из многодетной крестьянской семьи, проживавшей в селе Николаевка Одесской области, рано потерял родителей, умерших от тифа. «Нас было 8 человек детей, я – самый младший. <...> Остался без отца, без матери в возрасте 5 лет. Нелегкая была жизнь. То немножко старшие братья брали к себе. У них свои семьи были. Они поженились. Старше они были, я – малыш против них. А потом в 1925 г. советская власть организовала для таких детей детский интернат в Одессе. И вот, нас туда забрали с нашей Николаевки, человек 7 забрали». Через несколько лет Жуган вернулся в Николаевку («тянуло в родное гнездо»), где закончил семилетку, работал в совхозе. Затем устроился токарем на одесский завод, а в 1937 г. получил путевку в летнюю школу Осоавиахима, что и определило его место в грядущей войне [7].

Война кардинально изменила положение многих семей, и сразу пролегла пропасть между теми из них, которые лишились основного кормильца и других членов семьи, ушедших на фронт по мобилизации или добровольно, и теми, чей состав остался прежним.

Такого рода разрыв ощущался на протяжении всей войны, поскольку армия регулярно пополнялась новыми человеческими ресурсами, военнослужащие в массовом порядке погибали в боях, а тяготы мирного населения имели тенденцию к накоплению (вещи ветшали и снашивались, дети выросли и требовали дополнительных вложений в питание и образование, подорванное здоровье нуждалось в поддержке, и т.д.).

Согласно представлениям рассматриваемого времени, ситуация мужчины была ясной: если позволяли возраст и здоровье, он должен был служить, выполнять свой моральный долг перед Родиной. Проблема долга перед семьей рассматривалась в этом контексте, т.е. отступала на второй план. О решении в пользу ухода на фронт (а для многих это было именно собственное, выстраданное решение) женам писали, случалось, уже «с дороги». Иногда называли его «преступлением перед семьей» [8]. Особенно винули перед беременными женами и теми, которые оставались с несколькими детьми на руках. И.Д. Гольдфедер, в первые дни войны ушедший добровольцем в народное ополчение, обращался к жене: «Прости меня, милая деточка, что в такую тяжелую минуту оставил тебя одну, но я иначе не мог. Я хочу свой долг выполнить до конца. Я тешу себя мыслью, что ты родишь здорового ребенка» [9]. Артиллерист Г.О. Литяйкин писал жене и родственникам: «Сильно не плачьте, что будет. Детей не бросайте, их надо растить, хотя их и много, но ничего не поделаешь» [10].

Перекладывая груз ответственности за дом и детей на жен, мужчины взывали к их самостоятельности. Рядовые и офицеры предлагали женам «до конца войны вычеркнуть [их] из актива своего жизненного баланса» [11], не теряться, быть решительными. «Действуй и поступай так, как требует жизнь. Мое мнение в настоящих условиях не должно быть решающим, т.к. я все-таки такая личность, которая сегодня живет, а завтра ее может не быть» (из письма жене политрука роты Д.А. Абаева) [12]. Размышляя над тем, сколько трудностей выпало женам, мужчины обещали в послевоенном будущем компенсировать их усилия. Мотив «свидимся, отплачу сторицей» присутствует во множестве писем с фронта, адресованных женам.

С учетом того, насколько минимальны были ресурсы большинства семей в Советском Союзе, уход на фронт фактически означал, что самые близкие люди оставлялись на произвол судьбы. Не все мужчины отдавали себе в этом отчет, так как не могли предвидеть сроки войны, тяготы оккупации или эвакуации, которые выпали в будущем на долю их семей. Многие гнали от себя подобные мысли по той простой причине, что в сложившихся обстоятельствах бессильны были что-либо изменить. И, пожалуй, самое важное: советские люди надеялись на заботу государства, которое с началом войны представило себя основным защитником семей фронтовиков, отвечающим за решение их материальных и бытовых нужд.

Помощь военнослужащих семьям заключалась, прежде всего, в высылке денег (аттестаты, единовременные переводы), а также справок, которые должны были обеспечить членам их семей льготы, пособия и пр. Пересылка домой справок о том, что военнослужащий находится в рядах Красной армии, была распространена повсеместно. 1 августа 1941 г. А.И. Тыкин писал жене: «Высылаю удостоверение на льготы ты с ним можешь приходить везде и требовать льготы как-то страховка дома, Юру в садике. И вообще льготы все по кодексу закона. Только береги, смотри, не потеряй...» [13].

Кроме того, военнослужащие пытались привести в действие формальные и неформальные механизмы помощи, т.е. исходя из конкретных нужд семьи (дрова, питание в заводской столовой, ремонт в квартире и др.) обращались к друзьям, руководству своего предприятия или колхоза, в партийные организации разного уровня. Исследователи обращают внимание на то, что письма с фронта в адрес партийных и советских органов власти, массово распространенные и затрагивавшие самый широкий спектр вопросов, были характерным явлением изучаемого периода. Практика прямого обращения к органам власти для решения личных проблем превратилась в обычную для советских людей еще в 1930-е гг. В войну же первоочередное внимание стало уделяться письмам и просьбам воинов РККА. В.А. Сомов предлагает считать многочисленность таких обращений об оказании материально-бытовой помощи семьям военнослужащих не только указанием на то, что проблемы имелись в массовом количестве, но и на то, что «власть реально, насколько это было возможно, помогала гражданам их решать» [14].

Военнослужащие, оставившие свои семьи для защиты Родины, не считавшиеся с лишениями и непосредственной угрозой жизни, недоумевали, если помощи от власти приходилось добиваться с трудом. Поэтому в переписке с женами наболевшие проблемы обсуждались зачастую без особого стеснения в выражениях. «Сволочи эти чинуши... Побил бы в кровь морды этим проституткам», – выходил из себя Абаев [15]. Женам предлагалось быть настойчивее. Например, И.С. Атт, на первом году войны ушедший добровольцем, в 1944 г. инструктировал жену, находившуюся с детьми в эвакуации в г. Ташкенте: «Ты не стесняйся, хладнокровно заходи в Райвоенкомат и проси помочь тебе, пусть выдадут жмыху или что-либо другое. Не нервничай, скажи, что если не дадут, то ты снова мне напишешь» [16].

Разумеется, ресурсы помощи, которыми располагали военнослужащие, различались, и зависели они не только от напора и умения составлять грамотные обращения в партийные и советские органы, но и от связей, имевшихся в родных местах. Не стоит сбрасывать со счетов и те привилегии, которые существовали для работников руководящего звена в военный период, и, по сути, являлись продолжением их льготного обеспечения в довоенные годы. Именно их имел в виду генерал-майор П.Л. Печерица (до призыва в Красную армию – заместитель председателя Краснодарского крайисполкома), когда 8 мая 1944 г. писал жене о том, что она, как заведующая сектором партийно-комсомольских кадров Краснодарского крайкома ВКП(б), могла бы претендовать на особую помощь по линии крайкома. «Там ведь для наших семей установлена новая система снабжения пром и продтоварами. Это постановление ЦК и СНК есть в Крайкоме. Пиши, знаешь ли об этом». Свои привилегии были у представителей отдельных профессий, к примеру, творческих, при условии, конечно, что здесь были достигнуты значительные высоты. Ибрагим Гази, с 1934 г. состоявший в Союзе писателей СССР, объяснял жене, что в ее интересах не только получить его гонорары («на хлеб»), но и прикрепиться к закрытому магазину и к кафетерии Союза в Казани [17].

Что касается финансовой помощи, то наблюдалась поляризация военнослужащих по возможностям ее оказывать. В наилучшем положении находился командный состав, получавший приличное денежное содержание, а также те, кому удавалось проворачивать коммерческие операции. Аттестат на получение денег пересылался жене по почте или передавался с оказией, и с этих пор он становился средством ежемесячного финансового поддержания семьи. Здесь следует иметь в виду несколько обстоятельств. Во-первых, немало военнослужащих, помимо жены и детей, помогали деньгами и другим родственникам (родителям, братьям, сестрам, племянникам), т.е. их денежные ресурсы делились между несколькими получателями. Во-вторых, доход военнослужащего менялся в зависимости от продвижения по службе и ее условий (тем, кто находился непосредственно на фронте, выплачивались «полевые»), что, соответственно, отражалось на сумме аттестата. В-третьих, ввиду перемещений, как военнослужащего, так и его семьи, а также других чрезвычайных обстоятельств, случались заминки в переводе денежных средств. «Я не знаю, куда высылать аттестат и деньги, я даже не могу себе представить, как они сейчас живут, не имея на руках ни копейки денег?..» – обращался в Краснодарский крайком партии потерявший связь с семьей П.А. Беспалов [18], и такие ситуации в войну редкостью не были.

Военнослужащий не имел права высылать аттестат на полную сумму своего оклада. В мае 1943 г. старший лейтенант Н.Я. Дверес сообщал жене, что выписал ей новый аттестат сроком на год на сумму 480 руб., поскольку «больше нельзя было (60 %) от оклада» [19]. В апреле 1944 г. лейтенант А.Ф. Колосов предупреждал жену, что аттестат выписывают только на 65 % основного оклада [20]. В 1944 г. генерал-майор П.Л. Печерица поддерживал жену аттестатом на 1000 руб., и на такую же сумму высылал аттестат сыну, находившемуся в военном училище в Средней Азии [21]. Вообще крупные суммы («тысячи») встречаются в письмах, преимущественно, тогда, когда речь идет о посылке средств сразу за несколько месяцев. Сравнительно с командным составом, у рядовых возможности помощи были мизерны, и очевидно, что родные, как бы ни нуждались, опереться на нее не могли. В 1943 г. М.Б. Ваил писал жене: «Я получаю жалованье не как кадровый, а как приписной состав и мой оклад равен 73 руб. в месяц и то с января месяца, а до этого получал 20 руб. Может быть, я в дальнейшем буду получать больше, то я тебе вышлю...» [22].

От трагического восприятия материально-бытовых проблем советских людей «хранили» непритязательность и высокая сознательность. Образец последней – письмо

А.А. Шипикина, адресованное жене и матери двоих его детей в деревню в Горьковской области: «Дуся, я вам сообщаю, что мне сейчас присвоили звание старшего сержанта и за май месяц получу уже зарплату 125 руб. Дуся, я подписался на заем на 100 руб., и вы пишете, что подписались с отцом на 300 руб. Это очень хорошо вы сделали. Этот займ нам поможет быстрее победить гитлеровских оккупантов. Дуся, я узнал из ваших писем, что забрали всех и бракованных, ну ничего не поделаешь, необходимо всем выполнять приказ товарища Сталина. Дуся, передай привет нашему правлению, чтобы крепили дисциплину в колхозе, а вы, Дуся, будьте активной колхозницей, стахановкой, чтобы, когда я пришел домой, то бы вам было чем гордиться, а я буду добиваться, чтобы оправдать звание члена партии» [23].

Уплата налогов, подписка на займы, партвзносы – участие в этих предприятиях, как правило, супругами не обсуждалось даже при самом скудном бюджете. «Я тебе выписал аттестат на 850 руб., ты должна получать, а налоги, которые положено тебе платить, плати в первую очередь и не затягивай. Ведь я тоже государству помогаю, потому что это необходимо в данный момент» (из письма старшего лейтенанта С.И. Страхова); «Таня, Вы, может, осерчали, что я Вам денег уже давно не присылал, так я денег внес на строительство танковой колон[ны] 700 руб. и послал Вам аттестат» (из письма Г.А. Ковшарева) [24]. Редко можно встретить робкое сетование по поводу того, что семья недополучит помощи от своего главы из-за постоянных «побочных» расходов. Так, Ф.С. Ременник сухо предупреждал родных, находившихся в эвакуации: «Вам будет труднее, тем более что сумма аттестата уменьшена на сумму займа» [25].

Иногда в письмах встречаются советы женам насчет того, как не потерять имеющиеся в семье денежные сбережения или сохранить самое ценное имущество. Правда, касаются они столь обыкновенных вещей и столь незначительных сумм (особенно на фоне обесценивания денег в военное время), что становится очевидным: все это никак не могло спасти семью или существенно изменить ее материальное положение. На наш взгляд, эти поистине «уникальные» (по частоте, с которой они возникают в переписке) сюжеты определенно говорят только об одном – низком материальном уровне основной массы семей в Советском Союзе.

В целом, источники личного происхождения свидетельствуют, что большинство военнослужащих, независимо от условий несения службы и конкретной ситуации в семье, не могли привлечь дополнительные (тем более, незаконные) источники ее поддержки, да и не стремились к этому. Чаще всего дело сводилось к тому, что глава семьи брал вину за ее тяжелое положение на себя, и, безусловно, терзался этим. В октябре 1941 г. в преддверии возможной смерти сержант И.Н. Исаев вину перед «дорогим семейством» (жена и четверо детей, проживавшие в Горьковской области) в том, что оставил их «ни с чем». Горевал: «Как вы будете жить, не знай, без хлеба, без топки, ни одежды с обувкой, а скоро зима будет» [26].

Семья лейтенанта В.В. Крылова, находившаяся в Московской области, в это же время испытывала сходные проблемы. И хотя информация преподносилась женой в падающем режиме, но повода для оптимизма не оставляла: «Папусенька!!! Прихожу домой и вижу твое письмо с карточками, так мы все обрадовались. Мы пока что имеем возможность видеть тебя хоть на карточке целого и невредимого, а многие уж этого лишены навеки. Сколько было бы радости, если бы ты возвратился домой, с меня свалилась бы целая гора забот. Ведь мне не с чем встречать зиму, картошки только 1 мешок, дров нет, а также и обуви, можно сказать, разуты все. Хорошо, что пока держится хоть летняя погода, хотя уже и октябрь наступил. Я вчера опять была в Синькове, принесли два кочна капусты (кило 4–5) и кило 3 картошки, опять набрала на кашу пшеничных колосков. Мне бы оч[ень] хотелось сэкономить немного рису для детей и манной, но ничего пока не получается» [27]. Видимо, под впечатлением от таких же писем из дома рядовой Л.П. Рыбаков написал: «Валя, я лишь сейчас молю одного, как бы скорее бой, погибнуть за родину или же поранят. Если погибну, страна вас не забудет». «Последняя просьба» Рыбакова к родителям состояла в том, чтобы не выгоняли из дому жену и дочь, отдали им его носильные вещи [28].

В то же время фронтовики ожидали от своих жен оптимистичного настроения насчет собственной судьбы и будущего семьи. Об этом свидетельствуют распространенные напутствия: «Обо мне не беспокойся, но не забывай» (из письма рядового А.В. Жужгина); «Тосковать не надо, питай надежду...» (из письма лейтенанта А.Ф. Колосова) [29]. Немногие

решались напрямую поднять вопрос о том, как устроит свою жизнь жена, если муж погибнет на фронте. Были те, кто великодушно предоставлял женщине право распорядиться своей судьбой. Так поступил, в частности, В.В. Сырцылин, написав в первом же письме из ополчения: «Я даю тебе полную волю в случае моей гибели устроить свою судьбу, жизнь так, как тебе захочется, только люби и береги Ольгу, а обо мне можешь и не вспоминать, чтобы не омрачать» [30]. Можно предположить, что на такое письмо мужчина ожидал получить заверения в верности и преданности, что обычно и происходило. В то же время встречаются послания, в которых «вечная верность» предписывается женам, независимо от их соображений на этот счет. Так, К.И. Храмов, озабоченный тем, что маленький сын в случае его гибели даже не сможет вспомнить отца, писал жене: «Я бы не желал, моя милая Танечка, чтобы наш сын имел другого папу при всяком случае. Ты меня, друг, понимаешь. Думаю, ты мою просьбу исполнишь» [31].

Некоторые женщины, сильно тоскуя, задумывали поездки к мужьям. Такие идеи воспринимались фронтовиками без энтузиазма, так как они реально представляли себе трудности пути и встречи. Когда ленинградец М.Н. Митрохин, в июле 1941 г. призванный служить на финскую границу, узнал, что жена наметила их свидание в Выборге, то выразил ей свое удивление, а в конечном итоге предложил выбросить эту идею из головы. «Сашенька, что с тобой. <...> Что ты думаешь сделать этим положения не исправишь, а только будет хуже, я, во-первых, тебя все равно не увижу и ты меня тоже, и не будем знать где ты где я, а это еще хуже будет...» [32]. Лейтенант А.Ф. Колосов, находившийся на учебе в Боровичах, высказывался в том же духе: «Поверь, Зина, что очень желал бы повидаться с тобой, но мне просто жалко тебя, что тебе вот именно приходится рваться на все стороны и что ты измучаешь себя до последнего, а еще ты нужна для детей. Вот из этих соображений и пишу, Зина, что ездить не следует» [33].

Мужчины обычно оперировали весомыми аргументами, что заставляло женщин отказываться от рискованных идей, по большому счету, не лишенных романтики и многое говоривших об их чувствах. Хотя, по словам генерал-майора П.Л. Печерицы, жены военнослужащих нередко добивались до переднего края на свидания с мужьями, все-таки во множестве случаев удавалось отговорить их от опасного предприятия, либо пробившихся на передовую женщин перехватывали и под конвоем отправляли в тыл [34].

Мечты об отпусках бередили обе стороны, но реальностью становились редко. С отпусками, что называется, «мариновали» (не отказывали в просьбе, но и не удовлетворяли ее в течение длительного времени), так что фронтовики склонялись сами отказаться от этой идеи: «А если нет, то черт с ним, будем тогда биться до Победы. Будем живы – встретимся, а нет – так нет» [35]. Для женщин же тема отпусков была крайне болезненной. Вооруженные информацией о том, что тот или иной родственник (сосед, знакомый) прибыл в отпуск, они начинали давить на мужей, но получали твердый отпор. «Зина, ты в каждом письме пишешь мне, чтобы я приезжал домой хоть на два дня. Эх, Зина, неужели я против этого, мне-то, думаешь, не хочется повидаться с вами, с великим бы удовольствием посмотрел на детей, побыл бы с тобой, но кто же отпустит меня, конечно, не отпустят, ты пишешь, что много знаешь случаев, что отпускали кого-то. Это, Зина, исключение, а сколько случаев я знаю, что не отпускали, так очень много» (из письма А.Ф. Колосова) [36]. На ту же тему беседовал с женой политрук Абаев, развенчивая ее историю о подруге, уже несколько раз встречавшейся с мужем в Москве и трижды – дома. «Такие вещи возможны только при службе в тылах, да и то незаконно, а нам в действующих частях мечтать об этих вещах не приходится. В нашей среде есть командиры, а в особенности бойцы, у коих дома 20–25 км от передовой, а попасть туда не имеют возможности». Однажды, уже в 1944 г., Абаев поддался на уговоры супруги, о чем пожалел, так как получил упрек от начальства, «не решил ли я, что война уже закончилась» [37].

Кроме проблем выживания, война ставила перед семейными парами этические дилеммы. Темы супружеской верности или отношения жены к возможной инвалидности мужа время от времени, в профилактических целях, поднимали советские газеты. Присутствуют они и в письмах с фронта. Что касается ранений и инвалидности, то женщины, в большинстве своем, заверяли мужей в готовности принять их «любыми». Жена П.Н. Грошева выразила распространенное среди женского населения настроение: «Как я завидую возвратившимся с фронта. Хоть с одной рукой, с одной ногой, но с головой на

плечах и с лицом, с которым можно и поговорить, и женам что-то подсказать. Усадьбы свои раньше всех вспахали, посадили, дома выглядят хорошо, сами ходят нарядные, потому что сердца у них спокойные. Хоть бы и ты пришел, хоть раненый, но живой» [38]. «Свою душу, свое тело, хоть израненное, ты должен принести мне. Это все, чего я хочу», – писала жена А.П. Поповиченко [39].

Тема супружеской верности фигурировала в переживаниях обеих сторон. Те, кто не решался затронуть ее напрямую, использовали уловки. Капитан Горохов, к примеру, пытал жену: «Сообщи мне, кто из солдаток крутит хвостом, пользуясь отсутствием мужа. Я хоть про себя их поругаю, сукиных дочерей» [40]. Примечательно, что в среде фронтовиков сильны были представления о том, что «все жены изменницы», и отголоски этих разговоров проникали в письма домой, обижали женщин, вынуждали их оправдываться. Жена Поповиченко, к примеру, устало объясняла мужу, что постоянная борьба за жизнь (свою и детей) никак не совместима с изменами [41]. Со своей стороны, женщины, в основном, высказывали доверие. «Никакие разговоры о фронтовой неразборчивости не могут поколебать во мне веру в тебя, в то, что плохого ты не сделаешь...» (из письма жительницы Тамбова Н.В. Осиновской) [42].

Война, несомненно, испытывала на прочность отношения многих семейных пар. Длительный разрыв семейных уз, связанный с ней, в отдельных случаях провоцировал пересмотр мужчиной или женщиной своего семейного положения. С другой стороны, немало случаев, когда война, напротив, помогла разобраться в чувствах. Пример снайпера Ю.И. Шабельского – из этого числа. «Я, Маруся, только вот здесь, находясь на фронте, понял, как вы мне дороги, как много думаю о вас, беспокоюсь, как это раньше я не замечал в себе. Ну, ничего, родная, буду жив, вернусь домой, постараюсь доказать тебе на факте свою преданность и любовь к тебе и дочке, и надеюсь, что ты не упрекнешь меня в плохих моих к тебе отношениях и постараюсь так нашу жизнь сделать, чтобы она была радостна и счастлива» [43]. Как проявление нежности в письма вкладывали цветы, копировали стихи. Фотографии жен брали с собой в бой, так как существовало поверье, что «любовь хранит».

Семейная переписка выполняла, прежде всего, функцию моральной, эмоциональной поддержки. Это касалось не только отношений между супругами, но и коммуникаций фронтовиков с родителями. По письмам чувствуется, что военнослужащие, особенно из числа молодежи, скучали по родителям, были обеспокоены судьбами старшего поколения. На первом месяце войны сержант А.М. Хашевский спрашивал отца: «Я не знаю, каким образом отразилась война на тебе лично. Может быть, ради шутки мобилизовала тебя в армию или зачислила в ополчение?» [44].

Источники свидетельствуют о том, что разнообразные практики взаимной помощи, связывавшие фронтовиков и их родителей, имели широкое распространение. Для военнослужащих много значили посылки из дома, куда заботливые матери вкладывали необходимые вещи (варежки, перчатки, носки), продукты (сухари, сладости), махорку, бытовые мелочи. Со своей стороны красноармейцы также проявляли обеспокоенность материальным положением родителей, к чему имели веские основания. Во-первых, следуя через города и деревни родной страны, они могли составить представление о лишениях мирного населения, рыночных ценах на продукты и вещи. Во-вторых, воспоминания о довоенном уровне жизни не вселяли оптимизма. «В настоящее время жизнь, конечно, гораздо сложнее и тяжелее, а в особенности в наших местностях, где и в довоенное время не так то всего было достаточно и почти во всем ощущались недостатки, – домысливал «ненаписанное» матерью и сестрой фронтовой шофер Н.И. Ершов. – Самый главный конечно в настоящее время это вопрос с питанием и с хлебом, вот что меня больше всего и беспокоит в отношении вашей жизни. А потому прошу в следующем письме об этом чиркануть конкретно как и что, по-моему это не будет преступление если и прочитают при проверке» [45]. Известно, что впоследствии Ершов поддерживал мать деньгами в пределах 200 руб. в месяц.

Родители могли скрывать свои проблемы, не желая волновать военнослужащего, либо такая информация не доходила до него, поскольку вымарывалась цензурой. Полковник А.П. Сироткин сообщал матери, что в последнем ее письме «все было вырезано, ко мне пришло только здравствуй да до свидания, вы, очевидно, писали о своей жизни...». В связи с этим просил мать четко написать только одно – «помогает колхоз или нет» [46].

«Посылаю вам справку о своем состоянии для случайной надобности, чтобы предъявить местным властям» – такова типичная формулировка, присутствовавшая в тысячах писем с фронта, адресованных родителям. Другой жизненно важной формой помощи фронтовиков родителям были деньги, особенно если они копились не один месяц. Старший лейтенант А.В. Назаренко сообщал матери в 1944 г., за месяц до своей гибели: «Я вам послал недавно 3100 руб. переводом, снял их с вкладной книжки. Но никогда не думай, что это в ущерб себе, т.к. за все время пребывания на фронте я не истратил ни одной копейки, кроме как на членские взносы» [47].

Востребованным видом моральной поддержки были советы. Наиболее часто родители советовались с детьми по бытовым, хозяйственным вопросам. «Мама, Вы меня спрашиваете в отношении нашей квартиры. Мое соображение такое, что, конечно, лучше ее продать, а купить корову, все-таки вам с коровой легче будет» – отвечал матери в Саранск старший лейтенант В. Иванов [48]. «Поросенка растите потому что он пригодится вам», – настаивал в письме родителям в одну из деревень Кировской области С.И. Александров [49]. Он не рекомендовал им переезд в город, и таким образом солидаризировался с мнением большинства военнослужащих, считавших городскую жизнь во время войны более трудной в материальном отношении.

Поддержка фронтовиками родных также выражалась в пересылке им вещей (трофеев). Серьезный масштаб этот вид помощи приобрел на завершающем этапе войны, когда советские военнослужащие оказались за границей и получили возможность отсылать домой одну посылку в месяц. К примеру, с начала 1945 г. В.И. Александров отправил родителям пять таких посылок. В первой, январской, содержалось 4 куса туалетного мыла, 400 г хозяйственного мыла и немного сахара. Февральская была намного солиднее: отцу – рубашка и двое брюк, матери – материал на юбку и меховая шапочка, а шелковые платья – на продажу. Три весенние посылки содержали ткани, платья, брюки; Александров также просил «приберечь» для тех времен, когда он возвратится домой, пальто, брюки и полуботинки («а то если приеду то на первый раз и одеть мне нечего») [50].

Фронтовики старались держать родных в курсе своих дел, и это особенно касалось переписки с матерями. Последних, как правило, успокаивали: «Вернусь, безусловно, целым и невредимым. Иначе быть не может». Либо отделялись короткими замечаниями: «Раз пишу – все в порядке». Понимая, что именно, в первую очередь, хотят знать матери, им сообщали о здоровье, настроении, одежде и питании. Но иногда, забываясь и теряя контроль, писали о том, что погибли друзья-сослуживцы и сам «чудом остался жив», что за границей живет «как баронам, только каждую минуту грозит смерть» [51]. Поскольку в суровой фронтовой обстановке военнослужащие быстро взрослели, грубели, то «нефильтрованные» сюжеты попадали в письма матерям все чаще.

С отцами изъяснялись более откровенно, демонстрируя хладнокровие. «На предстоящую войну смотрю совершенно спокойно. Убьют – ничего не поделаешь, нет – посмотрю много интересного. Правда, будет очень нелегко и, наверно, на долгое время», – писал отцу на первой неделе войны А.М. Хашевский [52]. Во втором письме с передовой 18-летний пехотинец Юрий Романенко был честен в описании своего положения, хотя и проявлял выдержку: «Живу ничего. Многие мои товарищи убиты и многие уже ранены. Меня два раза задело осколками, но все обошлось благополучно. Ранения маленькие и я из строя не выбываю. <...> Эх, милый папа, если останусь жив, многое тебе расскажу. Да и навряд ли буду жив» [53].

В то же время ряд писем свидетельствует, что далеко не всем военнослужащим хватало внимания самых родных людей. Сергей Александров чувствовал себя обделенным таким вниманием: «Когда я уходил в армию вы все говорили что пишете нам письма чаще и ты мама говорила что уйдешь в армию так маме и письма не напишешь вышло все наоборот я вам пишу все время а вы мне не пишете...» [54]. «...Пишите и не забывайте, – упрашивал родных уроженец г. Новгорода Владимир Александров. – Особенно вы отец, потому что я твой родной сын, который тебя любит и который тебя не забывает и никогда не забудет чем могу всегда помогу...» [55]. Действительно, в письмах с фронта встречаются обещания обязательно отдать сыновний или дочерний долг, и сформулированы они в следующем ключе: «Мужайтесь, крепитесь, не падайте духом, доживем до дней победы, и я осчастливлю Вашу заслуженную старость» [56].

Заключение. Обобщая, можно отметить, что во внутрисемейных взаимоотношениях в период Великой Отечественной войны наблюдались противоречивые тенденции. С одной стороны, война ослабляла семейные узы, причем ее «печальная работа» заключалась не только в том, что вырывались из жизни намного раньше отпущенного срока отцы и матери, оставались сиротами дети. Хотя об этом до сих пор мало сказано, но был нанесен определенный урон моральным устоям семей, долгое время вынужденно проживавшим раздельно. Очевидно, что неизмеримо выросшая за годы войны самостоятельность женщин (эмансипация военного времени) в послевоенном будущем породила свои проблемы для советской семьи. Также как привнесли свои проблемы в ее жизнеустройство оторванность фронтовиков от мирного быта на протяжении длительного времени, их бивуачный порядок жизни. С другой стороны, нельзя не почувствовать, что экстремальные условия войны многократно усилили тягу к сплочению в рамках семьи. Как заметил по этому поводу летчик Н.П. Жуган, «война сгруппировала». Переписка с родными людьми, воспоминания о родном доме, как ничто другое, эмоционально поддерживали красноармейцев, добавляли им стойкости. В свою очередь, материальная и моральная помощь, которая поступала со стороны военнослужащих в семьи, имела порой первостепенное значение для их нормального существования. В целом, родственная взаимопомощь во всех ее разнообразных проявлениях, практиковавшаяся населением страны в 1941–1945 гг., была одним из основных ресурсов его выживания и победы над врагом.

Примечания:

1. Респондент: Обозьянский Александр Павлович, 1927 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажикина. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 75 минут. Запись от 8 июля 2013 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
2. Зензинов В.А. Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию, 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. С. 5, 103, 105, 128, 179, 257, 527, 529.
3. Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 100, 102.
4. Респондент: Обозьянский Александр Павлович.
5. Боле Е.Н. Движение добровольцев в годы Великой Отечественной войны: мотивация вступления в Действующую армию тылового населения страны // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 246.
6. Память о Великой Отечественной войне... С. 140, 142.
7. Респондент: Жуган Николай Павлович, 1917 г.р. Интервьюер: И.Г. Тажикина. Место проведения: г. Краснодар, квартира респондента. Продолжительность 77 минут. Запись от 25 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
8. Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов. Краснодар: Диапазон-В, 2010. С. 82.
9. «Сохрани мои письма...»: Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 2007. С. 56.
10. Письма из войны: Сб. документов. Саранск: Респ.архив.служба РМ, 2010. С. 229.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 70б.
12. Там же. Д. 1454. Л. 100.
13. Там же. Д. 292. Л. 30б.
14. Сомов В.А. Письма фронтовиков о жизни военного времени // Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М.: Институт Российской истории РАН, 2005. С. 918, 920.
15. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 63.
16. «Сохрани мои письма...»: Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 2. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. С. 222.
17. Герои терпения.... С. 148, 179.

18. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1186. Л. 20.
19. «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 150.
20. «Я пока жив...» (Фронтовые письма 1941–1945 гг.). Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2010. С. 121.
21. Герои терпения... С. 143, 148.
22. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 360. Л. 170б.
23. «Я пока жив...» С. 274.
24. Там же. С. 96, 227.
25. Архив Научно-просветительного центра (НПЦ) «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 177. Л. 14.
26. «Я пока жив...» С. 86.
27. Там же. С. 155.
28. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 110. Л. 1–2.
29. «Я пока жив...» С. 71, 113.
30. Герои терпения... С. 83.
31. Общество и власть. Российская провинция. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М.: Институт Российской истории РАН, 2005. С. 946.
32. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 150. Л. 5.
33. «Я пока жив...» С. 117.
34. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1773. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–6.
35. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1393. Л. 90б.
36. «Я пока жив...» С. 114.
37. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1454. Л. 610б., 98.
38. Письма из войны... С. 394.
39. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 125об.
40. ЦАНО. Ф. Р-6217. Оп. 6. Д. 13. Л. 7.
41. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 369. Л. 124, 125об.
42. Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»): Сб. документов. Тамбов, 2005. С. 271.
43. «Я пока жив...» С. 258.
44. «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 23.
45. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1222. Л. 2.
46. «Я пока жив...» С. 217.
47. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1003. Л. 37; Д. 501. Л. 163.
48. Письма из войны... С. 132.
49. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Л. 1003. Л. 36.
50. Там же. Д. 1171. Л. 18, 190б., 23, 27.
51. «Сохрани мои письма...» Вып. 2. С. 258; «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 16, 57.
52. «Сохрани мои письма...» Вып. 1. С. 22.
53. Герои терпения... С. 165.
54. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1003. Л. 14.
55. Там же. Д. 1171. Л. 6.
56. «Сохрани мои письма...» Вып. 1. М., 2007. С. 202.

References:

1. Respondent: Obozyanskii Aleksandr Pavlovich, 1927 g.r. Interv'yuer: I.G. Tazhidinova. Mesto provedeniya: g. Krasnodar, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 75 minut. Zapis' ot 8 iyulya 2013 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
2. Zenzinov V.A. Vstrecha s Rossiei: Kak i chem zhivut v Sovetskom Soyuze. Pis'ma v Krasnuyu Armiyu, 1939–1940. N'yu-Iork, 1944. S. 5, 103, 105, 128, 179, 257, 527, 529.
3. Pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine v sotsiokul'turnom prostranstve sovremennoi Rossii. Materialy i issledovaniya. SPb.: Evropeiskii Dom, 2008. S. 100, 102.
4. Respondent: Obozyanskii Aleksandr Pavlovich.

5. Bole E.N. Dvizhenie dobrovol'tsev v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: motivatsiya vstupleniya v Deistvuyushchuyu armiyu tylovogo naseleniya strany // Voенно-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2005/2006. Aktual'nye problemy izucheniya. M.: «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2006. S. 246.
6. Pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine... S. 140, 142.
7. Respondent: Zhugan Nikolai Pavlovich, 1917 g.r. Interv'yuer: I.G. Tazhidinova. Mesto provedeniya: g. Krasnodar, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 77 minut. Zapis' ot 25 oktyabrya 2012 g. // Arkhiv laboratorii istorii i etnografii ISEGI YuNTs RAN.
8. Geroi terpeniya. Velikaya Otechestvennaya voina v istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniya: sb. dokumentov. Krasnodar: Diapazon-V, 2010. S. 82.
9. «Sokhrani moi pis'ma...»: Sb. pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoi Otechestvennoi voiny. Vyp. 1. M., 2007. S. 56.
10. Pis'ma iz voiny: Sb. dokumentov. Saransk: Resp.arkhiv.sluzhba RM, 2010. S. 229.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. M-33. Op. 1. D. 369. L. 7ob.
12. Tam zhe. D. 1454. L. 100.
13. Tam zhe. D. 292. L. 3ob.
14. Somov V.A. Pis'ma frontovikov o zhizni voennogo vremeni // Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. Iyun' 1941 g. – 1953 g. T. 3. M.: Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2005. S. 918, 920.
15. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1454. L. 63.
16. «Sokhrani moi pis'ma...»: Sb. pisem i dnevnikov evreev perioda Velikoi Otechestvennoi voiny. Vyp. 2. M.: Tsentri i Fond «Kholokost»: MIK, 2010. S. 222.
17. Geroi terpeniya.... S. 148, 179.
18. Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraja (TsDNIKK). F. 1774-R. Op. 2. D. 1186. L. 20.
19. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. S. 150.
20. «Ya poka zhiv...» (Frontovye pis'ma 1941–1945 gg.). N. Novgorod: Komitet po delam arkhivov Nizhegorodskoi oblasti, 2010. S. 121.
21. Geroi terpeniya... S. 143, 148.
22. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 360. L. 17ob.
23. «Ya poka zhiv...» S. 274.
24. Tam zhe. S. 96, 227.
25. Arkhiv Nauchno-prosvetitel'nogo tsentra (NPTs) «Kholokost». F. 9. Op. 2. D. 177. L. 14.
26. «Ya poka zhiv...» S. 86.
27. Tam zhe. S. 155.
28. Tsentral'nyi arkhiv Nizhegorodskoi oblasti (TsANO). F. R-6217. Op. 6. D. 110. L. 1–2.
29. «Ya poka zhiv...» S. 71, 113.
30. Geroi terpeniya... S. 83.
31. Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. Iyun' 1941 g. – 1953 g. T. 3. M.: Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2005. S. 946.
32. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 150. L. 5.
33. «Ya poka zhiv...» S. 117.
34. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja (GAKK). F. R-1773. Op. 1. D. 8. L. 5–6.
35. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1393. L. 9ob.
36. «Ya poka zhiv...» S. 114.
37. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1454. L. 61ob., 98.
38. Pis'ma iz voiny... S. 394.
39. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 369. L. 125ob.
40. TsANO. F. R-6217. Op. 6. D. 13. L. 7.
41. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 369. L. 124, 125ob.
42. Pis'ma Velikoi Otechestvennoi (iz fondov GU «TsDNITO»): Sb. dokumentov. Tambov, 2005. S. 271.
43. «Ya poka zhiv...» S. 258.
44. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. S. 23.
45. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1222. L. 2.

46. «Ya poka zhiv...» S. 217.
47. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1003. L. 37; D. 501. L. 163.
48. Pis'ma iz voiny...S. 132.
49. RGASPI. F. M-33. Op. 1. L. 1003. L. 36.
50. Tam zhe. D. 1171. L. 18, 19ob., 23, 27.
51. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 2. S. 258; «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. S. 16, 57.
52. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. S. 22.
53. Geroi terpeniya... S. 165.
54. RGASPI. F. M-33. Op. 1. D. 1003. L. 14.
55. Tam zhe. D. 1171. L. 6.
56. «Sokhrani moi pis'ma...» Vyp. 1. M., 2007. S. 202.

УДК 94(47)

Специфика внутрисемейных взаимоотношений в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ирина Геннадьевна Тажидинова

Кубанский государственный университет, Россия
Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии
350063, г. Краснодар, ул. Кубанская Набережная, 4.
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет опыт реконструкции взаимоотношений военнослужащих Красной армии и их родственников на основании частной переписки. Ее источниковой базой послужили опубликованные в последнее десятилетие сборники документов личного происхождения, а также комплексы эпистолярных источников, находящиеся на хранении в ряде архивов Российской Федерации (Российском государственном архиве социально-политической истории, Центральном архиве Нижегородской области, Архиве Научно-просветительского Центра «Холокост» и других). Данные источники, зафиксировавшие личностный опыт восприятия времени войны, позволили проанализировать эмоциональные переживания комбатантов и членов их семей (родителей, жен, детей), основные проблемы внутрисемейных отношений (моральные, финансовые, материальные). В целом, в статье рассматривается характер и содержание письменного общения красноармейцев с родственниками в 1941–1945 гг.

Ключевые слова. Великая Отечественная война 1941–1945 гг., фронтовики, семейная переписка, фронтовая и тыловая повседневность, финансовая и моральная поддержка.

ISSN: 2309-6322

Founder: Academic Publishing House *Researcher*

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

Has been issued since 1858.

Voennyi Sbornik. Russian Military Journal
--

UDC 908

The Caucasian War in the Writings of D.A. Milyutin

Amiran T. Urushadze

Southern Federal University, Russian Federation

PhD (History), Associate Professor

344090, Zhmaylova, 23, 3

Abstract. This article examines two works by D.A. Milyutin. These works are dedicated to the Caucasian War but were written at different times. In analyzing the works, we can trace the formation of D.A. Milyutin's strategic views of the issue of "conciliating the Caucasus". The writings examined are explored in the context of the circumstances that led to their creation and against the background of the development of the author's career.

Keywords: D.A. Milyutin; Russian Empire; Caucasian War; Caucasian line.

Введение. Имя Дмитрия Алексеевича Милютина – графа, генерал-фельдмаршала, военного министра Российской империи, реформатора русской армии, а кроме того и основателя журнала «Военный сборник» тесно связано с Кавказом и эпохой Кавказской войны. Служебная деятельность Д.А. Милютина в крае нашла обстоятельное описание в его воспоминаниях, которые являются ценнейшим историческим источником. В главах, посвященных кавказской жизни Д.А. Милютина, содержатся многочисленные наблюдения о повседневности Кавказской войны, планах командования, описание военных действий.

Материалы и методы. Однако события на Кавказе отразились далеко не только в мемуарном наследии Д.А. Милютина. За годы своей деятельности в крае он подготовил несколько служебных «записок», в которых выявляет причины и характер Кавказской войны, анализирует обстоятельства неудач русских войск в войне против горцев Кавказа, предлагает тактико-технические усовершенствования и возможные политические решения. В данной работе будут рассмотрены две из таких «записок» Д.А. Милютина, относящиеся к «раннему» периоду его службы в крае: «О некоторых недостатках, замеченных в составе и устройстве отрядов, действующих против горцев и о средствах к исправлению сих недостатков» (1839 г.) и «Мысли о различных образах действий на Кавказе» (1844 г.).

Эти милютинские работы ранее не публиковались, введение их в широкий научный оборот позволит не только расширить и дополнить имеющиеся представления о военных познаниях и талантах Д.А. Милютина, но и взглянуть на Кавказскую войну глазами молодого русского офицера Генерального штаба. Кроме того, общий анализ двух этих работ представляет возможность рассмотреть события Кавказской войны с различных позиций. Более ранняя «записка» Д.А. Милютина посвящена проблемам реорганизации штабной работы в действующих отрядах войск Кавказской линии и имеет прикладной, практический характер. «Записка», датированная 1844 г. уже несравненно более фундаментальна, изобилует теоретическими положениями и в отличие от первой написана опытным кавказским офицером – «настоящим кавказцем».

Обсуждение. Перевод на Кавказ, последовавший в начале 1839 г., не был для Д.А. Милютина ни большой неожиданностью, ни большой неприятностью. Гвардейская служба в столице империи не удовлетворяла его темпераменту и не сулила серьезных карьерных перспектив. Как и многие молодые офицеры гвардии Д.А. Милютин желал серьезных перемен,

надежды на которые прочно связывались с беспокойной южной окраиной империи. В своих воспоминаниях об этой атмосфере в гвардии он писал так: «В конце каждого года поднимался во всех частях гвардии вопрос, крайне интересовавший молодых офицеров: кто из них будет выбран начальством для командирования на Кавказ? Тогда от каждого полка посылалось по одному офицеру на годичный срок, чтобы участвовать в военных действиях, непрекращавшихся в этом крае круглый год, зимой и летом. Командировался один офицер и от Генерального штаба. Уже в прошлом году мечтал я о такой командировке; мне начинали надоедать бесцветная петербургская жизнь и формализм гвардейской службы; чувствовалась потребность подышать на просторе более свежим воздухом, увидеть иные, кроме петербургских, местности и в особенности ознакомиться с настоящей военной службою» [1, с. 42].

В этих словах кроме жажды действия, «настоящего дела» отчетливо слышится и влияние романтизма: исторических романов Скотта и поэм Пушкина [1, с. 42]. Любопытно, что схожие чувства – усталость от формализма и бессмысленности искусственной столичной жизни испытывал и молодой юнкер Оленин – главный герой «Казаков» Толстого.

Первую из рассматриваемых работ, а именно «О некоторых недостатках, замеченных в составе и устройстве отрядов, действующих против горцев и о средствах к исправлению сих недостатков» Д.А. Милютин написал по итогам и под впечатлением похода против Шамиля Чеченского отряда генерала П.Х. Граббе. Рассмотрим обстоятельства создания первой из анализируемых «записок» подробнее.

По дороге на Кавказскую линию – новое место службы – Д.А. Милютин не уставал удивляться особенностям повседневной и бытовой жизни населения Предкавказья: «...интересовало меня все встречавшееся на пути: казачьи станицы, кордонные посты, ногайские арбы, сами казаки линейные, необыкновенно ловкие, развязные, смышленные, красивой наружности, всегда в щегольском наряде с оружием, тщательно оберегаемом. Меня приводил в недоумение вопрос: как могло поддерживаться то хозяйственное довольство, которое замечалось в каждой казачьей хате. Откуда брались материальные средства, необходимые для боевого снаряжения казака в таком блестящем виде? При той тягостной, почти непрерывной службе, которая в то время лежала на линейных казаках, особенно же на полках, растянутых узкою лентою по Тереку (Горском, Моздокском, Гребенском и Кизлярском), многое в экономическом существовании этого населения представлялось мне загадочным в первое время знакомства моего с краем» [2, с. 198-199].

В конце апреля 1839 г. Д.А. Милютин прибыл в крепость Внезапная, которая была избрана сборным пунктом Чеченского отряда, целью которого было взятие резиденции Шамиля Ахульго. После приезда в крепость П.Х. Граббе – командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории – приготовления к предстоящему походу ускорились. Д.А. Милютин на короткий срок занял должность обер-квартирмейстера. Еще до начала похода «на Чечню», в ходе приготовлений и сбора войск, Д.А. Милютин успел заметить изъяны в организации работы штаба Чеченского отряда: «Вообще нельзя признать удачными как личный состав нашего отрядного штаба, так и самую организацию его» [2, с. 202].

Отряд выступил в поход на селение Ахмет-Тала, против угрожавшего линейным укреплениям шамилевскому наиба Ташев-Хаджи, в ночь с девятого на десятое мая и уже в первой перестрелке Д.А. Милютин был ранен в правую руку выше локтя навывлет. Судя по воспоминаниям реформатора русской армии, эта рана была следствием нетерпения и неосторожности молодого офицера, нежели упорности и ожесточенности боя [2, с. 206]. Раненого Д.А. Милютин видел П.Х. Граббе, который его «слегка пожурил, а потом напоил чаем» [2, с. 206]. Экспедиция против Ташев-Хаджи окончилась успешно, горцы вынуждены были отступить. Чеченский отряд, обезопасив свои тылы, готовился к броску на Ахульго – главной цели кампании 1839 г.

Уже в ходе наступления на горцев Ташев-Хаджи П.Х. Граббе заметил и запомнил офицера Генерального штаба Д.А. Милютин. Свидетельством этого является упоминание последнего в приказе генерала по войскам левого фланга от 16-го мая: «Офицеры Генерального штаба, штабс-капитан Шульц и поручик Милютин, оба раненые пулями навывлет, один в ногу, другой в руку, не признают своих ран и продолжают служить» [3, с. 241].

По словам самого Д.А. Милютин эта первая в его жизни кавказская экспедиция стала интересным и назидательным военным опытом. Дмитрия Алексеевича неприятно поразил тот факт, что регулярные русские войска не имели на Кавказе никакого преимущества перед

горским ополчением, а напротив того часто уступали горцам, имеющим уникальные навыки ведения боевых действий в условиях высокогорья: «С первых же дней похода мне уже бросились в глаза многие слабые стороны нашего образа действий против горцев в тактическом отношении. Более всего поразили меня те невыгодные условия, в которых нашим кавказским войскам приходилось вести борьбу. Тут не выказывалось то превосходство, которого следовало бы ожидать от европейского регулярного войска над неустроенными толпами вооруженного населения; напротив того, превосходство было на стороне неприятеля, не только вследствие удобной для обороны местности, но и по инстинктивному умению горцев пользоваться ею, а в особенности по меткости их ружейного огня. Мысль эта еще более во мне утвердилась и развилась по мере дальнейшего участия моего в военных действиях. Впоследствии я решился даже изложить ее письменно и представить начальству мои замечания о разных недостатках тогдашнего нашего военного устройства и образа действий на Кавказе» [2, с. 209].

Данные «замечания» Д.А. Милютин были представлены П.Х. Граббе в ноябре 1839 года. Записку, озаглавленную «О некоторых недостатках, замеченных в составе и устройстве отрядов, действующих против горцев и о средствах к исправлению сих недостатков» [4] Д.А. Милютин начинал следующим указанием: «Опыт минувшей экспедиции, завершённой в Северном Дагестане, обнаружил в составе и устройстве действующего отряда некоторые недостатки и несовершенства, из которых многие в продолжении самой экспедиции уже обратили на себя внимание Вашего Превосходительства. Рассматривая сии недостатки я старался придумать какими средствами и новыми мерами можно их победить, приложив все предметы к обстоятельствам края и к образу ведения войны» [4, л. 1].

Обращает на себя внимание заключительная фраза приведенной цитаты, которая свидетельствует, что автор этих строк в течение всего нескольких месяцев смог обстоятельно ознакомиться с местными условиями, выводящими Кавказскую войну за рамки хорошо известных штабным офицерам шаблонов и схем регулярных кампаний и генеральных сражений. Офицеры Генерального штаба, окончившие Военную академию в 1830-е гг. (и ранее) не получали систематических знаний о Кавказе и особенностях войны в этом крае, а потому всему были должны научиться путем самообразования или же в боевых условиях. Старший современник Д.А. Милютин и также видный участник Кавказской войны генерал Г.И. Филипсон, окончивший первым учебный курс Военной академии в 1835 г. в своих воспоминаниях отмечал: «О Кавказе и Кавказской войне я имел смутное понятие, хотя профессор Языков на лекциях военной географии проповедывал нам о том и другом; но по его словам выходило как-то, что самое храброе и враждебное нам племя были Кумыки» [5, с. 162-163]. Между тем, уже с начала XIX в. офицеры русской армии всерьез говорили и писали об особом «кавказском способе войны» [6, с. 341], а необходимые знания и навыки приобретались годами и кровью, пролитой на далекой окраине империи.

Основное внимание в своей первом труде, посвященном Кавказу Д.А. Милютин как и положено офицеру Генерального штаба уделил организации походного штаба: «В отрядах действующих под личным начальством г-на Командующего войсками Кавказской линии и Черномории, организация Походного штаба в особенности должна обратить на себя внимание потому, что в продолжении примерно половины года, пока длится экспедиция, высшее управление всею линией и все дела поступающие Командующему войсками, рассматриваются в Походном штабе. Сообразно с этим обстоятельством должен быть организован Штаб действующего отряда, в случае если начальство над оным принимает сам командующий войсками» [4, л. 2]. Штаб действующего отряда, в случае если поход возглавлял командующий войсками на Кавказской линии, сразу же превращался и в штаб всех «линейных» войск. Здесь необходимо учитывать, что Кавказская линия являлась не только способом организации войск, но, по крайней мере, не в меньшей степени и административно-территориальным институтом Северного Кавказа. Таким образом, в ходе военной экспедиции эффективность работы походного штаба неминуемо снижалась, а офицеры штаба оказывались перегружены работой различного характера. Д.А. Милютин отмечал, что такой порядок «...не может быть признан подходящей системою, ибо неудобства его обнаруживаются на каждом шагу в продолжении экспедиции» [4, л. 3]. В качестве решения данной проблемы Д.А. Милютин предлагал следующее: «И так необходимо устроить Походный штаб Командующего войсками совершенно на тех же основаниях, как признано вообще для Штабов корпусных присоединив еще особое отделение, в котором производились бы все дела не относящиеся к отряду» [4, л. 4]. Правильное

устройство штаба, по мнению Д.А. Милютина, было необходимым условием успешной горной войны, в которой слаженность действий и следование заранее утвержденному плану было особенно важным. Очевидно, что уделить в «записке» основное внимание именно вопросам организации штабной работы Д.А. Милютина заставили и негативные впечатления от штаба Чеченского отряда в экспедиции на Ахульго: «... в нашем отряде не было единства в распоряжениях, не было заранее обдуманного общего плана, и все делалось урывками, как бы случайно. Начальствующие власти сваливали друг на друга распоряжения и ответственность» [2, с. 245].

Среди недостатков кавказских войск Д.А. Милютин указывал на слабую подготовку саперов. Это имело самые печальные последствия, учитывая, что, по словам Д.А. Милютина: «Экспедиции в горах всегда сопряжены с большими работами по инженерной части, на каждом шагу необходимо употреблять саперов» [4, л. 11]. Еще одним тревожным фактором были недостатки снабжения действующих на Кавказе войск и низкое качество боеприпасов. В своей «записке» Д.А. Милютин указывал на самые красноречивые примеры: «Неоднократно замечено было, что снаряды, произведенные в местных арсеналах и парках, и привезенные в отряд оказываются совершенно негодными, особенно гранаты, которые редко разрываются» [4, л. 17].

Не оставил без внимания Дмитрий Алексеевич и проблемы использования артиллерии в горах. Трудности, сопряженные с доставкой орудий на позиции и устройством эффективной пушечной стрельбы описывались многими ветеранами Кавказской войны. Так, в частности, офицер Генерального штаба В.И. Мочульский, занимавшийся в 1834–1838 гг. разведывательной деятельностью на территории имамата, замечал: «Но в горах артиллерия нужна не только для разбития толпы напирających горцев и защиты укреплений, но и для выбивания первых из завалов, ущелий, скал и селений и здесь она могла бы приносить нам самую существенную пользу, освобождая войска от чрезвычайно кровавых приступов. Но естественное расположение гор не позволяет употреблять там тяжелую артиллерию, легкая же, по отдаленности предметов прицела и по распоряжению ее линий на отвесах, особенно в Нагорном Дагестане, не всегда может действовать с должным успехом. Даже сама конструкция пушек и единого рога препятствует производить такие возвышенные выстрелы, как того требует войны с горцами» [7, с. 28]. От многих других офицеров, прошедших горнило Кавказской войны, Д.А. Милютина отличало то, что он не только видел и признавал трудности и недостатки, но систематически пытался найти пути их преодоления. И в этом случае Д.А. Милютин пошел дальше профессиональной, но пустой в практическом смысле наблюдательности и предложил в виде приложения к своей «записке» чертеж нового горного орудия, совмещавшего в себе по мысли автора мобильность передвижения и прицельность огня.

Предлагаемые Д.А. Милютиным нововведения не получили быстрого хода, но служба молодого офицера Генерального штаба на Кавказе в 1839–1840 гг. была отмечена производством в звание капитана, а также орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени.

Второе из рассматриваемых сочинений Д.А. Милютина было написано в 1844 году. К этому времени будущий военный министр Российской империи успел побывать в ряде европейских стран с целью ознакомления с государственным устройством, судебной системой и местным самоуправлением, а в 1843 г. вернуться на Кавказ и занять должность оберквартирмейстера войск Кавказской линии и Черноморья.

Расширение кругозора и успешное развитие карьеры Д.А. Милютина своеобразно отражаются в «Мыслях о различных образах действий на Кавказе». Со страниц этого произведения перед нами предстает уже не скромный поручик Генерального штаба, озабоченный различными тактико-техническими усовершенствованиями в действующих на Кавказе отрядах, но стратег, излагающий причины Кавказской войны, состояние дел в крае и предлагающий собственные решения затянувшегося конфликта.

Дискуссии о причинах Кавказской войны продолжают и сегодня оставаться важной составляющей частью «Кавказской войны историографий» (Д.И. Олейников). Ученые-историки по-разному подходят к определению стороны агрессора. Многие усматривают причины конфликта в имперской экспансии, а другая и не менее значительная часть кавказоведов считает, что к военному противоборству привела «набеговая экономика» горцев.

В своей работе Д.А. Милютин о начале войны писал так: «Война началась Россией можно сказать по необходимости, для ограждения собственных пределов, принимая мало по малу обширнейшие размеры, получила характер наступательный, с целью покорения племен и утверждения русского владычества на всем пространстве Кавказских гор» [8, л. 4]. Нетрудно заметить, что в этих лаконичных тезисах Д.А. Милютина находят место и защита границ и имперские устремления.

Как обер-квартирмейстер Кавказской линии Д.А. Милютин был прекрасно знаком с положением дел в укреплениях и с их местом в Кавказской войне. Дмитрий Алексеевич подмечает характерную эволюцию роли и значения линейных укреплений: «Само назначение линии малых укреплений – изжилося в продолжении времени из средства чисто оборонительного оно сделалось как бы способом покорения неприязненного края» [8, л. 7]. Пояснением и дополнением этой мысли Д.А. Милютина служит описание Кавказской линии в «Историческом обзоре Терека, Ставрополя и Кубани», изданном в 1851 г.: «Собственно под Кавказскою линиею не должно подразумевать одну кордонную черту, но к ней принадлежат все крепости, укрепления, посты, ряды оборонительных линий, передовые укрепления, устроенные в Кавказском крае, и все пространство, занимаемое поселением Кавказского линейного казачьего войска и мирных горских народов, находящихся под управлением начальников Кавказской линии» [9, с. 90-91]. Кроме того, в воспоминаниях современников Кавказская линия иногда именовалась «землей» - отдельной территорией с городами, поселками, населением [10, с. 229-230].

Сооружение укрепленных линий Д.А. Милютин считал недостаточным средством для «умиротворения края» и «покорения горцев»: «Укрепленными линиями пробовали прикрывать от враждебных горцев и держать в повиновении те части края, которые по наружности признавали себя покорными. Опыты подобного рода были весьма многочисленны до самого последнего времени: линии по Сунже, вдоль подошвы Кавказского хребта, по Сулаку и Койсу, наконец вокруг всей Аварии, показали, что этими средствами нисколько нельзя было удерживать край в повиновении или обезопасить (так в тексте – А.У.) его от покушений неприятеля, напротив того, после углубления этих линий бежали все надтеречные чеченцы, сожжены малые кумыкские деревни, изменили тарковцы и отпала от нас вся Авария» [8, л. 7].

Откровенно критиковал обер-квартирмейстер Кавказской линии и планы по сооружению сплошной линии укреплений, которые исходили от самого П.Х. Граббе. Указывая на бесперспективность строительства новых оборонительных сооружений на линии, Д.А. Милютин писал: «Форты не могут буквально запереть выход из гор; ибо горцы <...> найдут всегда сотни путей, хоть бы мы выстроили и втрое больше фортов» [8, л. 9].

Вместо поэтапного сооружения в крае новых линий обороны Д.А. Милютин предлагал больше полагаться на «действия наступательные» необходимые «... для усмирения восстания, между племенами, которые по своему положению находятся у нас под рукою и, которым мы всегда можем угрожать появлением нашим. Только подобными наступательными действиями можно удерживать в повиновении те племена, которым можем мы быть всегда страшнее чем Шамиль. Напротив того те племена, которые всегда находятся под рукою последнего и недоступны для наших отрядов, конечно не могут быть покорены в полном смысле этого слова одним временным ударом» [8, л. 37].

В рассматриваемом труде Д.А. Милютина наступательные действия войск Кавказской линии в ходе войны выступают не способом покорения, а средством «держать в покорности» мирных горцев, находящихся на территории линии [8, л. 37]. Подводя итог своим размышлениям, Дмитрий Алексеевич отмечал: «Следовательно, цель наших действий на Кавказе не иначе может быть достигнута, как объединением системы оборонительной с наступательною...» [8, л. 40].

Результаты. Реализовать на практике данную стратегию Д.А. Милютин получил возможность после назначения в 1856 г. на должность начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса, преобразованного вскоре в Кавказскую армию. При активном участии Д.А. Милютина был разработан трехлетний план покорения горцев Чечни и Дагестана, венцом которого стало знаменитое «концентрическое наступление Барятинского».

Заключение. Таким образом, рассмотренные сочинения Д.А. Милютина представляют в общем виде отдельные этапы становления стратегии, приведшей к окончанию Кавказской войны.

Примечания:

1. Гордин Я.А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда»», 2008. 288 с.
2. Милотин Д.А. Воспоминания // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2000. С. 198-230.
3. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. IX. Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1884. 1017 с.
4. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 169. Картон 17. Ед. хр. 45.
5. Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив. № 5. 1883. С. 160-200.
6. Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 340-348.
7. Мочульский В.И. Война на Кавказе и Дагестан. Махачкала: Дагестанский центр гуманитарных исследований имени Имама Шамиля, 2012. 182 с.
8. ОР РГБ. Ф. 169. Картон 19. Ед. хр. 5.
9. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. I. М.: Надыршин, 2008. 831 с.
10. Тучков С.А. Записки. 1766-1808 // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 218-339.

References:

1. Gordin Ya.A. Zachem Rossii nuzhen byl Kavkaz? Illyuzii i real'nost'. SPb.: ZAO «Zhurnal «Zvezda»», 2008. 288 s.
2. Milyutin D.A. Vospominaniya // Osada Kavkaza. Vospominaniya uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX veka. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2000. S. 198-230.
3. Akty, sobrannye Kavkazskoi arkheograficheskoi komissiei. T. IX. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1884. 1017 s.
4. Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki (dalee – OR RGB). F. 169. Karton 17. Ed. khr. 45.
5. Vospominaniya Grigoriya Ivanovicha Filipsona // Russkii arkhiv. № 5. 1883. S. 160-200.
6. Memuary grafa de Rosheshuara, ad'yutanta imperatora Aleksandra I // Kavkazskaya voina: istoki i nachalo. 1770-1820 gody. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2002. S. 340-348.
7. Mochul'skii V.I. Voina na Kavkaze i Dagestan. Makhachkala: Dagestanskii tsentr gumanitarnykh issledovaniy imeni Imama Shamilya, 2012. 182 s.
8. OR RGB. F. 169. Karton 19. Ed. khr. 5.
9. Istoricheskii obzor Tereka, Stavropol'ya i Kubani. Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii. T. XVI. Ch. I. M.: Nadyrshin, 2008. 831 s.
10. Tuchkov S.A. Zapiski. 1766-1808 // Kavkazskaya voina: istoki i nachalo. 1770-1820 gody. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Zvezda», 2002. S. 218-339.

УДК 908

Кавказская война в сочинениях Д.А. Милютина

Амиран Тариелович Урушадзе

Южный федеральный университет, Российская Федерация
 Кандидат исторических наук, доцент
 344090, Жмайлова, 23, 3
 E-mail: urushadze85@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются два труда Д.А. Милютина. Данные работы посвящены Кавказской войне, но написаны в разное время. В ходе их анализа прослеживается становление стратегических взглядов Д.А. Милютина на проблему «замирения Кавказа». Рассматриваемые сочинения исследуются в контексте обстоятельств их создания и на фоне развития карьеры их автора.

Ключевые слова: Д.А. Милютин; Российская империя; Кавказская война; Кавказская линия.